

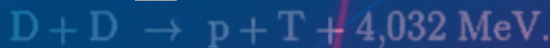
Лично я убежден в том, что человечество нуждается в ядерной энергии. Она должна развиваться, но при абсолютных гарантиях безопасности.

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Каждое разумное существо, оказавшись на краю пропасти; сначала старается отойти от этого края, а уж потом думает об удовлетворении всех остальных потребностей. Для человечества отойти от края пропасти – это значит преодолеть разобщенность.

Человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода – свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков.

Я отрицаю сколько-нибудь существенное устрашающее действие смертной казни на потенциальных преступников. Я уверен в обратном – жестокость порождает жестокость.

Прогресс неизбежен, его прекращение означало бы гибель цивилизации.

23
2015
Часть VII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 23 (103) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989) — советский физик-теоретик, общественный деятель, диссидент и правозащитник. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Абдрахманова Г. А.**
Проблемы эвтаназии в современном мире..... 709
- Айсханова Е. С.**
Криминологическая характеристика лиц, совершающих общественно опасные деяния (проступки) до достижения возраста уголовной ответственности..... 711
- Айсханова Е. С.**
Социальные и психологические особенности личности несовершеннолетних 713
- Ахъядов Э. С.**
Высшие меры наказания в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ 715
- Ахъядов Э. С.**
Реализация общепризнанных принципов и норм международного права в Уголовном кодексе Российской Федерации 717
- Басаев В. А.**
Современное правовое положение пожизненного лишения свободы и смертной казни в РФ 719
- Басаев В. А.**
Развитие института смягчения наказания в уголовной политике Русского государства XV–XVI веков 721
- Безгубенко А. В.**
Об актуальности исследования проблем правового регулирования договора коммерческой концессии в гражданском праве России..... 723
- Бессонова Е. Ю.**
Правосудие как деятельность судов, направленная на обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации 725
- Бессонова Е. Ю.**
Некоторые вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина в арбитражном судопроизводстве 727
- Бидова Б. Б.**
Прикосновенность к преступлению в системе превентивно-правовых мер 729
- Бидова Б. Б.**
Проблемы теории и практики применения института смягчения наказания в Российской Федерации 731
- Бочаров А. Н.**
Об основаниях применения правил ГК РФ о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями органов государственной власти 733
- Волегова Ю. С.**
Нормативно-правовое регулирование образовательной деятельности в России на современном этапе..... 735
- Волегова Ю. С.**
Некоторые особенности правоотношений, возникающих из договора на оказание образовательных услуг 739
- Гаджиев Т. Ф., Третьяк М. И.**
Проблемы законодательной регламентации специальных составов мошенничества (на примере кредитного мошенничества) 741
- Галкин А. Ю.**
Обязанности заказчика по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ..... 744
- Ганаева Е. Э.**
Превентивная роль правовых норм о прикосновенности к преступлению в истории уголовного права России 746
- Ганаева Е. Э.**
Анализ объективных и субъективных признаков прикосновенности к преступлению 748

Долгополов Р. Г., Мельников И. С. Момент вступления защитника в уголовное дело 751	Сафиуллова Э. Д. Обращение граждан: необходимость или право? 779
Иванов В. М. К вопросу о введении налога на роскошь в Российской Федерации..... 754	Спиридонов Д. А. Понятие, сущность и природа коррупции как политико-правового феномена 780
Иванов В. М. К вопросу об электронном голосовании в Российской Федерации..... 756	Сушкова О. В. К вопросу о свидетельском иммунитете священнослужителей 782
Иванов В. М. Актуальные проблемы правового положения коренных малочисленных народов Севера..... 758	Филиппова А. В. Определение доходов иностранных организаций от деятельности в Российской Федерации в целях исчисления налога на прибыль организаций ... 785
Кислова О. А. Охрана труда как важнейший институт трудового права в Российской Федерации..... 759	Хадисов С. В. Правовая социализация населения как ключевое направление деятельности юридических клиник..... 787
Козловский И. А. Каталог оперативно-розыскных мероприятий методы их реализации 761	Ходжалиев С. А. Становление и развитие института смягчения наказания в отечественном уголовном законодательстве с конца XVI до начала XX века 789
Лапачи В. Д. Об актуальности исследования проблем осуществления родительских прав 763	Ходжалиев С. А. Родовое понятие прикосновенности к преступлению в системе современных категорий уголовного права 791
Лебединская В. П. Современная российская семья как продукт, отражающий сложности и проблемы развития общественных отношений 765	Хуснутдинова С. А., Иванцова Г. А. История возникновения и развития института компенсации морального вреда в российском праве 793
Макарова А. А. Правовая регламентация деятельности ФМС при обращении к ним за помощью граждан 768	Чантурия К. М. Особое производство в гражданском процессе. Ограничение и лишение дееспособности: российский и зарубежный опыт 794
Макарова А. А. Проблемы взаимодействия Федеральной миграционной службы с органами внутренних дел..... 771	Яхьяева М. У. Развитие института смягчения наказания в уголовном законодательстве советского периода 797
Михайлова Н. С., Гамалей А. А. Институт мировых судей в дореволюционной России..... 773	Яхьяева М. У. Обстоятельства, смягчающие наказание: проблемы систематизации и особенности учета 799
Присяжная Д. Н. Условия применения особого порядка судебного разбирательства 775	
Присяжная Д. Н. Препятствия рассмотрения уголовного дела в особом порядке при досудебном соглашении о сотрудничестве 777	

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Проблемы эвтаназии в современном мире

Абдрахманова Гульназ Альбертовна, студент

Пермская государственная фармацевтическая академия Минздрава России

С древнейшей поры проблема жизни и смерти была предметом философского и правового осмысления. Постичь проблему пытались и античные философы, видя в ней важнейший вопрос человеческого существования.

Термин «эвтаназия» произошел от греческих слов: «eu» — благой, хороший, и «thanatos» — смерть. Ф. Бэкон (1561–1626) понимал под эвтаназией легкую, безболезненную, даже счастливую смерть. Он писал: «Если бы врачи хотели быть верными своему долгу и чувству гуманности, они должны были бы увеличить свои познания в медицине и в то же время приложить все старания к тому, чтобы облегчить уход из жизни тому, в ком ещё не угасло дыхание» [2].

«Краткий оксфордский словарь» дает три значения слова «эвтаназия»: первый — «спокойная и легкая смерть», второе — «средства для этого», третье — «действия по ее осуществлению».

Существует несколько разновидностей эвтаназии. Так, например, различают эвтаназию активную и пассивную.

При пассивной (или как ее еще называют «метод отложенного шприца») врачи намеренно прекращают поддерживающую терапию безнадежных больных людей. Такая практика распространена во многих странах мира.

Активная эвтаназия («метод наполненного шприца») имеет место, когда вводят умирающему лекарственные средства, которые приводят к смерти, либо как-то иначе способствует смерти больного.

Помимо этого, необходимо различать добровольную и недобровольную эвтаназию. Добровольная эвтаназия осуществляется по просьбе больного или с предварительно высказанного его согласия (например, в США заранее и в юридически достоверной форме выражают свою волю на случай необратимой комы). Недобровольная эвтаназия осуществляется без согласия больного, который находится в бессознательном состоянии [4].

Обобщая многочисленные опросы, можно заметить, что очень небольшой процент людей готовы применить эвтаназию к себе, большинство из них выражает желание, чтобы такая возможность всё же существовала. Так в Голландии из десяти пациентов, сообщивших врачу

просьбу об эвтаназии, только один совершает её. Людям становится спокойнее от знания того, что такое право у них есть.

На данный момент существуют четыре места, в которых действует разрешение на эвтаназию, — Нидерланды, две части Америки, и Северная Территория Австралии. Только в Северной Территории эвтаназия официально разрешена законом, врач может выписывать пациенту, но не давать сам, вызывающие смерть препараты. В Нидерландах самоубийство с помощью врача, и активная (добровольная) эвтаназия запрещены законодательным актом, но разрешены на практике. По заявлению суда, врач, умертвивший (или способствовавший в самоубийстве) своего пациента при определенных обстоятельствах, не признается виновным.

Политикой этих стран установлены три условия:

- 1) эвтаназия должна быть добровольной,
- 2) только врач может оказывать помощь или осуществлять эвтаназию,
- 3) состояние пациента должно быть с медицинской точки зрения неудовлетворительно.

В странах Европы и остального мира все чаще звучат призывы разрешить эвтаназию. Так, верхняя палата французского парламента не так давно одобрила закон, разрешающий неизлечимо больным отказываться от дальнейшего лечения. Документ предусматривает прекращение медицинской помощи в случае, когда она «становится бесполезной, непропорциональной либо не имеющей другого эффекта, кроме искусственного prolongation жизни». Решение о прекращении лечения может принять сам пациент, но если он находится в бессознательном состоянии, его судьбу будут решать родственники.

Аналогичный закон о «пассивной» терапии разрабатывается и в Израиле. Такой подход кардинально отличается от принципов эвтаназии, узаконенных в Бельгии и Нидерландах, где разрешено введение смертельной инъекции.

В двух американских штатах — Орегоне и Калифорнии — также возможен добровольный уход из жизни неизлечимо больных пациентов. Там процедура эвтаназии

может применяться в отношении находящего в сознании пациента, которому остается жить не более полугода [7].

В истории много примеров применения эвтаназии к людям, которые могли бы быть вылечены. Джек Кеворкян — врач из США изобрел в 1989 году «машину смерти» — аппарат, вводящий в организм пациента смертельный раствор. В будущем он усовершенствовал «суицидальную» машину, снабдив ее маской с автоматической подачей смертельной дозы углекислого газа. «Доктор Смерть» поспособствовал отправке на тот свет около 120 своих пациентов, дальнейшее изучение их истории болезней показало, что они не были смертельно больны [10].

Вопрос разрешения эвтаназии в России обсуждается уже последние 15–20 лет. Он вызывает жаркие споры медиков, юристов, философов. Но есть и неточности в нашем законодательстве.

Отношения врача и пациента в России регулируют «Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан». Статья 45 этого документа называется «Запрещение эвтаназии» и гласит буквально следующее: «Медицинскому персоналу запрещено осуществление эвтаназии — удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни [12]. Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» [12]. Возникает острая необходимость выделения эвтаназии в самостоятельный состав менее опасного вида убийства, Уголовный Кодекс рассматривает ее как обычное убийство (ст. 105 УК РФ). Пока же такие попытки не совсем успешны [8].

В Этическом кодексе российского врача статья 14 «Врач и право пациента на достойную смерть» гласит: «Эвтаназия, как акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе, или по просьбе его близких, недопустима, в том числе и в форме пассивной эвтаназии. Под пассивной эвтаназией понимается прекращение лечебных действий у постели умирающего больного» [13].

Однако проблема от этого не перестала существовать, так как закрепленное в законодательстве право пациента на отказ от медицинской помощи фактически открывает

возможности для правового оформления вопроса, касающегося пассивной эвтаназии (статья 31 «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан»). Таким образом, законодательство России в этом вопросе весьма противоречиво.

В Российской Федерации умирающий человек вообще оказывается без врачебной помощи, либо свои последние дни проводит в реанимации, без родственников, рядом с другими пациентами в одной палате. По этой причине не реанимировать, не делать всё возможное для поддержания жизни, в нашей стране не получится.

К тому же, неоказание помощи, не проведение реанимационных мероприятий тяжелобольного может квалифицироваться как незаконное. Зная об этом, медики спасают всех.

Легализация эвтаназии в современной России, где финансовые ресурсы паллиативной медицинской помощи еще не совсем развиты, может привести к тому, что терминальные больные из социально неблагополучных слоев будут подвергаться эвтаназии, вместо оказания им паллиативной медицинской помощи.

Именно поэтому необходимо развитие в российской медицине паллиативной помощи, а после этого совершенствование законодательной базы, что могло бы позволить людям отказываться от реанимационных мероприятий, если на то есть их желание.

Многие ученые опасаются, что официальное разрешение эвтаназии может приостановить создание более эффективных лекарств для лечения тяжелобольных, а также стать причиной недобросовестности в оказании медицинской помощи. Реанимационная помощь таким больным требует больших материальных затрат и большой физической и моральной отдачи медперсонала. Именно эти неблагоприятные факторы могут вызвать у больного желание ускорить смертельный исход, что позволит врачу полностью прекратить всякое лечение и уход за тяжелым больным. И в этом еще одна из причин необходимости правового регулирования данного вопроса.

На современном этапе ясно одно — легализация эвтаназии в России требует детального подхода, качественного изучения и обсуждения. Так как отношение к эвтаназии в обществе неоднозначно, причем, каждую сторону можно понять или, наоборот, осудить.

Литература:

1. Акопов, В. И. Этические, правовые и медицинские проблемы эвтаназии // Медицинское право и этика, 2000, № 1;
2. Бекон, Ф. Соч. Т. 1. — М., 1971. — С 269
3. Громов, А. Умереть или мучаться //Юрид. газета. — 1992. — № 14.
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации (Часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. ФЗ от 27.12.2009 г. № 352-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
5. Дубинин, О. А. Правовые проблемы эвтаназии в России / О. А. Дубинин // Социальное и пенсионное право. — 2006. — № 2. — с. 6.
6. Кальченко, Н. В. Права человека и гражданина на жизнь и его гарантии в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1995. с. 24.

7. Краснополяская, И. Смерть по собственному желанию: Нужен ли России закон об эвтаназии? / И. Краснополяская, Т. Шкель // Российская газета. — 2007. — № 4366
8. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник \Под. Ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2003. — 492 с.
9. Ключев, А. Г. Некоторые аспекты эвтаназии как моральная проблема медицинской деятельности. // Проблемы соц. Гигиены и история медицины. — 1994. — № 6
10. О различных проблемах биоэтики. Биомедицинская этика / Под ред. В. И. Покровского. // «Вопросы философии» (1994. № 3. С. 49—105)
11. Фадеева, Т. И. Эвтаназия — выход или тупик? // 2007, <http://www.foru.ru/slovo.9662.10.html>;
12. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред от 02.07.2013 с изменениями, вступившими в силу с 03.07.2013) «ОБ ОСНОВАХ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
13. Этический кодекс российского врача, утвержден 4-й Конференцией Ассоциации врачей России, ноябрь 1994

Криминологическая характеристика лиц, совершающих общественно опасные деяния (проступки) до достижения возраста уголовной ответственности

Айсханова Екатерина Султановна, кандидат экономических наук, доцент
Чеченский государственный университет

Обязательным элементом предмета криминологии является личность преступника, под которой понимается личность человека, который совершил преступление, вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата [1]. Предметом нашего исследования являются не преступники в полном смысле этого слова, а несовершеннолетние, совершившие общественно опасные деяния (проступки) до достижения возраста уголовной ответственности. Поскольку, как мы определили, подобные деяния в связи с их общественной опасностью и возможностью повторения в будущем, являются объектом криминологического исследования, то и носители подобного общественно опасного поведения также должны подвергаться криминологическому анализу. Это необходимо для предупреждения подобных деяний со стороны других лиц, не достигших возраста уголовной ответственности и для предупреждения в будущем преступлений со стороны названной категории лиц.

Важнейшим элементом любой личности, в том числе и лиц рассматриваемой категории, является возраст. Изучение возраста указанных лиц актуально еще и потому, что именно с достижения определенного законом возраста для подростка наступает наиболее суровый вид социальной ответственности, а именно уголовная ответственность.

Каждый возраст представляет собой качественно особый этап психологического развития индивида и характеризуется множеством изменений, составляющих в совокупности своеобразие личности на данном этапе

ее развития. Известный российский психолог Л. С. Выготский рассматривал возраст как определенную эпоху или ступень развития, как известный, относительно замкнутый период развития, значение которого определяется его местом в общем цикле развития, и в котором общие законы развития находят всякий раз качественно своеобразное выражение [2]. Следует отметить, что указанные возрастные этапы в определенной мере условны и могут смещаться, проходить не год (раньше или позже), а в последние годы, как правило, раньше, что связано с процессами акселерации в обществе. Нас в связи с тематикой нашего исследования будет интересовать прежде всего подростковый период развития детей, хотя общественно опасные деяния могут совершаться и лицами младшего школьного возраста. Подростковый период наиболее сложный в жизни ребенка, так как он «переходный», «трудный». Переход от детства к взрослости — вот его основное содержание.

Именно в этот период происходит становление качественно новых образований личности, появляются элементы взрослости, перестраивается организм, самосознание, меняются взаимоотношения со сверстниками и прежде всего со взрослыми, что не может не сказываться на поведении подростка.

Как отмечал известный русский педагог В. А. Сухомлинский, для этого периода развития ребенка характерны следующие основные противоречия: желание и неумение самоутвердиться; богатство желаний и ограниченность сил, опыта, возможностей для их осуществления; показное отрицание авторитетов и беспрекословное подчинение им; увлечение идеальным и сомнение в его возможности в повседневной жизни; романтическая восторженность и грубые выходки, мо-

ральное невежество; восхищение красотой ироническое отношение к ней. Эти противоречия в процессе развития либо сглаживаются, либо обостряются и приводят к конфликтам [3].

Если говорить непосредственно о возрасте лиц, изучаемой нами категории, то исследование показало, что среди них преобладают лица подросткового возраста 9–13 лет. Возраст накладывает отпечаток на характер совершаемых подростками общественно опасных деяний. Так для лиц младшего возраста (до 11 лет) характерны общественно опасные деяния, имеющие объективную сторону краж и уничтожений чужого имущества, вандализма; для лиц в возрасте 11–13 лет кроме вышеперечисленных общественно опасных деяний, характерны деяния, имеющие объективную сторону грабежей, угонов, причинений тяжкого вреда здоровью, убийств. У лиц 14–15 летнего возраста «спектр» совершаемых деяний еще шире: это кроме всех вышеперечисленных, за которые они привлекаются уже к уголовной ответственности, — это деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков, мошенничеством, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов и иные. Замечено, что, чем меньше возраст подростков, то тем они чаще совершают общественно опасные деяния в группах.

Не менее важной, чем возраст, характеристикой личности является пол. Как утверждают ученые, именно с полом связаны различные социальные функции людей, особенности их социального положения и поведения (например, женщины отличаются меньшей насильственной криминальной активностью по сравнению с мужчинами). В большинстве криминологических исследований обосновано отмечается, что преступность — преимущественно «мужское» явление и что структура мужской преступности существенно отличается от структуры преступности женщин.

Как пишут В.Д. Ермаков и Н.И. Крюкова, особенности несовершеннолетних правонарушителей по половому составу таковы:

— удельный вес лиц мужского пола среди преступников (90–96%) всегда существенно выше их удельного веса в населении данного возраста в соответствующих регионах страны (48–52%);

— удельный вес девушек, совершающих преступления (4–10%), наоборот, значительно меньше их удельного веса в населении. Однако в последние годы удельный вес девушек-преступниц возрос на 2–3%;

— удельный вес лиц женского пола в преступности несовершеннолетних в 3–4 раза меньше аналогичного показателя взрослой преступности.

Удельный вес девушек среди несовершеннолетних преступников в последние годы составляет около 8–9%. Среди рассматриваемой нами категории несовершеннолетних удельный вес девушек еще меньше. Так среди лиц, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, лица мужского пола составили 95,7%, а женского всего 4,3% [4].

Не менее важными характеристиками лиц рассматриваемой категории является их род занятий и образовательный уровень. Возраст не может не накладывать отпечаток на род деятельности. Основная масса подростков должна в этом возрасте (до 15 лет) обучаться в школе или ином учебном заведении. Однако исследование показало, что на момент совершения общественно опасного деяния лишь 77,7% подростков обучались в школе или профессиональном училище. 16,3% таких лиц не учились и не работали, занимались бродяжничеством, попрошайничеством, проституцией. Определенная часть (6,0%) вместо учебы занимались временными приработками — собирали стеклопосуду, изделия из цветных металлов, мыли автомашины. В силу этого образовательный уровень опрошенных лиц достаточно низкий. Так лишь 2,3% имели неполное среднее образование, абсолютное же большинство характеризуется начальным образованием. В ходе исследования также выявлены подростки, которые никогда не учились в школе (2,5%). Это присуще для детей, выходцев их стран СНГ, прежде всего таких как Таджикистан, Узбекистан, Молдова.

Во многих криминологических исследованиях указывается, что преступники в отличие от не преступников хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, которые не оказывают на них существенного влияния. Такие люди часто не понимают, что от них требует общество.

Психофизиологическое развитие несовершеннолетних правонарушителей характеризуется изменениями отношений со взрослыми, их повышенной конфликтностью с родителями, что объясняется следующими причинами:

— так называемым «конфликтом моралей», когда мораль подчинения, характеризующая до сих пор отношения ребенка и взрослого, заменяется «моралью равенства»;

— чувством зрелости, реакцией эмансипации, отделения от взрослого;

— повышенной критичностью по отношению к взрослым при одновременном повышенном внимании к мнению сверстников.

Как отмечает Е.П. Ильин, для всех несовершеннолетних, вставших на путь правонарушений, выбор такого варианта поведения непосредственно или косвенно в конечном счете связан с личностными деформациями, часто выражающимися в узости и неразвитости позитивных общественных связей, бедности форм деятельности, бессодержательности их досуга [5].

Дефекты правового сознания у несовершеннолетних, совершающих преступления, выражаются в негативном отношении к нормам права, нежелании следовать предписаниям данных норм. Существенные пробелы в правовых знаниях несовершеннолетних приводят к рассуждениям о «несправедливости» законов, о «незаконном» осуждении.

Рассмотренные выше личностные особенности несовершеннолетних, совершивших преступления, выражаются главным образом в мотивации их преступного поведения, которая сводится в основном к следующему:

— преобладание «детских» мотивов — совершение преступления из озорства, любопытства, желания утвердить себя в глазах сверстников, стремления обладать модными вещами и т.п.;

— ситуативность мотивов;

— деформация какого-то одного элемента сферы потребностей, интересов, взглядов. Естественно, мотивационная сфера несовершеннолетних не остается неизменной. По мере взросления, накопления преступного опыта происходит сдвиг мотивации. Последний характеризуется исчез-

новением наивно-детских мотивов, возрастанием удельного веса мотивов, выражающих осознанный конфликт между правонарушителем и окружающими людьми, обществом.

Так, в настоящее время среди мотивов противоправного поведения несовершеннолетних можно выделить такие побуждения, как корысть, жестокость, агрессивность, сексуальные потребности, эгоизм, подражательство, солидарность, самоутверждение, социальная безответственность и легкомыслие, отчуждение от общества и противостояние ему.

Литература:

1. Антонян, Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. — М.: Норма, Инфра-М, 2014. — с. 128.
2. Выготский, Л.С. Несовершеннолетние преступники: криминологический портрет //Социологические исследования. 2013. № 3. — с. 57.
3. Сухомлинский, В.А. Рождение гражданина. — М.: Молодая гвардия, 1971. — с. 74.
4. Саблина, Л.С. Социально-правовая характеристика несовершеннолетних преступников //Уголовное право. 2012. № 5. — с. 24.
5. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2012. — с. 327.

Социальные и психологические особенности личности несовершеннолетних

Айсханова Екатерина Султановна, кандидат экономических наук, доцент
Чеченский государственный университет

Социальные и психологические особенности личности несовершеннолетних играют особую роль при формировании неформальных группировок. Подобное объединение несовершеннолетних — это не только объективная реальность, но и необходимость, суть которой может быть понята, если учитывать существование таких типов культур, как: постфигуративный, означающий, что дети учатся у своих родителей; конфигуративный — дети и взрослые учатся у своих сверстников; префигуративный — взрослые также учатся у своих детей. Поскольку в реальной жизни все эти типы культур действуют одновременно, несовершеннолетние объективно стремятся к объединению, в том числе со своими сверстниками. Для дошкольника наиболее авторитетны родители, для первоклассника — учительница, для юноши — его сверстники.

Среди создаваемых несовершеннолетними групп психологи выделяют просоциальные, социально индифферентные и антисоциальные. При этом группировки с явно асоциальной направленностью объединяют не более 10% молодежи. Оставшиеся 90% — это резерв, который пополняет асоциальные группировки либо противостоит им.

Однако никакая формальная организация не способна охватить все стороны социальной среды, все интересы человека. Чем энергичнее пытаются разрушить порядки, установленные неофициальными правилами, тем они устойчивее.

Причины и условия преступности несовершеннолетних, как и преступности в целом, носят социально обусловленный характер. Они прежде всего зависят от конкретных исторических условий жизни общества, от содержания и направленности его институтов, от сущности и способов решения основных противоречий.

Социально-экономические и социально-психологические противоречия перехода к рыночным отношениям привели к глубокой переориентации молодежи с коллективистских духовных ценностей на корыстно-индивидуалистические. За 20 лет выросло целое поколение, которое с малых лет занимается уличной торговлей, охранной деятельностью в сомнительных учреждениях и т.п. Несовершеннолетние, воспитываясь в условиях, когда многие вопросы решались в отсутствие необходимого правового поля, привыкли не соблюдать предписания законов. Более того, у многих из них вошло в привычку постоянно всех обманывать и жить в страхе за собственную жизнь.

У многих несовершеннолетних появилась, если так можно сказать, «робин-гудовская» психология мести за несправедливость по отношению к ним, которая облегчает для них совершение преступления. Они внутренне не согласны с навязанным им клеймом «социального аутсайдерства». Характерный пример — организованная подростковая преступная группировка А. Короткова, действовавшая в первой половине 90-х годов в Екатеринбурге

(к суду было привлечено 24 человека). Участники этого общества действовали как по личным, так и по социальным мотивам: формирование нового общества и открытого социального и имущественного неравенства совпало с формированием их как личностей, при этом они воспринимали происходящее как несправедливость. В совмещении с дворовым культом насилия это послужило оправданием совершённых ими разбойных нападений и грабежей, а иногда и убийств. Для грабежа квартир они использовали альпинистское снаряжение, спиртное добывали себе путём угрозы убийством продавцов коммерческих магазинов. Причём Коротков присвоил себе право казнить даже своих приближённых, если только подозревал их в намерении выдать остальных (на суде ему инкриминировалось и то, что он командовал расправой над тремя участниками своей же группировки, в том числе одной женщиной). Группировка действовала дерзко и настолько непрофессионально, что следователи и судьи были поражены, как никто не попался при первых же налётах. [1]

В полной мере все сказанное относится и к несовершеннолетним, совершающим общественно опасные деяния.

К числу нравственно-психологических особенностей таких лиц следует отнести их интересы, потребности, увлечения, жизненные цели и ориентации.

По своему содержанию различают интересы активного и пассивного характера. Активные побуждают человека к интенсивным действиям, направленным на удовлетворение этих интересов. Они выступают в качестве стимула развития личности в овладении знаниями и навыками, в формировании способностей и характера. Человек с пассивными интересами не стремится к глубоким познаниям и к творческой деятельности.

В период взросления у несовершеннолетних с отклоняющимся поведением появляется больше свободного незанятого времени, а желание занять его чем-нибудь приводит к употреблению спиртных напитков, наркотиков, психоактивных веществ и другим антиобщественным занятиям.

Многие криминологи фиксируют у несовершеннолетних преступников, и это подтверждено в ходе нашего исследования, ограниченность круга потребностей и интересов, примитивный характер многих из них. Для них характерно преобладание материальных, причем часто сиюминутных, интересов, над духовными. Они не видят смысла в повышении своего образовательного и духовного уровня, не посещают библиотеки, театры, выставки, не читают книги. Кино, телевидение, видео для них — лишь способ провести время. При этом они предпочитают «легкие» фильмы (эротика, боевики). Им свойственно праздное времяпрепровождение, ослабление чувства стыда, равнодушие к другим людям и их переживаниям, эмоциональная несдержанность, грубость, лживость, лицемерие [2].

С профилактической точки зрения, правоохранительным органам, прежде всего органам внутренних дел, необходимо знать мотивы общественно опасного поведения несовершеннолетних.

Как уже ранее отмечалось, для общественно опасных деяний лиц, не достигших возраста уголовной ответственности присущ в основном корыстный характер. Поэтому корыстные мотивы являются самыми распространенными в общественно опасном поведении несовершеннолетних.

Ученые отмечают, и это подтвердилось в ходе нашего исследования, что если подростки мужского пола совершают корыстные деяния ради приобретения мобильных телефонов, аудио- и видеоаппаратуры, модной одежды (40,3%), спиртных напитков и наркотиков (3,7%), то девушки — для приобретения модной и дорогой одежды, обуви, косметики и украшений. [3]

Достаточно распространены у несовершеннолетних хулиганские мотивы преступного поведения. Хулиганскими побуждениями принято называть стремление в вызывающей форме проявить себя, выразить пренебрежение к обществу, другим людям, законам и правилам общежития.

Следует отметить, что именно для несовершеннолетних преступников характерны так называемые нетрадиционные мотивы, которые практически не встречаются или встречаются очень редко в преступном поведении взрослых.

Наличие таких нетрадиционных мотивов преступного поведения несовершеннолетних объясняется тем, что именно у подростков жизненные цели смещаются в сторону психологического комфорта в группе. Для подростков вообще характерно проведение значительного количества времени в группах своих друзей, сверстников, одноклассников, что и обуславливает групповой характер поведения несовершеннолетних, в том числе и преступного.

Как отмечал С.А. Тарарухин, «именно на почве стихийных групп прежде всего и возникает преступная деятельность несовершеннолетних». Такие группы служат для подростка не только формой времяпрепровождения, но и способом удовлетворения потребностей в общении со сверстниками, самоутверждения среди них [4].

Таким образом, подводя итоги рассмотрения криминологических особенностей лиц, совершающих общественно опасные деяния (проступки) до достижения возраста уголовной ответственности, следует отметить, что среди них преобладают подростки до 14 лет (67,3%), подростки в возрасте 14–15 лет составляют соответственно — 32,7%.

Абсолютное большинство из них лица мужского пола (95,7%), учащиеся школ или профессиональных училищ (77,7%); выходцы из неполных (53,5%) и неблагополучных семей. Такие лица в основной массе действуют из корыстных побуждений (79,7%).

Исследование позволило выделить следующие типы личности таких лиц: полностью социально-запущенный (28,7%); частично социально-запущенный (29,3%); социально нейтральный (33,7%); социально-положительный (8,3%). [5]

Знание изученных криминологических особенностей лиц, совершающих общественно опасные деяния (проступки) до достижения возраста уголовной ответственности

ности, необходимо правоохранительным органам и иным субъектам предупредительной деятельности для ее эффективного осуществления в целях сокращения количества подобных деяний (проступков).

Литература:

1. Антонян, Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. — М.: Норма, Инфра-М, 2014. — с. 128.
2. Выготский, Л. С. Несовершеннолетние преступники: криминологический портрет //Социологические исследования. 2013. № 3. — с. 57.
3. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2012. — с. 327.
4. Балаян, Н. В. Общественно опасные деяния лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, как криминологическая проблема. — СПб.: Нева, 2012. — с. 21.
5. Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология. — М.: Инфра-М, 2012 — с. 138.

Высшие меры наказания в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

В первую очередь будут рассмотрены страны, высшей мерой наказания в которых является пожизненное лишение свободы.

В Австралии только верховные суды штатов могут применить пожизненное лишение свободы, что, по сути, аналогично российским правилам назначения этого наказания: несмотря на то, что возможность вынесения этого наказания только судами субъектов федерации прямо не установлена, согласно правил подсудности уголовных дел именно суды субъектов федерации рассматривают в качестве судов первой инстанции дела, связанные с преступлениями, за совершение которых предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Возможность досрочного освобождения предусматривается в Австралии после фактического отбытия не менее 10 лет лишения свободы. За убийство при отягчающих обстоятельствах (убийство по найму, убийство нескольких человек, убийство ребёнка, убийство, сопряжённое с изнасилованием, убийство полицейского) полагается лишение свободы с минимальным сроком в 25 лет или лишение свободы без возможности освобождения. Тем не менее, минимальный срок может быть установлен специально по приговору суда в особых случаях. Известны примеры назначения пожизненного лишения свободы с правом освобождения не ранее чем через 35 лет. Сейчас в Австралии пожизненное лишение свободы без права на освобождение отбывают порядка 50 заключённых [1].

В Канаде пожизненное лишение свободы значит, что преступник будет под государственным надзором в тюрьме или в обществе до конца своей жизни, т.е. судимость после пожизненного лишения свободы, по общему правилу, не снимается и не гасится.

Самое длительное наказание, присуждаемое в Канаде — пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение в течение 25 лет [2]. Этот вид наказания, самый суровый в системе наказаний Канады, и обязательно назначается за такие преступления как убийство и государственная измена, но может быть назначен и за наркоторговлю, терроризм, изнасилование, а также за преступления против человечества и причинение смерти в результате опасного вождения. Смертная казнь в Канаде последний раз применялась в 1962 году, а официально была отменена в 1976 году.

В случае если минимальный срок для УДО при пожизненном лишении свободы истек, нет гарантии, что преступник получит освобождение. Если государственный орган — Национальный совет по освобождению — определит, что преступник всё ещё представляет опасность для общества, то он может остаться под стражей в тюрьме и после наступления указанного срока.

Кроме того, суды могут применять такой вид наказания, как пожизненное лишение свободы на неопределённый срок, без установления минимального срока для УДО. Впрочем, возможность применения УДО в таком случае рассматривается каждые семь лет. В целом применение пожизненного лишения свободы в Канаде довольно ограничено. К этому виду наказания могут приговорить за совершение убийств 1 и 2 степени, за государственную измену, пиратство, мятеж, угон самолета, похищение людей, а также некоторые иные преступления. Однако на практике пожизненное заключение применяется в основном за убийство и государственную измену с отягчающими обстоятельствами.

В Швеции пожизненное лишение свободы имеет неопределённую продолжительность. Шведские законы,

устанавливают минимальный десятилетний срок тюремного заключения до досрочного [3] освобождения; тем не менее, суд может назначить пожизненное заключение и без права досрочного освобождения. Также осуждённый может получить помилование от правительства, и с годами шансы заключённого на его получение увеличиваются. Ежегодное число помилований с момента принятия соответствующего закона в 1991 обычно не больше одного или двух. В 2007 средний срок пребывания в тюрьме составляет около 20–22 лет. Преступники моложе 21 года не могут быть приговорены к пожизненному лишению свободы. Пожизненное лишение свободы в Швеции может быть назначено за убийство, поджог, похищение человека, шпионаж, саботаж, квалифицированный грабеж, а также за некоторые военные преступления.

Во Франции пожизненное лишение свободы может быть назначено за убийство при отягчающих обстоятельствах, государственную измену, терроризм, наркоторговлю и за некоторые другие преступления. В среднем за год к пожизненному лишению свободы приговариваются 25 преступников (при абсолютном числе убийств от 500 до 1000 в год). На данный момент количество пожизненно заключённых колеблется в пределах 550 человек. Минимальный срок для УДО составляет во Франции 18 лет. Для рецидивистов этот срок составляет 22 года. С 1994 суд может устанавливать для убийц детей (если убийству ребёнка сопутствуют пытки или изнасилование) минимальный срок в 30 лет (такой срок может быть уменьшен до 20 лет) или постановить, что подсудимый не может быть освобождён (в этом случае срок для УДО также может быть установлен, но не может быть меньше 30 лет). Помимо этого, возможно досрочное освобождение ввиду серьёзных проблем со здоровьем. Лица моложе 16 лет не могут быть приговорены к пожизненному лишению свободы, а для лиц в возрасте от 16 до 18 такая мера может быть вынесена только в особых случаях по специальному решению суда. Помилование во Франции осуществляется президентом [4].

В Италии пожизненное лишение свободы может не иметь определенной длительности. После 10 лет лишения свободы (или 8 лет — в случае хорошего поведения) осужденному может быть предоставлено разрешение работать вне тюрьмы в течение дня, или провести 45 дней в году дома. После 26 лет лишения свободы (21 года в случае хорошего поведения) осужденный может быть освобождён. Принятие решения о работе вне тюрьмы или об освобождении должно быть одобрено специальным судом, который определяет, годен ли для этого заключённый или нет. Заключённые, осуждённые за преступления в составе организованных преступных группировок или за терроризм, не могут быть освобождены. За такие преступления как убийство и террористический акт предусмотрено обязательное наказание в виде пожизненного лишения свободы. В Италии пожизненное лишение свободы не применяется к лицам, не достигшим 18лет-

него возраста. Помилование, как и в России, осуществляет президент.

В Великобритании, в уголовном законодательстве существует два вида пожизненного лишения свободы: мандаторное (обязательное) — за совершение умышленного убийства и дискреционное — за неумышленное убийство, вооруженный грабеж, поджог, изнасилование, похищение детей. Пожизненное лишение свободы в Великобритании может подразумевать условно-досрочное освобождение не ранее чем через 15 лет. Минимальный срок для освобождения (так называемый «тариф») устанавливается судом в каждом конкретном случае. Досрочное освобождение применяется министром юстиции. Помимо досрочного освобождения закон предусматривает возможность освобождения в результате акта амнистии, принимаемого королем (или королевой) Британии или Британским парламентом. При этом амнистия в Англии не применялась на практике с 1747 г., активно применяясь, впрочем, в Шотландии (в том числе в 2009 году). Примечательно, что при отбывании пожизненного лишения свободы для каждого заключенного разрабатывается индивидуальный план отбывания наказания, в подготовке которого принимает участие и сам осужденный, определяя первоочередные задачи и сроки их решения.

В Германии пожизненное лишение свободы подразумевает минимальный срок, который необходимо отбыть осужденному пожизненно до возможности освобождения: 15 лет. Немецкий конституционный суд полагает, что пожизненное лишение свободы без явной возможности освобождения прямо противоречит принципу человеческого достоинства — основополагающему понятию действующей немецкой конституции. Это не значит, что каждый осужденный может быть освобожден, но у любого заключённого должен быть реальный шанс получить окончательное освобождение, при условии, что он более не рассматривается как «опасный». Раскаяние или подача прошений о помиловании не рассматриваются в Германии как условие для освобождения. Помимо досрочного освобождения преступник может быть помилован [5]. Пожизненное заключение назначается в Германии за убийство, геноцид, преступления против человечества, а также военные преступления против личности. Для лиц моложе 18 лет (или моложе 21 года, если лицо рассматривается как «не достигшее зрелости») пожизненное лишение свободы неприменимо. В Германии также существует специфический вид наказания «превентивный арест», который по сути является бессрочным, но продляется каждые два года. Такой вид наказания может быть назначен даже после отбытия основного наказания, если суд сочтет, что преступник всё еще представляет опасность.

Основной особенностью правового регулирования смертной казни в США, нужно назвать специфику строения уголовной юстиции вообще: наряду с федеральным законодательством существует автономное уголовное законодательство 51 территориальной единицы. В неко-

торых штатах смертную казнь могут назначить за иные тяжкие преступления, например, за государственную измену, умышленное крушение поезда и лжесвидетельство, повлекшее применение смертной казни, перевозку наркотиков, похищение или изнасилование детей и воздушное пиратство.

В ряде штатов, предусматривающих смертную казнь, она не назначается судами. В других штатах, назначающих смертную казнь, она не приводится в исполнение.

Литература:

1. Уголовный кодекс Австралии. — СПб.: Нева, 2002. — С.386.
2. Уголовный кодекс Канады. — СПб.: Нева, 2005. — С.580.
3. Уголовный кодекс Швеции. — СПб.: Нева, 2001. — С.320.
4. Уголовный кодекс Франции. — СПб.: Нева, 2002. — С.89.
5. Уголовный кодекс ФРГ. — СПб.: Нева, 2003. — С.52.

Впрочем, в достаточно большом количестве штатов смертная казнь применяется активно; лидером по количеству казней в США является Техас, где с 1976 по 2013 год было казнено 335 человек. Вплоть до 2005 года в США были распространены казни душевнобольных и слабоумных, а также несовершеннолетних преступников. В ряде штатов минимальный возраст, с которого могла применяться смертная казнь, составлял 13–14 лет, в других же он вообще не был четко указан.

Реализация общепризнанных принципов и норм международного права в Уголовном кодексе Российской Федерации

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

Уголовный Кодекс Российской Федерации исходит из всеобъемлющей реализации принципов законности, справедливости, равенства граждан перед законом, вины, личной ответственности, гуманизма и демократии, установления приоритета общечеловеческих ценностей в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Влияние последних на отечественное уголовное законодательство является одной из основных проблем уголовного права и сравнительного правоведения. Концептуальный диапазон общепризнанных принципов и норм международного права простирается от их отождествления с максимами римского права, трансформированными в национальные постулаты современных государств, до присвоения им особого статуса [1].

Переход к исследованию влияния общепризнанных принципов и норм международного права на становление и развитие российского уголовного законодательства необходимо предварить целостным взглядом на проблему правовой природы данной категории права.

Автор отмечает, что четкое выделение общепризнанных принципов и норм международного права весьма проблематично, поскольку как таковые они в международно-правовых документах не выделяются и исчерпывающе не перечисляются, а при научном толковании вопрос об общепризнанных принципах и нормах международного права решается неоднозначно и противоречиво: обращение к универсальным международным до-

говорам не дает возможности обнаружить в них перечень тех или иных принципов международного права. В доктрине по этому вопросу нет единого мнения. Можно утверждать, пожалуй, лишь следующее: основные принципы международного права являются универсальными и не включают отраслевых принципов; основные принципы международного права имеют характер общепризнанных; основные принципы международного права являются принципами *jus cogens*».

Всеми без исключения авторами признаются как общепризнанные 7 принципов, изложенных в ст. 2 Устава ООН (например, принцип суверенного равенства, принцип невмешательства во внутренние дела государства и др.). Более того, Организация Объединенных Наций должна обеспечить, чтобы и не состоявшие в ней государства действовали в соответствии с этими принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания мира и безопасности (п. 6 ст. 2 Устава ООН). [2]

Но существуют и другие принципы, что прямо вытекает из Декларации о принципах международного права (например, принцип добровольного выполнения всеми государствами обязательств, равноправия и самоопределения народов и так далее).

Общепризнанной нормой международного права согласно тому же источнику следует считать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Содержание общепризнанных принципов

и норм международного права может быть раскрыто, например, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.

Основные принципы, закрепленные в перечисленных международно-правовых актах, в совокупности составляют Кодекс основных нормативных правил поведения государств, которому необходимо следовать для поддержания международного мира [3].

Общепризнанные принципы международного права содержат обязательные для всех государств права и основные свободы личности и отражены во Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.), в Международном пакте о гражданских и политических правах и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. От Декларации их отличает не только юридическая обязательность включенных в них положений. Они значительно шире ее по своему содержанию, в частности, в них четко формулируются отсутствующие в Декларации право народов на самоопределение, запрещается пропаганда войны. В международных кругах эти три документа известны как «Международный билль о правах человека» [4].

Конкретизируя понятие общепризнанных принципов международного права, О.Е. Лапина утверждает, что «общепризнанность» представляет собой не количественную, а качественную характеристику, что придает динамизм рассматриваемой категории. «Природа общепризнанных принципов имеет двойственный характер: формирование происходит как посредством рационализации накопленного опыта общения государств, так и путем их взаимной договоренности, содержащей целеустановление такого общения. В обоих случаях, положения, носящие межгосударственный характер, строятся с учетом внутрисоциального интереса, что делает приближенными международные нормы, а тем более принципы к национальному праву. Такой поход позволяет отнести к общепризнанным принципам международного права не только продекларированные идейные начала международного взаимодействия, но также имеющие интернациональное значение общие принципы права, большую группу отраслевых и институциональных принципов» [5].

В последнее время отмечается рост влияния общепризнанных принципов и норм международного права на международно-правовую и национально-правовую систему, включая судебную практику. Обычные нормы международного права представляют собой неписанные правила, за которыми международное сообщество государств в целом признало юридически обязательную силу. В своей совокупности они образуют общее, универсальное международное право или общепризнанные принципы и нормы международного права, концепция приоритета которых постепенно утверждается в законодательстве ряда государств.

В науке уголовного права России существует проблема того, каким образом и в каких пределах общие

принципы международного права могут являться источниками российского уголовного законодательства. Хотя принципы международного права прямого, буквального отражения в российском уголовном законодательстве не нашли, можно говорить о формализации их присутствия в российском праве в целом. Более того, относительно системы общепризнанных принципов и норм международного права в научной литературе также нет единого мнения. Доктринальные (научные) принципы международного права, не получившие нормативного оформления, не могут являться источниками уголовного права. Соглашаясь с данной точкой зрения, Спиридонов Л.П. отмечает, что общие принципы международного права влияют на содержание отраслевых уголовно-правовых принципов, но все же не тождественны с ними. Тем не менее, вопрос о влиянии принципов международного права на российское уголовное законодательство, требует особого внимания.

В отличие от международных договоров Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права не обладают приоритетом по отношению к противоречащим им внутренним правовым актам, поскольку, как правило, общепризнанные принципы и нормы имеют общий характер. Как отмечает Ю.В. Трубецкой, указанные принципы выполняют относительно ограниченную функцию: они используются главным образом для заполнения пробелов во внутреннем законодательстве [7].

Согласование обеспечит единство в понимании и применении научно-правовых понятий, определении признаков составов преступлений. Так, международные документы уголовно-правового характера ориентируют на общие цели развития национального законодательства: формулируются принципы регулирования, устанавливаются общие правовые стандарты, вырабатываются рекомендации.

Сущность согласования — приведение государством своего внутреннего права в соответствие с международным с целью обеспечения выполнения предписаний, установленных последним.

Согласование российского уголовного права с общепризнанными принципами и нормами международного права — это последовательный, целенаправленный, непрерывный процесс.

Необходимо сделать вывод о том, что в доктрине уголовного права до сих пор нет единого мнения относительно системы общепризнанных принципов и норм международного права как источника влияния на становление и развитие отечественного уголовного законодательства.

Несомненно, что общепризнанные принципы и нормы международного права играют в системе законодательства Российской Федерации большую и важную роль. Законодатель использует общепризнанные принципы и нормы и нормы в качестве идеологических источников внутрисоциального права в период правотворчества.

Литература:

1. Лукашук, И. И. Международное право в судах государств. — СПб.: Россия — Нева, 1993. — с. 102.
2. Винокуров, С. В. Международная организованная преступность как она есть // Российский следователь. 2014. № 1. — с. 91.
3. Моточный, С. М. Юридическая сила Декларации о принципах международного права // Правоведение. 2011. № 3. — с. 123.
4. Игнатенко, В. Международно-правовые проблемы противодействия транснациональной преступности и коррупции // Государство и право. 2011. № 7. — с. 41.
5. Лапина, О. Е. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России. — М.: Логос-Л, 2013. — с. 12.
6. Спиридонов, А. П. Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение. — СПб.: Нева, 2006. — с. 134.
7. Трунцевский, Ю. В. Нормы международного права как источник российского уголовного права. — Рязань: Романс, 2007. — с. 130.

Современное правовое положение пожизненного лишения свободы и смертной казни в РФ

Басаев Висхан Ахмедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

Пожизненное лишение свободы в России оно было введено Законом РФ от 17 декабря 1992 г., дополнившим ст. 24 УК РСФСР указанием, что при замене в порядке помилования смертной казни лишением свободы оно может быть назначено пожизненно. При этом, однако, пожизненное лишение свободы не было включено в систему уголовных наказаний и могло применяться не судом, а только Президентом России в порядке помилования осужденных к смертной казни.

Новый УК РФ включил пожизненное лишение свободы в систему наказаний в качестве меры, которая может применяться не только в порядке помилования Президентом Российской Федерации, но и судом в случаях, когда он сочтет возможным не применять смертную казнь. По своему содержанию данное наказание принципиально не отличается от лишения свободы на определенный срок и также состоит в изоляции от общества в специальном учреждении. [1]

Пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также особо тяжких преступлений против общественной безопасности (ч. 1 ст. 57 УК).

Многие из них полагают, что пожизненное лишение свободы есть наказание более жестокое, чем быстрая смертная казнь, и предлагают применять к преступнику наиболее жестокое наказание. В данную модель можно также отнести лиц, предлагающих использовать труд пожизненно заключенных на каторге для создания им дополнительных мучений.

Пожизненное лишение свободы как принятое в других странах правило наказания. Некоторые лица предла-

гают применять пожизненное лишение свободы на основании аргументов, исходящих из доводов принципиально внешних по отношению к проблеме смертной казни, а именно, факта применения этого вида наказания в какой-либо другой стране мира, например, в странах Европы. Нравственно-мировоззренческое обоснование пожизненного лишения свободы, исходящее из идеи неприкосновенности человеческой жизни возведения её в ранг абсолютной ценности, а равно отказ от осуждения преступника на смертную казнь как нравственная позиция лица.

Таким образом, применение рассматриваемого вида наказания предусмотрено только за совершение узкого круга особо тяжких преступлений. Пожизненное лишение свободы состоит в бессрочной изоляции осужденного от общества. Вместе с тем оно может быть как абсолютным, когда не предусмотрено законных оснований к освобождению осужденного из мест лишения свободы по истечении определенного срока, так и относительным — в случае, если такие основания имеются. В то же время пожизненное лишение свободы является самостоятельным основным видом наказания, что обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, это наказание является бессрочным, т.е. по общему правилу отбывается до наступления смерти осужденного в результате естественных или иных причин. Отсюда по характеру психического воздействия на сознание осужденного пожизненное лишение свободы качественно отличается от лишения свободы на определенный срок. Об этом свидетельствует, например, то, что в про-

цессе отбывания пожизненного лишения свободы, особенно на первом этапе, многие осужденные, столкнувшись со строгими условиями содержания при отсутствии перспектив освобождения от наказания, испытывают сильные чувства подавленности, безысходности, отчаяния, предпринимают попытки самоубийства, направления ходатайств о применении к ним смертной казни и т.п.

Во-вторых, пожизненное лишение свободы применяется за совершение ограниченного круга преступлений. Как указано в ст. 57 УК РФ, оно устанавливается только как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь. Иными словами, данное наказание может назначаться только за совершение тех преступлений, которые по закону могут караться смертной казнью. В настоящее время согласно УК РФ такими преступлениями являются: 1) умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105); 2) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277); 3) посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295); 4) посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317); 5) геноцид (ст. 357).

В-третьих, пожизненное лишение свободы применяется к ограниченному кругу лиц. В частности, оно не может назначаться женщинам, а также лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

В-четвертых, законом предусмотрены особые условия отбывания наказания и освобождения от наказания лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Например, в соответствии со ст. 58 УК РФ эти лица отбывают наказание в исправительных колониях особого режима отдельно от других категорий осужденных, где первые десять лет обязательно помещаются в строгие условия отбывания наказания (ст. 127 УИК РФ). Кроме того, осужденные пожизненно могут направляться в тюрьму на срок, указанный в приговоре суда. Согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ они могут быть представлены к условно-досрочному освобождению после фактического отбытия не менее двадцати пяти лет лишения свободы, но лишь при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. К условно-досрочному освобождению не представляются осужденные, совершившие новое тяжкое или особо тяжкое преступление в период отбывания пожизненного лишения свободы.

Пожизненное лишение свободы может быть назначено только в качестве основного наказания. Пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65 лет (ч. 2 ст. 57 УК). Условно-досрочное освобождение применяется лишь при отсутствии у осужденного

злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих 3 лет. Условно-досрочному освобождению не подлежат осужденные, совершившие новое тяжкое или особо тяжкое преступление в период отбывания пожизненного лишения свободы.

Смертная казнь является по российскому уголовному закону исключительной мерой наказания, которая может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь (ч. 1 ст. 59 УК). Проблема смертной казни всегда была центральной в философских, религиозных, правовых учениях о жизни и смерти, добре и зле, преступлении и наказании. В последнее время актуальность этой проблемы значительно возросла в связи с ростом преступности, появлением криминальных сообществ, серийных убийц и насильников, разгулом терроризма, гибелью заложников. [2]

Противники казни говорят о возможности судебных ошибок. В части 2 статьи 20 Конституции РФ 1993 года закреплено: «Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

Таким образом, Конституция предусматривает ряд условий, при соблюдении которых смертная казнь может иметь место в нашей стране в настоящее время:

- она должна быть установлена только федеральным законом;
- основанием для ее применения может быть лишь совершение лицом особо тяжкого преступления против жизни;
- лицу, обвиняемому в совершении преступления, за которое может быть назначена смертная казнь, обеспечено право на рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей.

По своему содержанию смертная казнь состоит в правомерном причинении смерти лицу в качестве наказания за совершение особо тяжкого преступления, посягающего на жизнь другого человека.

Это самое суровое из системы наказаний носит исключительный характер, поскольку в отличие от иных видов наказаний, во-первых, не преследует цели исправления осужденного, во-вторых, реализация принципа социальной справедливости здесь существенно оттесняет на второй план принцип гуманизма.

В Конституции РФ (ч. 2 ст. 20) содержится важное с политической и юридической точек зрения положение о том, что смертная казнь вплоть до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Позиция России в отношении смертной казни соответствует международно-правовым стандартам. Так, в соответствии с принятым ООН 15 декабря 1989 г.

Вторым факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни, каждое государство должно принять все меры для отмены смертной казни в рамках своей юрисдикции.

Смертная казнь не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65 лет (ч. 2 ст. 59 УК). Уголовным законом предусмо-

рено, что смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет (ч. 3 ст. 59 УК). Основанием для исполнения наказания в виде смертной казни является вступивший в законную силу приговор суда, а также решение Президента РФ об отклонении ходатайства осужденного о помиловании или решение Президента РФ о неприменении помилования к осужденному, отказавшемуся от обращения с ходатайством о помиловании (ст. 59 УК).

Литература:

1. Лапина, О.Е. *Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России*. — М.: Логос-Л, 2013. — с. 12.
2. Спиридонов, А.П. *Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение*. — СПб.: Нева, 2006. — с. 134.

Развитие института смягчения наказания в уголовной политике Русского государства XV–XVI веков

Басаев Висхан Ахмедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

История уголовного наказания — один из наиболее изученных разделов уголовно-правовой науки, которому посвящено значительное число исследований. Вместе с тем, приходится констатировать, что вопросы, связанные с эволюцией правил смягчения наказаний, не получили в них специального анализа. Это обстоятельство оправдывает наше обращение к проблеме становления и развития института смягчения наказания на уровне самостоятельного параграфа исследования.

Историю российского уголовного права традиционно ведут от Договоров Руси с Византией (X век), но чаще всего — от первого писаного правового памятника — Русской Правды — «воплощенной в слове правовой воли русского народа эпохи Ярослава», кодекса, содержащего не только понятия о преступлении и наказании, но и представления об основных институтах, получивших развитие в более поздние эпохи [1].

Внимательный анализ положений этого документа свидетельствует об отсутствии в нем каких бы то ни было обобщенных постановлений о смягчении уголовного наказания. Это вполне закономерно и естественно, поскольку таковые могли появиться лишь в достаточно зрелых с технической точки зрения кодексах, при выделении в их структуре предписаний, относящихся сегодня к Общей части закона. Тем не менее, это не означает, что Русская Правда была начисто лишена идей дифференциации наказания и ответственности. [2] Так сопоставление статей 3, 6, 7 Пространной редакции Правды показывает различия в наказуемости убийства

«в разбой» и убийства «в сваде»; статьи 11–17 устанавливают различия в наказуемости убийств в зависимости от социальной (сословной) принадлежности потерпевшего; статьи 23–31 дифференцируют наказания, исходя из объема причиненного здоровью и чести потерпевшего вреда; статья 4 устанавливает возможность уплаты «виры» (денежного наказания в пользу князя) в рассрочку; и т.д. Известны Русской Правде и положения о покушении на преступление. В частности, ст. 24 определяла: «Аже ли вынез меч, а не уткнет, то гривна кун» [3].

Нам представляется, что логика исследуемого документа позволяет примирить эти позиции и констатировать, что в ст. 24 Русской Правды мы встречаем описание такого самостоятельного состава, как покушение на причинение вреда. С позиции законодательной техники смягчение наказания в первых уголовно-правовых документах было неотделимо от конструирования специальных составов преступлений, в результате чего на законодательном уровне не столько регламентировалась деятельность суда по назначению уголовного наказания, сколько устанавливались различные критерии оценки самого общественно опасного деяния. Надо отметить, что в правовой регламентации назначения наказания в этот период и не было особой необходимости, поскольку господство абсолютно определенных санкций, а следовательно, максимальная формализация назначения наказания и отсутствие судейского усмотрения, делали ее излишней.

В основе подобного подхода к решению вопросов смягчения наказания лежит, как представляется, господствовавшее в те времена философско-теистическое понимание сути и целей самого уголовного наказания. Наказание представлялось как самим собой оправдываемый институт, «акт самоцельный и независимый от каких бы то ни было результатов, которые им могут быть вызваны». Оно было направлено, во-первых, к реализации идеи возмездия, а во-вторых, к максимально возможному устрашению всех членов общества для предупреждения преступлений. Согласно же теории устрашения размер наказания зависел не от степени виновности преступника и обстоятельств, сопутствующих преступному деянию, а определялся соображениями, совершенно не связанными с особенностями совершенного деяния, в том числе уровнем правосознания и гуманности (или, по выражению И. Я. Фойницкого, «чувствительности») общества [4].

В связи с этим задача смягчения наказания и разработки необходимых для этого правил не ставилась в разряд актуальных проблем уголовной политики Древнерусского государства. Необходимо было, во-первых, утвердить само наказание в качестве средства разрешения уголовно-правового конфликта, заменив им частную месть; во-вторых, защитить складывающийся социальный и правовой порядок, легитимировать государственную власть строгими санкциями; в-третьих, закрепить систему недопустимых поступков и определить за ними строго определенные санкции. Такое положение вещей наблюдается и в последующих по времени памятниках — Псковской, Новгородской судных грамотах, Судебниках 1497 и 1550 годов. Эти документы, отражая абсолютную теорию наказания, были в большей степени озабочены проблемой его ужесточения, нежели смягчения. Для того чтобы законодатель обратил внимание на необходимость разработки предписаний о смягчении наказания должны были сложиться определенные условия, связанные с изменением взгляда на природу преступления, трансформацией роли суда в разрешении уголовно-правового конфликта, общим смягчением нравов, хотя бы элементарным признанием ценности личности. В XV — XVI веках таковых условий еще не было.

Вместе с тем, в эпоху Судебников мы встречаем существенное изменение позиции законодателя по принципиальному вопросу конструирования санкций уголовно-правовых предписаний. Становление и утверждение самодержавной власти, сосредоточение высшей судебной власти в руках царя обусловили появление и широкое применение неопределенных санкций. Так, к примеру, Судебник 1550 года широко использовал такие формулировки при описании наказания, как «в пене, что государь укажет» (ст. 3), «да кинута его в тюрьму» (ст. 4), «быти от государя в опале» (ст. 7), «в пене, посмотри по человеку, что государь укажет» (ст. 25), «посмотри по увечью и по бесчестию», «посмотри по человеку и по увечью» (ст. 26), «взяти безчестие, посмотри по человеку» (ст. 70) и др. [5]

Вряд ли можно однозначно согласиться с мнением о том, что приведенные цитаты из Судебника «свидетельствует не только об установлении общих направлений индивидуализации наказания, но и о стремлении законодателя упорядочить практику назначения наказания». В подобных ситуациях определение вида, размера и правил назначения наказания предоставлялось царю, сложившейся практике или обычаям. М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал по этому поводу: «Хотя в высшей степени трудно обозначить, какая часть из массы наказаний, применяемых помимо закона, должна быть отнесена на счет обычного права, но нельзя сомневаться, что при обычном течении уголовного процесса с участием представителей населения (судных мужей) наказания применялись согласно с обычным правом. С другой стороны, кары, измышляемые иногда помимо суда (например, Иоанном Грозным), должны быть, несомненно, отнесены к действию произвола» [6].

Обычай и произвол — неизбежные, естественные, и в известной мере, разнонаправленные спутники системы неопределенных санкций. Представляется, что именно они, уравнивая друг друга, и определяли истинное содержание карательной политики Русского государства в XV—XVI веках. При этом стоит отметить, что, несмотря на отсутствие специальных обязательных правил смягчения наказания, «дух» русского уголовного права, его этическая православная основа служили своего рода «фундаментом», с одной стороны, не позволявшим утвердиться чрезвычайной жестокости в назначении наказания, а с другой стороны, предполагавшем необходимость проявления сострадания, терпимости и милосердия. Как указывает В. А. Рогов, «в карательной политике Московского государства имело место сложное переплетение элементов лояльности и репрессивности. Дуализм проявлялся и в политике казней, но основное ее направление не было связано с какими-то особыми масштабами жестокости» [7]. Связь гуманистических ценностей православия с карательной политикой государства, он отмечает, что несмотря на очевидный репрессивный характер уголовного права Великого княжества Московского, господствующая в русском обществе жестокость наказаний, столь естественная для любого средневекового социума, ни по масштабам, ни по изощренности никогда не достигала западноевропейского уровня [8].

Всегда присутствовавшая и в различных масштабах проявляющаяся в уголовной политике идея смягчения наказания на определенном этапе исторического развития закономерно потребовала своей нормативной фиксации. Поворотным пунктом в этом отношении следует признать Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. — крупнейший памятник феодального права Русского государства. О содержании, степени вины, а следовательно, и о степени «лихости» человека могли свидетельствовать и мотивы совершенного преступления, которые к XVII веку получают на практике статус обстоятельств, смягчающих наказание.

Литература:

1. Власов, В. И., Гончаров Н. Ф. Уголовные наказания в России (история законодательства и практика его применения). — Домодедово: Изд-во РИПК работников МВД России, 1997. — с. 51.
2. Егоров, В. С. История уголовного наказания в период становления российского права // Государство и право. 2006. № 5. — с. 41.
3. Пестовская, Е. В. Концепция уголовного наказания по российскому законодательству XI — XX вв.: историко-правовое исследование. — Краснодар: Изд-во КубГУ, 2007. — с. 36.
4. Конспект по уголовному праву и процессу, составленный по лекциям профессоров: Фойницкого, Случевского, Сергеевского и др. — Одесса: Типография имперского управления юстиции, 1898. — с. 202.
5. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: Лекции в 2-х т. Часть общая. Т. 2. — М.: БЕК, 2000. — с. 383.
6. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. — с. 321.
7. Рогов, В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV — XVII вв. — М.: Юрист, 1995. — с. 144.
8. Тихомиров, М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. — с. 221.

Об актуальности исследования проблем правового регулирования договора коммерческой концессии в гражданском праве России

Безгубенко Алла Витальевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Предпринимательская деятельность в Российской Федерации в последние годы приобрела качественно новый и прогрессивный вид хозяйствования в связи применением в своей деятельности различного рода договорных отношений ранее мало известных отечественному законодательству. Так, одним из договоров получивших законодательное закрепление в действующем гражданском законодательстве в главе 54 Гражданского кодекса РФ [1] (далее — ГК РФ) является договор коммерческой концессии.

Деятельность хозяйствующих субъектов, реализовываемая с использованием договора коммерческой концессии, способствовала более качественному выполнению товаров, работ и услуг, тем самым обеспечивая доверие потребителя. Использование указанного договора способствовало, по мнению Д. П. Бондаренко, более интенсивному процессу введения в гражданский оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации [9, с. 3].

При этом в практической деятельности при применении данного договора его сторонам приходится постоянно сталкиваться с различными затруднениями в процессе заключения договора, его непосредственного исполнения и прекращения.

Такое положение дел связано с различными проблемными аспектами исследуемого договорного отношения, вызванными тем, что отдельные нормы гл. 54 ГК РФ не в полной мере соотносятся с другими законодательными нормами. Содержание отдельных правовых категорий,

употребляемых в нормах исследуемой главы, не раскрыто, что создает определенные трудности для правоприменителей.

Обосновывая актуальность исследования проблем правового регулирования договора коммерческой концессии по законодательству Российской Федерации, следует констатировать тот факт, что и в теории гражданского права России их теоретическое осмысление постоянно находится в центре внимания большого количества известных отечественных ученых-цивилистов, в рамках проводимых ими научных изысканий на различном уровне, в том числе и на монографическом.

При этом одно из последних проведенных исследований, несмотря на его безусловно высокий научный уровень, носит специфический характер, раскрывая порой только отдельные аспекты правового регулирования договора коммерческой концессии по законодательству Российской Федерации [9, с. 26].

Бесспорно вызывают определенный интерес исследования в которых авторы предпринимают различные усилия по обоснованию правомерности и целесообразности использования, как в теории гражданского права России, так и в ГК РФ — понятие «франчайзинг» [6]. Тому свидетельством разработка проекта Федерального закона РФ «О франчайзинг» [5]. Данный законопроект закрепляет всего лишь две модели франчайзинга, а именно торговый и сервисный. Кроме того, он использует определение, не совпадающее полностью с термином «коммерческая концессия», нашедшим свое закрепление в п. 1 ст. 1027 ГК РФ.

Другие диссертационные исследования ограничивались сравнительно-обзорным анализом особенностей правового регулирования договора коммерческой концессии по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран [14].

И практически большинство исследований в целом либо в их части [7, 8, 11, 12, 13, 18, 19, 20, 21], в том числе и указанные, просто потеряли свою актуальность, в связи с систематическим проявлением интереса законодателя и внесенными им изменениями в гражданское законодательство в процессе его реформирования, в том числе регламентирующее и особенности правового регулирования договора коммерческой концессии [3, 4].

Все это неизбежно оставляет за своими рамками значительную часть вопросов, связанных с применением отдельных положений исследуемого учения на современном этапе.

Таким образом, потребность в комплексном анализе вопросов правового регулирования договора коммерческой концессии по законодательству Российской Федерации на современном этапе его развития, необходимость переосмысления многих положений узкоотраслевого подхода в понимании указанного института, а также недостаточная степень разработанности рассматриваемой проблемы, свидетельствуют об ее актуальности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (часть вторая): по сост. на 13 июля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ: по сост. на 29 июня 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52 (часть I). — Ст. 5497.
3. О внесении изменений в часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 216-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 30 (часть I). — Ст. 4564.
4. О внесении изменений в часть первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 11. — Ст. 1100.
5. Проект Федерального закона № 503845-6 «О франчайзинге» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.04.2014) // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 29.11.2015).
6. Багдасарян, А. Ф. Гражданско-правовые проблемы заключения договора коммерческой концессии (франчайзинга) / А. Ф. Багдасарян: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 27 с.
7. Бобков, С. А. Правовое регулирование коммерческой концессии в Российской Федерации / С. А. Бойков: дис... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 207 с.
8. Богданов, А. В. Гражданско-правовое регулирование договора коммерческой концессии в Российской Федерации / А. В. Богданов: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 29 с.
9. Бондаренко, Д. П. Правовое регулирование договора коммерческой концессии в российском праве / Д. П. Бондаренко: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 26 с.
10. Бородин, Ж. Н. Правовое регулирование коммерческой концессии (франчайзинга) / Ж. Н. Бородин: дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2005. — 171 с.
11. Васильева, Е. Н. Правовое регулирование коммерческой концессии по российскому праву / Е. Н. Васильева: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 203 с.
12. Габоев, С. С. Перспективы правового регулирования коммерческой концессии / С. С. Габоев: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 26 с.
13. Гелашвили, Е. В. Договор коммерческой концессии / Е. В. Гелашвили: дис... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2007. — 173 с.
14. Климова, С. В. Правовой режим франчайзинга в национальном и международном обороте / С. В. Климова: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 31 с.
15. Козина, Е. А. Гражданско-правовое регулирование предоставления комплекса исключительных прав по договору франчайзинга / Е. А. Козина: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 189 с.
16. Месяшная, Н. В. Правовые вопросы становления франчайзинга в России: дис... канд. юрид. наук. — М., 2000. — 186 с.
17. Орлова, О. А. Договор коммерческой концессии по российскому и зарубежному законодательству / О. А. Орлова: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2003. — 187 с.
18. Райников, А. С. Договор коммерческой концессии как институт обязательственного права и как правоотношение / А. С. Райников: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 23 с.

19. Сланова, А. В. Договор коммерческой концессии в гражданском праве Российской Федерации / А. В. Сланова: дис... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2006. — 185 с.
20. Соколов, Г. А. Договор коммерческой концессии по гражданскому законодательству Российской Федерации / Г. А. Соколов: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 26 с.
21. Хлебников, Ю. В. Правовое регулирование коммерческой концессии в гражданском законодательстве России / Ю. В. Хлебников: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2005. — 22 с.
22. Шульга, Д. В. Регулирование договора коммерческой концессии (франчайзинга) в гражданском праве России / Д. В. Шульга: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2005. — 172 с.
23. Ющенко, Н. А. Правовое регулирование коммерческой концессии и франчайзинга в России и за рубежом / Н. А. Ющенко: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Казань, 2008. — 25 с.

Правосудие как деятельность судов, направленная на обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации

Бессонова Елена Юрьевна, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В ст. 18 Конституции России провозглашается, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Эта конституционная норма имеет исключительно важное значение для понимания предназначения правосудия в правовом государстве. Данное положение необходимо толковать и применять во взаимосвязи с другими конституционными установлениями, а именно: ст. 2 Конституции о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства; ст. 10, предусматривающей, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную; ст. 45, гарантирующей государственную защиту прав и свобод граждан; ст. 46 о праве граждан на судебную защиту и ст. 118 о том, что правосудие осуществляется только судом.

Конституция РФ, таким образом, определяет функции различных ветвей власти по правовому регулированию, реализации и обеспечению прав и свобод граждан. Законодательные органы должны принимать законы, смысл и содержание которых выражаются в нормативном закреплении и гарантировании прав и свобод человека и гражданина. Исполнительной власти надлежит осуществлять необходимые меры, дающие возможность гражданам в полном объеме реализовать свои права и свободы. Что же касается обеспечения прав и свобод личности, то это возлагается на судебную ветвь власти.

Вопросы обеспечения правосудием гражданских прав и свобод недостаточно исследованы в юридической науке, в связи с чем многие из них до сих пор остаются дискус-

сионными. На начальном этапе становления судебной власти в современной России в литературе к функциям судебной власти, например, относили только правосудие — рассмотрение и разрешение судебных дел, иными словами, правовых споров [6].

По справедливому замечанию И. Я. Фойницкого, наряду с другими обязанностями на государственную власть возлагается обязанность «доставить правосудие населению. Эта функция призывает к жизни судебную власть как ветвь власти государственной, дополняющую другие ее ветви власти — законодательную и правительственную» [7].

С учетом анализа действующего законодательства, в первую очередь положений Конституции РФ, и точек зрения ученых, можно дать следующее определение понятию правосудия: Правосудие — это деятельность судов, входящих в судебную систему, которая направлена на обеспечение защиты прав и свобод граждан и организаций путем рассмотрения и разрешения гражданских, административных, уголовных и арбитражных дел в определенной процессуальной форме.

Независимо от различных подходов к пониманию правосудия авторы единодушны в том, что правосудие является основной формой реализации судебной власти, но беда в том, что нет такого единодушия в понимании сущности самой судебной власти. Разумеется, никто не спорит и не отрицает того, что судебная власть является одной из ветвей государственной (верховой) власти.

Глава 7 Конституции РФ называется «Судебная власть», ст. 118 этой главы Конституции РФ устанавливает: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Но прямого ответа на вопрос о том, что следует понимать под судебной властью, в Конституции РФ нет.

По справедливому замечанию Л. А. Воскобитовой, во многих научных исследованиях, посвященных изучению судебной власти, к определению понятия судебной власти имеются два подхода — определение ее как совокупности судебных органов — судов и как деятельность судов по реализации предоставленных им законом полномочий [4]. Об этом же пишет Е. В. Бурдина [3]. Имеется также точка зрения, согласно которой судебная власть — это не суд, не судебная система и даже не деятельность по отправлению правосудия, а принадлежащие судам право и возможность в особой процессуальной форме и особыми методами разрешать возникающие в обществе правовые конфликты [5]. Отдельные авторы судебную власть отождествляют с правосудием [2].

Достаточно обстоятельную характеристику понятию и признакам судебной власти дают А. А. Шамардин и А. П. Гуськова, по мнению которых, это деятельность судов по разрешению правовых конфликтов в обществе с использованием властных полномочий.

Исследованию сущностных характеристик судебной власти посвящена монография профессора Л. А. Воскобитовой. Безусловно, это фундаментальная работа по исследованию сущности современной судебной власти [8]. Но все же, на наш взгляд, определение понятия судебной власти в этой работе представляется недостаточно точным [4, с. 79]. Судебная власть в работе определяется как реализуемые посредством судопроизводства особые государственно-властные отношения между судом и иными субъектами права, возникающие в процессе рассмотрения и разрешения правовых конфликтов с целью защиты и восстановления судом нарушенного права и определения мер ответственности виновного или ограждения от ответственности невиновного. Заметим, что государственно-властные отношения между судом и иными субъектами права возникают не только в процессе рассмотрения и разрешения конфликтов и не всегда с целью защиты и восстановления нарушенного права и тем более не всегда возникает необходимость определения виновного и меры его ответственности. Достаточно в качестве аргумента назвать деятельность суда по особому производству в гражданском процессе, в котором нет правового спора и конфликта и нет виновного, следовательно, нет и ответственного. На это указывает также И. Л. Петрухин [14].

Уважаемые авторы вышеназванных работ, рассуждая о понятии судебной власти, основное внимание уделяют характеристике внешних свойств этой власти, соответственно имеющиеся дефиниции напрямую связаны

в большей степени с ее внешними характеристиками. Нам представляется, что для определения понятия и характеристики сущности судебной власти необходимо определить и анализировать организацию (построение) судебной власти и ее функции. Именно организация судебной системы и формы реализации полномочий, предоставленных судебной власти, определяют сущность судебной власти, ведь при характеристике законодательной или исполнительной властей сущностную характеристику, как правило, дают именно исходя из построения и функционирования этих ветвей власти. Мы полагаем, что сущность судебной власти определяется тремя элементами: судебные органы — суд; полномочия, которыми наделяет законодательная власть суды для реализации судебной власти; сама деятельность суда по осуществлению судебной власти путем реализации своих полномочий в различных формах.

Лишь наличие всех этих трех элементов в содержании судебной власти дает основание утверждать о наличии судебной власти. Если не будет хотя бы одного из вышеназванных структурных элементов судебной власти, это будет означать отсутствие судебной власти в целом. На это указывает также и И. Б. Михайловская: «... само по себе наличие судов, а также тех или иных правил разрешения возникающих в обществе конфликтов еще не свидетельствует о наличии феномена судебной власти» [14].

Более того, для полноты и реальности судебной власти мы полагаем необходимым наличие и четвертого элемента в содержании судебной власти — наличие полномочий судов по контролю за исполнением принятых ими решений.

В гл. 7 «Судебная власть» Конституции РФ (ст. 118) закрепляются следующие положения: судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом (ч. 3); правосудие осуществляется только судами (ч. 1); судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ч. 2). В этой статье Основной закон хотя и разграничивает судебную власть и правосудие, однако «обещанную» судебную систему ни в этой, ни в других статьях не устанавливает, а лишь закрепляет статус Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Конституция 1977 г. в ст. 151 устанавливала судебную систему СССР в целом, перечисляя в данной статье все суды, входящие в эту систему.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Авдонкин, В. С. Правоохранительные органы в схемах с комментариями. 5-е изд. М., 2010. с. 16.
3. Бурдина, Е. В. Судебная власть в Российской Федерации. Саранск, 2006. с. 49.
4. Воскобитова, Л. А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь, 2003. с. 67.

5. Лазарева, В.А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2000. с. 14.
6. Терехин, В.А., Герасимова А.А. Современная реформа в России и развитие судебной власти // Российская юстиция. 2011. N 10. с. 13.
7. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. с. 145.
8. Шамардин, А.А., Гуськова А.П. Указ. соч. с. 21–23.
9. Гарант. Информационно-правовой портал. <http://www.garant.ru/>.
10. КонсультантПлюс. Правовой сайт. <http://www.consultant.ru/>.
11. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». <http://sudrf.ru/>.
12. Интернет-портал Российской газеты. <http://www.rg.ru/>.
13. RBC. Крупнейший портал новостей и деловой информации. <http://www.rbc.ru/>.
14. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. с. 84.

Некоторые вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина в арбитражном судопроизводстве

Бессонова Елена Юрьевна, магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Одной из основных задач арбитражного суда, согласно ст. 2 АПК РФ, является обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Доступность правосудия реализуется в праве на судебную защиту, на беспрепятственное обращение в суд за защитой нарушенного субъективного права или охраняемого законом интереса.

В целях реализации этой задачи из арбитражного процесса исключен институт возвращения исковых заявлений и появился новый институт оставления искового заявления без движения (ст. 128). Причем введены четкие основания применения этого нового института. Тем самым исключена существовавшая до принятия АПК РФ 2002 г. возможность внесудебного лишения субъектов предпринимательской деятельности права на судебную защиту. Только в ходе судебного рассмотрения определяется процессуальная судьба каждого искового заявления, каждого обращения в суд за судебной защитой.

Именно так решена одна из задач, которая заключалась в обеспечении эффективной и оперативной судебной защиты прав и законных интересов предпринимателей и иных лиц, обращающихся в арбитражный суд.

С целью обеспечения единства взглядов судов общей юрисдикции и арбитражных судов, как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц, в 2014 г. Федеральным законом от 28.06.2014 N 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в арбитражный процесс были внесены существенные поправки.

При том что в целом была сохранена система арбитражных судов, высшим судебным органом по рассмотрению и разрешению экономических споров теперь является Верховный Суд Российской Федерации. Суще-

ственно расширены полномочия Председателя ВС РФ и компетенция Президиума ВС РФ.

В АПК РФ внесены изменения, устанавливающие порядок кассационного обжалования в Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации и надзорного производства в Президиуме ВС РФ, а также ряд иных изменений. Фактически функции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации перешли к коллегии по экономическим спорам ВС РФ, образовавшей вторую кассацию.

Несмотря на практически повсеместную критику, идея второй кассации имеет, по мнению судей, и определенные плюсы. Так, по мнению Р.Т. Мифтахутдинова, плюс второй кассации в том, что нижестоящие суды нередко интуитивно понимают, кто из двух спорящих сторон заслуживает защиты, а кто нет. И они принимают верное решение по существу, но не всегда справляются с правильной мотивировкой своего выбора. Тройка судей, работающая по модели кассации, имеет возможность вызвать стороны, разобраться в рамках полноценного процесса, поддержать судебный акт и при этом помочь с его правильной мотивировкой [4].

Распространенная точка зрения о том, что двухуровневая система кассационного обжалования с ее большими сроками рассмотрения дел создает правовую неопределенность с перспективами вынесения окончательного судебного акта по делу, не является однозначной.

Так, например, в практике Европейского суда по правам человека устанавливается понятие «разумности» процессуального срока, который рассчитывается исходя из отдельных фактов, таких как сложность дела, загруженность судей и т.п. При этом, как правило, правопорядки различных стран устанавливают в законах опреде-

ленные сроки, зачастую неразумные из-за сжатости. Если же сравнить сроки, которые Европейский суд по правам человека признает длительными для судебного разбирательства, и сроки рассмотрения дела во второй кассации, то очевидно, что появление новой инстанции хоть и влияет на общий срок судебного разбирательства, но укладывается в рамки «разумности» процессуальных сроков. При этом, безусловно, такие сроки в АПК РФ должны учитывать и загруженность аппарата судей второй кассации, и сложность рассматриваемых ими дел.

С другой стороны, Европейский суд по правам человека уже заявлял применительно к судам общей юрисдикции о неопределенности ситуации, при которой вступившие в силу судебные решения могут оспариваться в нескольких последовательных надзорных инстанциях.

Приходится соглашаться с рядом авторов о том, что, если Европейский суд по правам человека признает изменения в арбитражном процессе неэффективными, это может в итоге негативно сказаться на уровне экономической стабильности и инвестиционной привлекательности России [5].

Хочется надеяться, что взаимодействие национальных правовых систем и европейских наднациональных институтов в области защиты прав человека позволит выработать механизмы с целью снижения количества жалоб в Европейский суд по правам человека [6].

Судебные акты Судебной коллегии, вынесенные по существу спора, могут быть обжалованы в Президиум Верховного Суда Российской Федерации и пересматриваются в порядке надзора.

Процедура передачи надзорной жалобы в Президиум ВС РФ подобна передаче кассационной жалобы в Судебную коллегию. Предварительно надзорную жалобу изучает судья ВС РФ, а не тройка судей в открытом судебном заседании, как раньше. Он единолично решает вопрос о необходимости передачи жалобы в Президиум ВС РФ. Однако Председатель ВС РФ или его заместитель могут не согласиться с вынесенным определением судьи, отменить его и передать жалобу вместе с делом в Президиум ВС РФ (ч. 7 ст. 308.4 АПК РФ). У заинтересованных лиц по делу появилось право подавать жалобы в адрес

непосредственно Председателя ВС РФ или его заместителя (ст. 308.10 АПК РФ). По жалобе заинтересованных лиц они вправе вносить представление о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора в Президиум ВС РФ. Такое представление может быть внесено для устранения фундаментальных нарушений норм права, которые повлияли на законность обжалуемых актов. Установлен и срок подачи жалоб руководству ВС РФ: четыре месяца со дня вступления в силу оспариваемого акта (постановления второй кассации).

Постановления Президиума ВС РФ вступают в законную силу со дня принятия и не подлежат обжалованию (ст. 308.13 АПК РФ).

В остальном процедура рассмотрения надзорной жалобы, равно как и основания для отмены или изменения решений в порядке надзора, не претерпели изменений. Учитывая введение второй кассационной инстанции, надзор, в сущности, станет чрезвычайно исключительной инстанцией, дойти до которой будет гораздо сложнее [5].

Подводя итог, необходимо отметить, что за последние годы законодательство, регулирующее организацию и деятельность современной российской судебной власти, существенно обновилось. Развитие конституционного права на судебную защиту в экономической сфере осуществляется в основном в судеустройственном и судепроизводственном сегментах законодательства о судебной власти (конкретнее — в законодательстве, регулирующем организационно-правовые аспекты системы арбитражных судов) и арбитражном процессуальном законодательстве [3]. При этом до настоящего времени многими юристами в качестве основных проблем судебной защиты выделяется необъективность и несправедливость судебной защиты, нарушение процессуальных сроков рассмотрения дел, несоблюдение судебской этики [12].

Хочется надеяться на то, что новые изменения в АПК РФ и перестройка арбитражного процесса по аналогии с гражданским процессом не приведут к нестабильности судебной практики и правовой неопределенности, а осуществление правосудия в арбитражных судах будет стремиться к уровню, соответствующему мировым и европейским стандартам.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // *Российская газета*, № 137, 27.07.2002.
3. Ермошин, Г. Т., Адзинова Е. А. Развитие в законодательстве о судебной власти конституционного права на судебную защиту в экономической сфере // *Законодательство и экономика*. 2004. N 11.
4. Мифтахутдинов, Р. Т. Субсидиарная ответственность — это некая страшилка, которая заставляет бизнесменов не терять чувство меры // *Арбитражная практика*. 2014. N 4.
5. Полетаева, А. ВАС РФ упразднен. Что изменилось в арбитражном процессе? // *Журнал «Юридический справочник руководителя»*. 2014.

6. Фоков, А. П. Судебная власть Российской Федерации и Европейский суд по правам человека: взаимодействие в области защиты прав и свобод граждан // Российский судья. 2013. N 3. М.: ИГ «Юрист».
7. Гарант. Информационно-правовой портал. <http://www.garant.ru/>.
8. КонсультантПлюс. Правовой сайт. <http://www.consultant.ru/>.
9. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». <http://sudrf.ru/>.
10. Интернет-портал Российской газеты. <http://www.rg.ru/>.
11. RBC. Крупнейший портал новостей и деловой информации. <http://www.rbc.ru/>.
12. Ткачева, Н. Н. Некоторые проблемы осуществления судебной защиты прав граждан в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. N 10. с. 7–14. М.: ИГ «Юрист».

Прикосновенность к преступлению в системе превентивно-правовых мер

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет

На протяжении последнего десятилетия в России складывается сложная криминогенная ситуация. По данным уголовной статистики имеет место тенденция роста числа зарегистрированных преступных посягательств. Одновременно наблюдаются качественные изменения в структуре преступности: распространение тяжких и особо тяжких преступлений, воспроизводство терроризма, коррупции, иных организованных форм криминальной деятельности, профессионализация преступников. Особую угрозу для государственной, общественной и личной безопасности представляют сегодня преступления террористической направленности. Ежегодно жертвами терроризма в России и во всем мире становятся десятки тысяч людей. При этом террористические акты совершаются, как правило, организованными преступными группами, специализирующимися на совершении преступлений против интересов общественной безопасности.

Современная преступность, приобретающая прежде неизвестные негативные черты, представляет реальную угрозу для безопасности и поступательного развития страны. В сложившихся условиях особое значение приобретают задачи всестороннего противодействия общественно опасным посягательствам, восстановления государственной системы предупреждения преступлений и иных правонарушений, направленные на снижение уровня криминальной зараженности общества. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. [1] впервые в истории отечественного законодательства называет в качестве одной из своих задач предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Предупреждение совершения новых преступлений объявляется целью уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [2]). Также Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г. называет предупреждение одной из задач законодательства об административных правонарушениях (ст. 1.2 КоАП РФ [3]).

Немаловажная роль в успешном решении задач предупреждения преступлений и иных правонарушений принадлежит тем правовым нормам, которые предусматривают ответственность за умышленные деяния, создающие благоприятные условия для совершения другими лицами противоправных посягательств. В истории и теории уголовного права такие нормы традиционно объединялись в рамках родового понятия прикосновенности к преступлению. В современный период воссоздания системы предупреждения криминализации общественных отношений прикосновенность к преступлению остается незаслуженно «полузабытой» категорией уголовного права.

Как известно, гораздо разумнее и эффективнее предотвращать совершение криминальных деяний и появление жертв преступлений, чем устранять общественно опасные последствия нарушений уголовно-правового запрета. В условиях криминогенной ситуации, сложившейся в современной России, задача предупреждения преступности должна стать одной из внутривластных функций государственной власти. Ее успешное решение зависит от разработки и реализации комплекса средств экономической, политической, организационно-управленческой и «иной» природы, среди которых немаловажную роль играют правовые меры предупреждения преступлений, а среди последних — система уголовно-правовых положений об ответственности за прикосновенность к преступлению.

Правовые нормы об ответственности за прикосновенность к преступлению исторически возникают как юридическое средство предупреждения отдельных (наиболее опасных или чрезмерно распространенных) преступных посягательств, условия (обстановку или ситуацию) для беспрепятственного осуществления которых создают неправомерные действия (бездействие) прикосновенных лиц. Со временем положения закона о прикосновенности становятся одним из дополнительных юридических инструментов уголовной политики в области предупреждения преступности, «завоеывая» свое место в системе

мер правового противодействия криминальным проявлениям и привнося в нее посильный превентивный эффект. Специфическая функция этого нормативного образования — криминализация деяний, связанных (но не в форме заранее обещанного содействия) с совершением преступлений другими лицами, с целью предупреждения замышляемых, подготавливаемых или совершаемых посягательств либо обеспечения неотвратимости ответственности за совершенное преступление и предупреждения новых деликтов. Скажем иначе: его функция — установление юридической ответственности за незначительные по опасности деяния с тем, чтобы предупредить более опасные посягательства.

Установлено, что прикосновенность включает в себя самые различные общественно опасные деяния, которые заключаются в заранее не обещанном создании условий, способствующих совершению преступлений другими лицами. Это и не противодействие совершаемым преступным деяниям, и сокрытие уже совершенных уголовно наказуемых деяний и полученных криминальных доходов, и оказание поддержки и помощи преступникам с тем, чтобы они могли избежать заслуженного наказания. При этом важно подчеркнуть, что прикосновенность создает благоприятную обстановку для систематического осуществления криминальной деятельности (выступая одним из звеньев в «преступной цепи»).

С учетом целевой направленности уголовно-правовых норм об ответственности за прикосновенность в диссертации сформулировано авторское определение родового понятия прикосновенности, проведен юридический анализ признаков, характеризующих отдельные виды прикосновенности, рассмотрены вопросы видообразования и классификации соответствующих нормативных предписаний, предложены авторские модели статей УК, предусматривающих ответственность за заранее не обещанные укрывательство особо тяжких преступлений, легализацию (отмывание) преступных доходов, приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, неисполнение должностных полномочий, несообщение о преступлении. Все перечисленные проявления этого нормативного образования в уголовном законе мотивированы его общей превентивной концепцией.

В условиях продолжающегося роста криминальной активности, качественного усложнения и повышения латентности социально опасного поведения, распространения в обществе организованной, профессиональной, террористической и коррупционной преступности, вряд ли можно поддаться мысли, что прикосновенность как категория современного уголовного права себя исчерпала. Известно, что со второй половины 80-х годов прошлого столетия (с так называемых перестроечных времен) стали распространяться представления о прикосновенности как об уголовно-правовом принуждении граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами и к доносите́льству друг на друга. Между тем, нормы об ответственности за указанное деяние появились в отечественном законо-

дательстве не в советское время и не в 30-е годы прошлого столетия. Прикосновенность имеет давнюю и богатую историю, развиваясь рука об руку с институтом соучастия. Компоненты этого института видны в нашей древней государственности, в средневековом русском законодательстве, в отечественном праве нового и новейшего времен. Проблема прикосновенности — это не дискуссии о прошлом. Это предмет как исторической, так и текущей уголовно-правовой мысли. «Криминальная прикосновенность» — это не чисто абстрактное понятие, не отвлеченное от реальности юридическое построение. Запрещаемые этой правовой конструкцией формы общественно опасного поведения имели место в исторической действительности и сохраняются в современной жизни, в связи с чем нормы об ответственности за прикосновенность обладают «превентивным» зарядом, прежде всего, применительно к предупреждению наиболее опасных и распространенных криминальных форм поведения. Что касается упрека, адресованного прикосновенности, о принуждении граждан к оказанию помощи правоохранительным органам под страхом наказания, необходимо отметить следующее. Современное право и государство не возлагает на частных лиц бремени противодействия преступным проявлениям. Однако это вовсе не означает, что каждый человек освобождается и от других обязанностей перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности. Исходя из конституционных и общепризнанных норм международного права, каждый человек не должен нарушать прав других лиц на личную и общественную безопасность, судебную защиту, восстановление нарушенных интересов жертв преступлений. Граждане обязаны не препятствовать осуществлению правосудия. Органы же власти и их должностные лица обязаны защищать права и свободы человека и гражданина, охранять законные интересы общества и государства. Другими словами, законодатель в лице норм о прикосновенности имеет в своем распоряжении надежные средства предупреждения преступлений, не нарушающие принципы, содержащиеся в ст. ст. 46–51 Конституции РФ.

Отрицание же необходимости установления уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению снижает вероятность пресечения преступной деятельности, привлечения к ответственности виновных лиц, изъятия преступных доходов, но, главное, — способно пошатнуть другой юридический институт — соучастия в преступлении — институт, смежный с прикосновенностью и «сплетенный» с ее судьбой.

С учетом сказанного представляется целесообразным дальнейшее исследование нормативных положений о прикосновенности к преступлению, продолжение научного поиска оптимальной законодательной модели системы уголовно-правовых норм об ответственности за указанное общественно опасное поведение, переосмысление роли данного юридического образования в системе мер противодействия преступности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной ред.) //Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (в актуальной ред.) //Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в актуальной ред.) //Собрание законодательства РФ 2002. № 1. Ст. 1.

Проблемы теории и практики применения института смягчения наказания в Российской Федерации

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет

Актуальным направлением российской уголовной политики на современном этапе является гуманизация карательной практики и дифференциация уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления. Важным условием его успешной реализации является качественная нормативная основа, непременной составной частью которой является уголовно-правовой институт смягчения наказания. В отечественной науке к сегодняшнему дню не было проведено комплексного уголовно-правового исследования нормативных предписаний, образующих этот институт. Наша работа, направленная к восполнению этого пробела, позволила сформулировать следующие основные выводы и рекомендации, направленные к повышению качества и эффективности института смягчения наказания [1].

Формирование уголовно-правового института смягчения наказания имеет долгую историю, оно началось практически одновременно со становлением отрасли уголовного права и является важной составляющей процесса его содержательной эволюции. История рассматриваемого института отражает основные вехи эволюции уголовного права, свидетельствующие об утверждении и постоянном расширении сферы приложения идей гуманизма к регулированию уголовно-правовых отношений. Идеи гуманизации наказания, отраженные изначально в ментальных установках и правосознании русского народа, прошли долгий путь от практики, к разветвленной, нормативно установленной системе принципов и правил, распространяющих свою силу на все типовые случаи и фиксируемые в общей части уголовного закона.

В содержании института смягчения наказания всегда отражалась позиция государства относительно роли и возможности судебной власти, допустимый государством объем судебского усмотрения при разрешении уголовно-правового конфликта, который имел волнообразную динамику, свидетельствуя о периодах большей

или меньшей независимости суда, большего или меньшего административного контроля над ним. В этой связи содержание института смягчения наказания справедливо рассматривать в качестве специфического свидетельства уровня демократизации российского общества и степени приближения к идеалу правового государства.

Содержательная характеристика института смягчения наказания в отечественном уголовном праве включала в себя ставшие со временем традиционные нормы: о смягчающих обстоятельствах, о назначении наказания ниже низшего предела, о назначении наказания за неоконченную преступную деятельность и преступление, совершенное в соучастии. В периоды демократизации судебной власти на фоне укрепления авторитета и независимости суда законодатель всегда предусматривал особые процессуальные основания смягчения наказания осужденным, исходя из потребностей и собственного мнения суда [2].

Институт смягчения наказания следует признать универсальным в том смысле, что он существовал на всем протяжении истории права и существует настоящее время в законодательстве всех стран, отражающих принадлежность к различным правовым семьям. Исследование зарубежного опыта нормативной регламентации смягчения наказания показывает, что российский уголовный закон в целом соответствует мировым тенденциям и стандартам. Вместе с тем он обнаруживает определенные резервы для дальнейшего совершенствования в направлении: установления более детальных правил назначения наказания соучастникам преступления; фиксации непосредственно в качестве смягчающего обстоятельства уменьшенной вменяемости; законодательного закрепления института юридической и фактической ошибки с фиксацией правил назначения при их наличии; установления конкретных видов и размеров наказания, которым может быть заменено наказание, установленное в санкции статьи Особенной части, при

наличии особых (исключительных) смягчающих обстоятельств [3].

Подчиненные принципам индивидуализации и экономии мер уголовного наказания, взаимосвязанные предписания российского уголовного права относительно смягчения наказаний, рассредоточенные в нескольких статьях уголовного закона внутри одной главы УК РФ, представляет собой видовой институт смягчения наказания, выступающий неотъемлемой частью родового института назначения наказания, который, в свою очередь, является частью типового института наказания.

Внутреннюю структуру института смягчения наказания составляют две группы правил: а) предписания о смягчении наказания, исходя из характеристик совершенного преступления и личности виновного; б) предписания о смягчении наказания, исходя из процессуальных особенностей судебного разбирательства. При этом модельное (оптимальное) наполнение института смягчения наказания предполагает наличие и последовательное расположение в нем следующих предписаний: «Обстоятельства, смягчающие наказание»; «Назначение наказания при наличии явки с повинной и заглаживании причиненного потерпевшему вреда»; «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление»; «Назначение наказания за неоконченное преступление»; «Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве»; «Назначение наказания при согласии подсудимого с предъявленным обвинением»; «Назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении».

Социальной основой разработки и применения специальных правил смягчения наказания выступают смягчающие наказание обстоятельства, которые, не будучи включенными в число признаков состава преступления, отражают более широкие аспекты социальной характеристики деяния и личности виновного. Смягчающие наказание обстоятельства являются составной частью характеристики именно этих общих критериев назначения наказания; в связи с чем, во-первых, не могут быть признаны смягчающими обстоятельства, которые не относятся к совершенному деянию и личности виновного; а во-вторых, недопустим двойной учет одних и тех же обстоятельств одновременно и как характеризующих деяние или личность, и как имеющих самостоятельное значение смягчающих обстоятельств.

В теории и в правоприменительной деятельности следует различать признание обстоятельства смягчающим и учет смягчающего обстоятельства при назначении наказания. Наличие смягчающих обстоятельства служит одним из оснований для выбора судом более мягкого вида или размера уголовного наказания, установленного санкцией статьи Особенной части УК РФ. В этой связи вопросы социально-криминологической обусловленности, системной согласованности, а также в целом качества и эффективности санкций приобретают крайне важное значение.

Нормативные предписания, образующие институт смягчения наказания, в целом соответствуют потребностям практики, однако могут быть оптимизированы. Результаты исследования позволяют определить следующие направления их совершенствования:

- исключение из ст. 62 УК РФ ограничений, связанных с запретом применения данной нормы при наличии отягчающих обстоятельств;

- определение оснований применения ст. 64 УК РФ как исключительных смягчающих обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления и личности виновного;

- исключение из диспозиции ч. 1 ст. 64 УК РФ указания на такое обстоятельство, как активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления;

- установление правила, согласно которому при признании тех или иных смягчающих обстоятельств исключительными, суд не учитывает при назначении наказания отягчающие обстоятельства, предусмотренные ст. 63 УК РФ;

- привязка правил назначения наказания более мягкого, чем предусмотрено в законе, к законодательной категоризации преступлений и установление ограничений, связанных с запретом назначения наказаний более мягких, чем установлено законом для преступлений предыдущей категории тяжести;

- определение в ст. 66 УК РФ правила о том, что обстоятельством,

- отягчающим наказание за неоконченное преступление, признается

- выполнение виновным всех действий, необходимых для причинения вреда охраняемым УК РФ интересам; обстоятельством, смягчающим наказание за неоконченное преступление, признается невыполнение или неполное выполнение виновным действий, необходимых для причинения вреда охраняемым УК РФ интересам;

- дополнение ст. 67 УК РФ правилом, согласно которому подстрекателям и пособникам не назначается смертная казнь или пожизненное лишение свободы, а наказание не должно превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ.

Сформулированные выводы и рекомендации призваны составить теоретическую основу для дальнейшего совершенствования нормативной регламентации и практики применения правил смягчения наказания. Они, вне сомнений, не исчерпывают всего комплекса проблем, связанных с этим участком регулирования уголовно-правовых отношений, и, возможно, требуют дополнительного обсуждения. Но вместе с тем, они открывают перспективное направление научных исследований обозначенной темы, связанное с необходимостью комплексного, системного исследования правил смягчения наказания, исходя из признания их институциональной природы.

Литература:

1. Николаев, П. М. Сущность и основания назначения наказания по УК РФ // Российский следователь. 2012. № 16. — с. 25.
2. Чучаев, А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. — М.: Проспект, 2010. — с. 109.
3. Федоров, С. Л. Понятие охранительной функции в уголовном праве, ее содержание и сущность // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. — № 45. — с. 12.

Об основаниях применения правил ГК РФ о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями органов государственной власти

Бочаров Андрей Николаевич, аспирант
Южный федеральный университет

Развитие институтов гражданского общества и правового государства имеет множество специфических особенностей. Среди них — необходимость равномерного и связанного совершенствования всех смежных институтов, поскольку именно они обеспечивают фактическую реализацию декларативных норм положений закона об указанных «правовых идеалах». В том числе, речь идет и о качественном изменении норм, а также правоприменительной практики в области гражданских правоотношений. Потому что только точные и отлаженные механизмы гражданского законодательства способны создать условия для поддержания стабильного гражданского оборота, а значит — защиты права собственности, как одного из базовых принципов для построения фундамента гражданского общества и правового государства.

Ярким примером в данном случае является правило статьи 16.1 Гражданского кодекса РФ, согласно которому ущерб, причиненный в результате осуществления органами государственной власти и местного самоуправления правомерных действий, подлежит компенсации. Это, безусловно, революционный для отечественного законодателя шаг, позволяющий говорить об усилении имущественной защиты граждан, однако, любая норма закона подвергается естественной правоприменительной аберрации, поэтому так важно проведение тщательного анализа судебной практики, для того, чтобы определить векторные и динамические характеристики интегрируемой в законодательство юридической конструкции (ведь для российского законодательства, а также правовой доктрины, институт компенсации ущерба от правомерных действий действительно носит новаторский характер). Наш взгляд, в данном случае целесообразно провести поэтапный разбор тенденций и характерных особенностей реализации предписаний статьи 16.1 в судебной практике, соотнести их с теоретическими положениями цивилистической доктрины, а затем обобщить полученные результаты в форме определенных тезисов.

Прежде всего, необходимо отметить отсутствие однозначного императивного законодательного механизма имплементации данной статьи. Сама текстуальная формулировка не содержит прямого указания на способы реализации нормативного правила: *«В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации»* [1]. Лексический оборот «в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом» предполагает наличие иной, не интегрированной в текст базовой статьи нормы закона, которая бы обеспечивала воплощение указанных правил компенсации, являясь модифицирующим модулем между внутренним логическим каркасом нормы и реальностью гражданско-правовых отношений. Однако, при наличии факта текстуальной отсылки к другому положению закона, можно констатировать отсутствие «точки назначения» подобного нормативного перенаправления. В такой ситуации, которую подчас именуют законодательным пробелом, практика применения нормы закона приобретает характер совокупности, а не системы (потому как вторая предполагает структурную связь и взаимную зависимость элементов между собой, тогда как первая всего лишь обозначает простое объединение, обобщение явлений по, зачастую, формальному признаку). Основное негативное последствие в данном случае — приобретение правоприменительной практикой свойства хаотичности, что, соответственно, нивелирует законодательные усилия по упорядочиванию определенного вида гражданско-правовых отношений.

Первой, в обозначенном поле вероятностей правовой судьбы отношения, попадающего под регулирование статьи 16.1 ГК РФ, следует выделить позицию отказа судов от применения соответствующего правила закона ввиду

рассмотренного выше отсутствия механизма реализации. Так, в Постановлении АС СЗО от 22 мая 2015 года по делу № А66–13965/2014 находим: «В предусмотренных статьей 16.1 ГК РФ случаях компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, возможна только, если это прямо предусмотрено законом. Истец на нормы такого закона не ссылается. При таких обстоятельствах оснований для удовлетворения жалобы и отмены обжалуемых судебных актов не имеется» [2]. Примечательно, что суд в данном случае понимает под одним из оснований для применения статьи 16.1 наличие нормы закона, конкретизирующей случай компенсации, то есть выстраивает систему, в которой вектор «правового импульса» будет направлен от частной нормы к общей. Однако, нельзя не отметить тот факт, что ввиду очевидного отсутствия частных норм для применения в указанной системе, такая модель поведения суда принимает характер излишнего формализма и носит откровенно софистический характер, дискредитируя в своем лице всю государственную власть, иными словами, создавая негативные предпосылки для социального позиционирования судебной системы в сложившейся структуре социальных отношений. Данный элемент, зачастую, упускается многими исследователями права, в то время как его значение огромно, потому как несмотря на весь независимый характер судебной власти, она всегда будет восприниматься гражданами в едином феноменологическом объекте со всеми институтами государственной власти, а для последней существует такой показатель как легитимность, которая, в отличие от легальности, характеризует не соответствие алгоритма поведения установлениям закона, а исходит из социального одобрения, выраженного в установленных законом формах. Следовательно, подход с позиций излишнего формализма к реально и объективно существующим общественно-правовым отношениям вносит отрицательный вклад в дело распространения законности и поддержания правопорядка.

В то же время, очевидно, что норма статьи 16.1 ГК РФ затрагивает слишком важный пласт общественных отношений, потому как ее введение даже без имплементационного механизма породило в достаточном количестве случаи «гардиальной инициативы», когда граждане обратились в суд для защиты своих прав в рамках данной нормы гражданского законодательства. На это указывает тот факт, что в июне 2015 года вопросы, касающиеся отношений по компенсации ущерба от правомерных действий государства были включены в текст Постановления Пленума ВС РФ. В пункте 16 указанного постановления находим: «Согласно статье 16.1 ГК РФ в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации.

В частности, возможность такой компенсации предусмотрена статьями 279, 281, пунктом 5 статьи 790 ГК РФ, пунктом 2 статьи 18 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [3]. Таким образом, становится обоснованным выдвижение гипотезы о том, что Верховный суд попытался определить перечень оснований, по которым возможна компенсация, предусмотренная статьей 16.1 ГК РФ. Представляет научный интерес механизм достижения данной судебной инстанцией реализации поставленной цели. А именно: Верховный суд, фактически, в отличие от арбитражного суда в рассмотренном ранее Постановлении АС СЗО переменял методологический подход к определению оснований применения правила о компенсации статьи 16.1 ГК РФ, развернув в противоположном направлении, прежде всего, исходную модальность нормы в призме толкования. Арбитражный суд в постановлении устанавливал необходимость прямой отсылки в тексте закона к статье 16.1 ГК РФ, формируя таким образом строгую модальность закрытого списка, в то время как Верховный суд с помощью лексического оборота «в частности» ясно дал понять об открытом характере перечня оснований, выделяя лишь наиболее заметные и адекватные текущим объективно-существующим социальным запросам. Необходимо напомнить, что по временной шкале, документ ВС РФ появился значительно позже разобранный выше судебный акт АС СЗО, что, как минимум, демонстрирует эволюцию правопонимания применительно к данной конкретной норме. Такие изменения не могут не радовать, так как они в большей мере соответствуют прорывному характеру законодательного нововведения, потенциально заложенному в анализируемой статье.

Исходя из содержания пункта 16 указанного Постановления, можно выделить несколько оснований для применения механизма компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государства. Условно, их можно назвать первоочередными, ввиду очевидного соответствия характера этих правоотношений описанной в статье 16.1 правовой модели. Это случаи выкупа земельного участка для государственных и муниципальных нужд, расходов перевозчика из льготной перевозки, а также возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта. Отдельной критики заслуживает последнее основание. На наш взгляд, отечественный законодатель должен уже, во-первых, дать легальное определение понятию ущерб, а также соотношению его с категорией реального ущерба и вреда, получивших терминологическое разъяснение на страницах ГК РФ, во-вторых, раз и навсегда определиться с употреблением в качестве единых терминологических модулей словосочетаний «возмещение вреда» и «компенсация ущерба», разграничить их по области приложения, потому как правовые категории должны обладать исчерпывающей и точной информативной наполняющей, позволяющей дифференцировать область применения каждой из них. Сложившаяся практика разнородного понимания законодателем соотношения указанных категорий порождает хаотическое применение их в рамках как отраслевого законодательства, так и научной цивилистиче-

ской мысли, что ведет к спонтанной инициации деструктурирования законодательной логики.

Возвращаясь к упомянутым в Постановлении Пленума ВС РФ основаниям применения статьи 16.1 ГК РФ, достойным упоминания становится вопрос о достаточности приведенного списка. Представляется, что в указанном акте нашли отражение лишь наиболее яркие примеры регулируемых отношений. Такая модель дифференциации круга регулируемых правоотношений подразумевает очевидность критериев объединения оснований в рамках одной юридической конструкции. Одним из подобных идентификационных признаков, с нашей точки зрения, можно признать создавшуюся необходимость применения правового механизма, носящего отчетливо выраженный компенсационный характер. Безусловно, ее нельзя назвать в данном случае дифференцирующим критерием, но она вполне отвечает характеристикам системообразующего, определяющего правовую природу признака. Это своеобразная «точка отсчета», от которой необходимо строить юридический каркас правоотношения. Более того, наличие компенсационной функции у большого количества гражданско-правовых институтов позволяет лучше интегрировать норму статьи 16.1 ГК РФ в общую систему российского гражданского законодательства, которое подчиняется правилам построения континентальной системы права, где разнообразные юридические техники и конкретные нормы объединяются в крупные отрасли, институты в результате теоретического обобщения на основании средств используемых правовых категорий.

Представляется также интересным уяснение точного смысла понятия компенсационный характер. О правовой природе компенсации, наличии ее признаков, достаточно часто поднимался вопрос в цивилистической доктрине.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 N 14-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
2. Постановлении АС СЗО от 22 мая 2015 года по делу № А66–13965/2014 // СПС Право.ру
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс
4. Гражданское право: учебник; в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2008. Т. 1.
5. Брагинский, М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: общие положения. М., 2008. 847 с.

Например, Е. А. Суханов высказывается о тождественности компенсационной и восстановительной функций гражданско-правовой ответственности [4. С.591], В. В. Витрянский придерживается точки зрения о всеобщности компенсационного характера для института гражданско-правовой ответственности, который возводится до степени общего правила [5. С.847]. Однако, нельзя не отметить, что законодатель не зря выделил отношения по компенсации за ущерб от правомерных действий государства в отдельную статью, относительно, хоть и не достаточно идентифицируемо, отграничивая область применения данного правового института от отношений связанных с гражданско-правовой ответственностью.

Подводя итог, можно сформулировать ряд выводов:

1. На этапе современного развития гражданского законодательства РФ отсутствует однозначный законодательный механизм реализации положений нормы статьи 16.1 ГК РФ.

2. Выделенный Постановлением Пленума ВС РФ перечень оснований применения означенной статьи придает рассматриваемой юридической конструкции динамический, но далеко не законченный характер.

3. Приведенный ВС РФ список оснований является по своей природе открытым.

4. Постановление Пленума ВС РФ, рассмотренное в работе, изменяет общую парадигму толкования принципов применения статьи 16.1 ГК РФ.

5. Имеет методологический смысл выделить в качестве базового признака основания использования в юридической практике правил статьи 16.1. ГК РФ создавшуюся в конкретном случае необходимость применения правового механизма, носящего отчетливо выраженный компенсационный характер.

Нормативно-правовое регулирование образовательной деятельности в России на современном этапе

Волегова Юлия Сергеевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Пrestиж образования в нашей стране с каждым годом неуклонно возрастает. Большинство работодателей предпочитают видеть на рабочих местах квалифицированных

специалистов, имеющих высшее образование. Однако реальное получение качественного образования на сегодняшний день — дело, можно сказать, весьма проблема-

тичное и касается практически всех ступеней образования: от дошкольного до высшего профессионального. Изобилие образовательных учреждений и организаций, многообразие реализуемых ими образовательных программ, а также существующие пробелы в законодательстве, зачастую ставят потребителя образовательных услуг перед трудным выбором.

Н. А. Жабин и Т. О. Шилюк отмечают, что внимание государства и общества к проблеме развития образования в Российской Федерации не ослабевает по сей день. И причин этому довольно много. Так, например, ежегодно увеличивается число обучающихся по программам детского дополнительного внешкольного, среднего, высшего и послевузовского профессионального образования, постоянно совершенствуются образовательные программы, стремительно развивается законодательная база в данной сфере. Кроме того, уровень и качество образования является одним из ключевых показателей развития общества и государства в целом. При этом совершенствование системы образования на каждом уровне положительно влияет на общее состояние жизни, что проявляется в снижении преступности, оздоровлении нации, в том числе граждан подросткового возраста, и повышении социального-экономического престижа страны [1, с. 698].

Несмотря на значительный интерес ученых к исследованию правовой природы как образования в целом, так и конкретных образовательных услуг в частности, актуальность дальнейших разработок в данной области сохраняется. Это обусловлено тем, что в современном российском обществе достаточно остро стоят вопросы реальной защиты права на образование, провозглашенного в части 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации [2], в которой признается право каждого человека на образование в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека [3] (ст. 26) и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (ст. 13) [4].

Основополагающим нормативным актом, регулирующим образовательную деятельность в Российской Федерации, является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [5] (далее — Закон № 273-ФЗ).

В соответствии с пунктом 17 статьи 2 Закона № 273-ФЗ образовательная деятельность — это деятельность по реализации образовательных программ.

Согласно части 1 статьи 4 Закона № 273-ФЗ отношения в сфере образования регулируются, прежде всего, Конституцией РФ, названным Федеральным законом, другими федеральными законами, содержащими нормы, регулирующие отношения в сфере образования.

Т. Н. Матюшева справедливо отмечает, что понятие образования как единого целенаправленного процесса воспитания и обучения, являющегося общественно значимым благом и осуществляемого в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупности приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенного объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного,

творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов в статье 2 Закона № 273-ФЗ дано именно в русле ст. 2 Конституции РФ [6, с. 48].

В статье 21 Закона № 273-ФЗ закреплено, что образовательная деятельность осуществляется образовательными организациями и в случаях, установленных настоящим Федеральным законом, организациями, осуществляющими обучение, а также индивидуальными предпринимателями.

В пункте 2 статьи 21 Закона № 273-ФЗ указано, что на организации, осуществляющие обучение, и индивидуальных предпринимателей, на их обучающихся, на педагогических работников, занятых в организациях, осуществляющих обучение, или у индивидуальных предпринимателей, распространяются права, социальные гарантии, обязанности и ответственность образовательных организаций, обучающихся и педагогических работников таких образовательных организаций.

Современными учеными отмечено, что название статьи 21 Закона № 273-ФЗ «Образовательная деятельность» не совсем точно отражает ее содержание. При этом исходя из названия главы 3 «Лица, осуществляющие образовательную деятельность» (в структуру которой включена статья 21) данная глава направлена на установление правовых норм, регламентирующих вопросы, непосредственно связанные с одной из категорий участников образовательных отношений — лицами, осуществляющими образовательную деятельность. В связи с этим, несмотря на название «образовательная деятельность», положения статьи 21 Закона № 273-ФЗ устанавливают общие положения относительно лиц, которые в соответствии с нормами вышеуказанного закона имеют право осуществлять образовательную деятельность [7].

Возвращаясь к вопросу нормативно правовое регулирование образовательной деятельности в России на современном этапе, перечислим нормативно-правовые акты, регулирующие образовательную деятельность. В пункте 40 части 1 статьи 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О лицензировании отдельных видов деятельности» [8] закреплено, что осуществление образовательной деятельности требует получения лицензии. В Постановлении Правительства РФ от 28.10.2013 № 966 (ред. от 27.11.2014) «О лицензировании образовательной деятельности» установлен порядок лицензирования образовательной деятельности [9].

Согласно части 1 статьи 22 Закона № 273-ФЗ образовательная организация создается в форме, установленной гражданским законодательством для некоммерческих организаций. Данные организационно-правовые формы предусмотрены Гражданским кодексом Российской Федерации [10] и Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [11]. Духовные образовательные организации создаются в порядке, определенном Федеральным законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [12].

Порядок привлечения к административной ответственности организаций, осуществляющих образовательную деятельность, установлен Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [13] и следует из того, что поскольку организации, осуществляющие обучение, — это юридические лица, которые на основании лицензии ведут образовательную деятельность в качестве дополнительной (ч. 19 ст. 2 Закона об образовании) и могут быть коммерческими либо некоммерческими, а основная цель коммерческих организаций — извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ), в связи с чем образовательную деятельность коммерческих организаций следует считать предпринимательской и ее осуществление без лицензии может повлечь административную ответственность по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.

Государственная аккредитация образовательной деятельности регулируется статьей 92 Закона № 273-ФЗ; Положением о государственной аккредитации образовательной деятельности (утв. Постановлением Правительства РФ от 18.11.2013 № 1039) (далее — Положение) [14]; Административным регламентом предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по государственной аккредитации образовательной деятельности [15]; Административным регламентом предоставления органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации в области образования, государственной услуги по государственной аккредитации образовательной деятельности (утв. Приказом Минобрнауки России от 29.10.2014 № 1398; далее — Регламент аккредитационных органов субъектов РФ) [16]; Приказом Минобрнауки России от 18.03.2014 № 193 «Об утверждении форм заявлений о проведении государственной аккредитации образовательной деятельности, о выдаче временного свидетельства о государственной аккредитации, о переоформлении свидетельства о государственной аккредитации и о выдаче дубликата свидетельства о государственной аккредитации (временного свидетельства о государственной аккредитации)» [17].

Из положений подпункта 2 пункта 1 статьи 219 Налогового кодекса Российской Федерации [18] следует, что налогоплательщик вправе заявить налоговый вычет по расходам на образование, если оно осуществлялось в образовательных учреждениях (учебных заведениях). При этом условием получения вычета является наличие у образовательного учреждения лицензии или иного документа, подтверждающего его статус (абз. 3 п. 2 п. 1 ст. 219 НК РФ).

В Налоговом кодексе РФ не закреплено, что следует понимать под образовательным учреждением или учебным заведением. В соответствии с п. 1 ст. 11 НК РФ

в случае отсутствия в Налоговом кодексе РФ понятия (термина) следует руководствоваться отраслевым законодательством. Правоотношения в сфере образования регулируются Законом № 273-ФЗ. Однако и в нем такие понятия, как «образовательное учреждение» и «учебное заведение», не используются.

Относительно нормативно-правового регулирования педагогической деятельности, следует отметить, что к педагогической деятельности допускаются лица, имеющие образовательный ценз (определенный уровень и профиль образования), который определяется в порядке, установленном законодательством РФ об образовании (часть 1 статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации [19]). Согласно части 1 статьи 46 Законом № 273-ФЗ педагогической деятельностью вправе заниматься лица, которые имеют соответствующее образование (среднее профессиональное или высшее) и отвечают квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам.

В частности, требования к квалификации работников образования, а именно к уровню их профессиональной подготовки, который удостоверяется документами об образовании, и к стажу работы, содержатся в Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [20] (утв. Приказом Минздравсоцразвития России от 26.08.2010 № 761н; далее — ЕКС). Это следует из абз. 1, 4 п. 4 разд. I «Общие положения» ЕКС.

Проанализировав нормативно-правовое регулирование образовательной деятельности на современном этапе, следует отметить, что, несмотря на то, что Законом

№ 273-ФЗ около трех лет, однако остаются и образуются новые недостатки образовательного законодательства, что обуславливает его невысокую эффективность, способствуют возникновению и существованию ряда отрицательных тенденций в развитии образования.

Нормативно — паровое регулирование образовательной деятельности в России на современном этапе с учетом возникших современных проблем по обязательствам по оказанию образовательных услуг, безусловно, требует дальнейшего научного анализа и законодательного закрепления.

Правильное определение понятий «образовательная деятельность», «образовательное учреждение», «учебное заведение», а также правильное разрешение всех вопросов, связанных с обязательствами по оказанию образовательных услуг, является одной из предпосылок успешного выполнения стоящих перед государством задач по организации качественного и доступного для всех граждан образования.

Литература:

1. Шилюк, Т. О., Жабин Н. А. Право на образование и его защита // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 6. с. 698.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998
4. Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
6. Матюшева, Т. Н. Конституционные основы конкретизации статуса педагогического работника в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» // Современное право. 2015. № 4. с. 47–52.
7. Ласкина, Н. В., Новикова Н. А., Лежнева Н. С., Тимофеева Н. Ю., Слесарев С. А., Вахрушева Ю. Н. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2014.
8. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.
9. Постановление Правительства РФ от 28.10.2013 № 966 (ред. от 27.11.2014) «О лицензировании образовательной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 44. Ст. 5764.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
11. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.
12. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.07.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
14. Постановление Правительства РФ от 18.11.2013 № 1039 (ред. от 26.12.2014) «О государственной аккредитации образовательной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 47. Ст. 6118.
15. Приказ Минобрнауки России от 16.09.2014 № 1227 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по государственной аккредитации образовательной деятельности» // Российская газета. 2014. № 297, от 29 декабря.
16. Приказ Минобрнауки России от 29.10.2014 № 1398 «Об утверждении Административного регламента предоставления органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, государственной услуги по государственной аккредитации образовательной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.rgavo.gov.ru>, 06.02.2015
17. Приказ Минобрнауки России от 18.03.2014 № 193 «Об утверждении форм заявлений о проведении государственной аккредитации образовательной деятельности, о выдаче временного свидетельства о государственной аккредитации, о переоформлении свидетельства о государственной аккредитации и о выдаче дубликата свидетельства о государственной аккредитации (временного свидетельства о государственной аккредитации)» // Российская газета, № 112, 21.05.2014
18. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
19. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
20. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761н (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» // Российская газета, № 237, 20.10.2010.

Некоторые особенности правоотношений, возникающих из договора на оказание образовательных услуг

Волегова Юлия Сергеевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] (далее — Закон № 273-ФЗ) на сегодняшний день является основополагающим нормативным актом, регулирующим образовательную деятельность в Российской Федерации.

В современном российском обществе достаточно остро стоят вопросы реальной защиты права на образование, провозглашенного в части 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации [2], в которой признается право каждого человека на образование в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека [3] (ст. 26) и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (ст. 13) [4].

Согласно части 1 статьи 4 Закона № 273-ФЗ отношения в сфере образования регулируются, прежде всего, Конституцией РФ, названным Федеральным законом, другими федеральными законами, содержащими нормы, регулирующие отношения в сфере образования.

Оказание платных образовательных услуг помимо Закона № 273-ФЗ регламентируется Правилами оказания платных образовательных услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 15.08.2013 № 706 [5] (далее — Правила).

Из положений части 1 статьи 54 Закона № 273-ФЗ следует, что договор об образовании заключается в простой письменной форме между: 1) организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и лицом, зачисляемым на обучение (родителями (законными представителями) несовершеннолетнего лица); 2) организацией, осуществляющей образовательную деятельность, лицом, зачисляемым на обучение, и физическим или юридическим лицом, обязующимся оплатить обучение лица, зачисляемого на обучение.

Сторонами договора об образовании являются организация, осуществляющая образовательную деятельность, и лицо, зачисляемое на обучение (родители (законные представители) несовершеннолетнего лица). В случае трехсторонних отношений — организация, осуществляющая образовательную деятельность, лицо, зачисляемое на обучение, и физическое или юридическое лицо, обязующееся оплатить обучение лица, зачисляемого на обучение [6].

Частью 3 статьи 54 Закона № 273-ФЗ установлено, что договор об оказании платных образовательных услуг заключается при приеме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица.

Из части 1 статьи 101 Закона № 273-ФЗ усматривается, что платные образовательные услуги представляют собой осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счет средств физических и (или) юридиче-

ских лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг.

Согласно п. 12 Правил договор о предоставлении таких услуг должен содержать условия о виде образовательной программы (ее части) (часть 2 статьи 12 Закона № 273-ФЗ) и об уровне и (или) направленности образовательной программы (ее части), в том числе о подготовке квалифицированных рабочих, подготовке научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) (пункт 2 части 3 статьи 12 Закона № 273-ФЗ) или повышении квалификации, профессиональной переподготовке (п. 2 ч. 4 ст. 12 Закона № 273-ФЗ) и т.п.

Кроме того, в пункте 12 Правил, перечислены требования к договору об оказании платных образовательных услуг, к которым данными Правилами отнесено:

- а) полное наименование и фирменное наименование (при наличии) исполнителя — юридического лица; фамилия, имя, отчество (при наличии) исполнителя — индивидуального предпринимателя;
- б) место нахождения или место жительства исполнителя;
- в) наименование или фамилия, имя, отчество (при наличии) заказчика, телефон заказчика;
- г) место нахождения или место жительства заказчика;
- д) фамилия, имя, отчество (при наличии) представителя исполнителя и (или) заказчика, реквизиты документа, удостоверяющего полномочия представителя исполнителя и (или) заказчика;
- е) фамилия, имя, отчество (при наличии) обучающегося, его место жительства, телефон (указывается в случае оказания платных образовательных услуг в пользу обучающегося, не являющегося заказчиком по договору);
- ж) права, обязанности и ответственность исполнителя, заказчика и обучающегося;
- з) полная стоимость образовательных услуг, порядок их оплаты;
- и) сведения о лицензии на осуществление образовательной деятельности (наименование лицензирующего органа, номер и дата регистрации лицензии);
- к) вид, уровень и (или) направленность образовательной программы (часть образовательной программы определенного уровня, вида и (или) направленности);
- л) форма обучения;
- м) сроки освоения образовательной программы (продолжительность обучения);
- н) вид документа (при наличии), выдаваемого обучающемуся после успешного освоения им соответствующей образовательной программы (части образовательной программы);
- о) порядок изменения и расторжения договора;

п) другие необходимые сведения, связанные со спецификой оказываемых платных образовательных услуг.

Перечисленные условия определяют предмет договора об оказании платных образовательных услуг и в силу пункта 1 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации [7] подлежат согласованию сторонами. Данные условия прямо не названы существенными, перечень их открыт, поэтому стороны могут предусмотреть и другие положения по своему усмотрению. Однако, поскольку в Правилах указано, что договор эти сведения содержит, возникает вопрос: можно ли отнести их к существенным на основании абзаца 2 пункта 1 статьи 432 ГК РФ? Судебная практика по данному вопросу не сформирована. Однако во избежание спорных ситуаций рекомендуется согласовать все условия, приведенные в пункте 12 Правил, статье 54 Закона № 273-ФЗ.

Необходимо также иметь в виду, что согласно части 4 статьи 54 Закона № 273-ФЗ сведения, указанные в договоре об оказании платных образовательных услуг, должны соответствовать информации, которая размещена на официальном сайте образовательной организации в сети Интернет на дату заключения договора.

Рассматривая особенности заключения договора на оказание образовательных услуг, следует отметить, что Исполнитель обязан до заключения договора и в период его действия предоставлять заказчику достоверную информацию о себе и об оказываемых платных образовательных услугах, обеспечивающую возможность их правильного выбора (п.п. 9, 10 Правил).

Так, исполнитель обязан в том числе довести до сведения заказчика фирменное наименование своей организации, место ее нахождения (адрес), информацию о государственной регистрации и образовательных программах, а также сведения о лицензии на осуществление образовательной деятельности и о государственной аккредитации.

Индивидуальный предприниматель предоставляет заказчику информацию о государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, об уровне своего профессионального образования, общем стаже педагогической работы и о стаже занятия индивидуальной педагогической деятельностью. Если он привлекает педагогических работников — информацию об их уровне профессионального образования и общем стаже педагогической работы, а также информацию о лицензии на осуществление образовательной деятельности (ч. 4, 5 ст. 32 Закона № 273-ФЗ).

Часть 6 статьи 54 Закона № 273-ФЗ и пункт 13 Правил к недопустимым для согласования в договоре относят условия, которые ограничивают права лиц, имеющих право на получение образования определенного уровня и направленности и подавших заявления о приеме на обучение, и обучающихся или снижают уровень предоставления им гарантий по сравнению с условиями, установленными законодательством об образовании.

Правила дают определение недостатка и существенного недостатка платных образовательных услуг (см. абз. 4, 7 п. 2 Правил).

Так, под недостатками услуг подразумеваются следующие нарушения:

— несоответствие платных образовательных услуг обязательным требованиям, предусмотренным законом либо в установленном им порядке;

— несоответствие услуг условиям договора (при отсутствии условий или их неполноте — обычно предъявляемым требованиям);

— несоответствие услуг целям, для которых платные образовательные услуги обычно используются;

— несоответствие услуг целям, о которых исполнитель был поставлен в известность заказчиком при заключении договора;

— оказание услуг не в полном объеме, предусмотренном образовательными программами (частью программы).

При обнаружении недостатка платных образовательных услуг исполнитель несет ответственность в соответствии с п. 17 Правил. Заказчик вправе по своему выбору потребовать от исполнителя безвозмездного оказания образовательных услуг, соразмерного уменьшения стоимости оказанных услуг либо возмещения понесенных им расходов на устранение недостатков оказанных услуг своими силами или силами третьих лиц.

Если в установленный договором срок недостатки исполнителем не устранены, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать полного возмещения убытков (п. 18 Правил).

Отказаться от исполнения договора на основании этой нормы заказчик может и при обнаружении существенного недостатка оказанных платных образовательных услуг или иных существенных отступлений от условий договора.

Под существенным недостатком платных образовательных услуг понимается неустранимый недостаток, или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов либо затрат времени, или выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения, или другие подобные недостатки.

Содержание договора об оказании платных образовательных услуг определяется также в примерных формах договоров об образовании, которые в соответствии с частью 10 статьи 54 Закона № 273-ФЗ и пункта 14 Правил утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования. Таким органом является Минобрнауки России (пункты 1, 5.2.29 Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 03.06.2013 № 466 [8]).

На сегодняшний день утверждены примерные формы договоров об образовании на обучение: по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования (Приказ Минобрнауки России от 21.11.2013 № 1267 [9]); дополнительным образовательным программам (Приказ Минобрнауки России от 25.10.2013 № 1185 [10]); образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего

образования (Приказ Минобрнауки России от 09.12.2013 № 1315 [11]); образовательным программам дошкольного образования (Приказ Минобрнауки России от 13.01.2014 № 8 [12]).

Так же следует отметить, что к договору на оказание платных образовательных услуг, предусмотренному Законом № 273-ФЗ, смогут применяться положения Закона РФ от 07.02.1992 № 2300—1 «О защите прав потребителей» [13].

Проанализировав элементы и условия договора на оказание образовательных услуг, следует отметить, что Правилами введены понятия: «недостаток платных образовательных услуг» и «существенный недостаток платных образовательных услуг». Судебной практики по данным вопросам на сегодняшний день еще не сформировано. Как данные положения будут применяться при заключении договоров на оказание образовательных услуг покажет время.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998
4. Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.
5. Постановление Правительства РФ от 15.08.2013 № 706 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 34. Ст. 4437.
6. Ласкина, Н. В., Новикова Н. А., Лежнева Н. С., Тимофеева Н. Ю., Слесарев С. А., Вахрушева Ю. Н. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2014.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Постановление Правительства РФ от 03.06.2013 № 466 (ред. от 18.06.2015) «Об утверждении Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 23. Ст. 2923.
9. Приказ Минобрнауки России от 21.11.2013 № 1267 «Об утверждении примерной формы договора об образовании на обучение по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» // Российская газета, № 48, 28.02.2014.
10. Приказ Минобрнауки России от 25.10.2013 № 1185 «Об утверждении примерной формы договора об образовании на обучение по дополнительным образовательным программам» // Российская газета, № 31, 12.02.2014.
11. Приказ Минобрнауки России от 09.12.2013 № 1315 «Об утверждении примерной формы договора об образовании по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» // Российская газета № 83, 11.04.2014.
12. Приказ Минобрнауки России от 13.01.2014 № 8 «Об утверждении примерной формы договора об образовании по образовательным программам дошкольного образования» // Российская газета, № 83, 11.04.2014.
13. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300—1 (ред. от 13.07.2015) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

Проблемы законодательной регламентации специальных составов мошенничества (на примере кредитного мошенничества)

Гаджиев Тимур Фикретович, студент;
Третьяк Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет

Статья посвящена анализу изменений, внесенных в соответствии вступившим в силу 10 декабря 2012 г. Федеральным законом РФ от 29 ноября 2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и от-

дельные законодательные акты РФ». Авторы пришли к выводу о том, что в связи с изменением регламентации уголовной ответственности за мошенничество и отсутствием рекомендаций Верховного Суда РФ существует противоречивое понимание признаков мошенничества в теории и судебной практике.

Ключевые слова: кредит, банк, мошенничество в сфере кредитования, регламентация, кредитный договор.

The article is devoted to the analysis of the changes made in accordance came into force on 10 December 2012 the Federal law of the Russian Federation of November 29, 2012 № 207-FZ «On amendments to the criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation». The authors concluded that in connection with changing regulation of criminal liability for fraud and lack of recommendations of the Supreme Court there is inconsistent understanding of fraud indicators in theory and judicial practice.

Key words: credit, Bank, fraud in lending, regulation, credit agreement.

Вступивший в силу 10 декабря 2012 г. Федеральный закон РФ от 29 ноября 2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» существенным образом изменил регламентацию уголовной ответственности за мошенничество. Глава 21 УК РФ была дополнена шестью новыми статьями 159.1–159.6 УК РФ, предусматривающими уголовную ответственность за различные виды мошенничества. В Пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что такие изменения были вызваны необходимостью дифференцировать меры уголовно-правового воздействия за мошенничество в зависимости от сферы его совершения, характеристики предмета и способа совершения преступления для устранения ошибок, возникающих в судебной практике [1]. Обращалось внимание также на значительный удельный вес мошенничества в общем количестве выявляемых экономических преступлений и в различных сферах экономической деятельности. В связи с этим законодатель установил уголовную ответственность за мошеннические действия, связанные с (со):

- кредитованием (ст. 159.1 УК РФ);
- получением выплат (ст. 159.2 УК РФ);
- использованием платёжных карт (ст. 159.3 УК РФ);
- договорными отношениями в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ);
- страхованием (ст. 159.5 УК РФ);
- компьютерной информацией (ст. 159.6 УК РФ).

Определенный интерес представляют данные статистики за 2014 год, опубликованные Судебным департаментом при Верховном суде. Общее число приговоров по делам о мошенничестве в 2014 году по сравнению с 2013-м почти не изменилось: 24,5 тыс. против 25,1 тыс. годом ранее (на 2% меньше) [2]. Но чаще стали применяться специальные составы о мошенничестве: по ним приговоров стало на 20% больше. Ответственность таких приговорённых значительно смягчается: если за обычное мошенничество в колонии отправляются 30% осуждённых, то по этим статьям меньше 5%, показали итоги года. Из всех осуждённых за мошенничество только четверть обвинялись по специальным составам (ст. 159.1–159.6 УК) — 6,59 тыс. из 24,5 тыс. человек. Почти по-

ловина из них обвинялись в мошенничестве в сфере кредитования, а еще 40% — при получении выплат. На остальные четыре специальные статьи приходится всего 11% осуждённых [3].

На наш взгляд, сейчас важным является правильное понимание объективных и субъективных признаков вновь появившихся специальных видов мошенничества. Однако отсутствие официальных разъяснений высшей судебной инстанции порождает противоречивое понимание этих признаков как в теории, так и на практике. В качестве примера проанализируем признаки специального состава мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ).

Непосредственным объектом мошенничества в сфере кредитования выступают общественные отношения, связанные с охраной права собственности банка или иной кредитной организации [4]. Определение понятия банка закреплено в ст. 1 Федерального закона РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Под ним понимается кредитная организация, имеющая исключительное право осуществления в совокупности банковских операций: привлечения во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещения указанных средств от своего имени и за свой счёт на условиях возвратности, платности, срочности; открытия и ведения банковских счетов физических и юридических лиц. Но кто же является «иным кредитором»? Пунктом 1 статьи 819 ГК РФ установлено, что кредитором по кредитному договору может выступать банк или иная кредитная организация [5]. Отсюда понятие «иной кредитор» и «иная кредитная организация» в рамках уголовно-правовой охраны тождественны. Определение кредитной организации закреплено в статье 1 вышеуказанного Федерального закона РФ «О банках и банковской деятельности» и рассматривается как юридическое лицо, основной целью деятельности которого является извлечение прибыли, и которое имеет право на осуществление банковских операций на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка РФ (Банка России).

Из буквального толкования диспозиции, предметом данного преступления будут являться денежные средства, предоставленные заёмщику в рамках кредитного договора, банком или иной кредитной организацией в рос-

сийской или иностранной валюте как в наличной, так и в безналичной формах, определённые родовыми признаками [6]. Отсюда вытекает вывод о том, что вне правовой охраны ст. 159.1 УК РФ остаются хищения, связанные с заключением товарного кредитного договора. Следовательно, мошенничество при заключении товарного кредитного договора требует квалификации по общей норме ст. 159 УК РФ. Однако в данном случае нарушается принцип справедливости, так как при аналогичных деяниях лица несут ответственность по более строгой норме, предусмотренной в ст. 159 УК РФ [7]. Необходимо заметить, что это не первое нарушение принципа справедливости в специальных нормах о мошенничестве. Так, Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» признало положения статьи 159.4 УК РФ не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3). В связи с этим 12 июня 2015 г. ст. 159.4 УК РФ окончательно утратила юридическую силу.

Объективная сторона статьи 159.1 УК РФ характеризуется хищением денежных средств путём представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Под ложными сведениями понимаются полностью не соответствующие действительности, надуманные сведения. Недостоверные сведения — это неточная, неполная, искажённая частично или в целом информация. Представляется, что объективная сторона статьи 159.1 УК РФ будет выражена в активном обмане (в действиях). Так, само предоставление вышеуказанных сведений, будет являться действием лица, направленным на введение в заблуждение банка или иного кредитора. Законодатель не указал в диспозиции данной статьи, что хищение путём несообщения, сокрытия обстоятельств, сообщение о которых обязательно, образуют данное преступление. Отсюда представляется, что умолчание о фактах имеющих значение при заключении кредитного договора, но не истребованных и не запрошенных банком или иным кредитором, не образует деяние, предусмотренное ст. 159.1 УК РФ. Следовательно, пассивный (молчаливый) обман в мошенничестве в сфере кредитования не возможен. Отсюда, если у лица при получении кредита возник умысел его не вернуть, однако им предоставляются достоверные сведения для получения кредита, то его деяние должно квалифицироваться по общему составу мошенничества.

Литература:

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=53700-6&02> (дата обращения: 12.09.2015).
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 год // № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2013 г». //

Субъектом уголовной ответственности за мошенничество в сфере кредитования является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет и обладающее специальным правовым статусом заёмщика. Налицо специальный субъект преступления, определение понятия которого в отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в судебной практике вызывает соответствующие затруднения. В ст. 807 ГК РФ понимается под заёмщиком сторона, являющаяся контрагентом кредитора, принимающая определённую сумму денег (сумму займа) или иные вещи, определённые родовыми признаками, и обязующая возвратить данные денежные средства или равное количество других вещей того же рода и качества. Однако для уголовно-правовой охраны имеет значение именно сфера кредитования, следовательно, при определении признаков заёмщика следует исходить из пункта 1 статьи 819 ГК РФ. В нем указано, что контрагент банка или иной кредитной организации по кредитному договору обязуется возвратить полученную от кредитора сумму денежных средств (кредит) и уплатить проценты за неё. Причём в отличие от реального договора займа, договор кредита сконструирован как консенсуальный. Отсюда статус заёмщика лицо может приобрести только при согласовании всех существенных условий кредитного договора с банком или иной кредитной организацией и обличении данного договора в установленную законом письменную форму. Следуя буквальному толкованию ст. 159.1 УК РФ, лицо, обратившееся в банк с целью заключения кредитного договора и предоставившее заведомо ложные сведения, но не заключившее договор в связи с выявлением сотрудниками банка обмана, не будет являться субъектом покушения на мошенничество в сфере кредитования, так как не приобрело статус специального субъекта. По нашему мнению, заёмщиком все-таки является не только лицо, непосредственно вступившее в относительное правоотношение с банком и иной кредитной организацией посредством заключения кредитного договора, но и лицо намеревающееся приобрести гражданско-правовой статус заёмщика в преступных целях хищения и, осуществляющее необходимые действия (бездействие) для приобретения данного статуса.

Считаем, что для устранения появившихся противоречий в понимании признаков мошенничества необходимо принять новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о мошенничестве, присвоении и растрате.

Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2013/f_10-a-osugd_po_vsem_sostavam_prestupleniy_UK_RF_za_2013.xls (дата обращения: 16.09.2015).

3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 год // № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2014 г». // Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f__N__10-a_2014.xls (дата обращения: 16.09.2015).
4. Третьяк, М. И. Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве: курс лекций. М., 2014. с. 117.
5. Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) от 26.01.1996 № 14-ФЗ — Часть 2 // Справочно-правовая система «Гарант».
6. Иванов, С. А., Третьяк М. И. Теоретические основы квалификации преступлений: Курс лекций. Ставрополь, 2006. с. 98–104.
7. Савин, С. В., Рузин С. Е. Проблемы применения специальных составов мошенничества при квалификации преступных деяний // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. № 1 (38). С.197–198.

Обязанности заказчика по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ

Галкин Алексей Юрьевич, старший преподаватель
Ростовский институт защиты предпринимателя

В настоящее время «вопросы, связанные с научно-исследовательской и инновационной деятельностью являются весьма актуальными, что обусловлено стремлением нашего государства выйти на инновационный путь развития» [1, с. 13] экономики.

В этой связи, «актуализируется роль договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» [2, с. 236–237] (далее — договоры на выполнение НИОК и ТР).

Данные «договоры выступают одним из основных «инструментов» по оформлению гражданских правоотношений, направленных на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» [3, с. 8].

Настоящая статья посвящена обязанностям заказчика по договорам на выполнение НИОК и ТР.

Прежде чем перейти к рассмотрению обязанностей заказчика по указанным договорам, следует отметить, что данные договоры являются «взаимными, т.е. двусторонне обязывающими договорами, т.к. и у исполнителя, и у заказчика возникают по отношению друг к другу взаимные обязательства» [4, с. 54].

Основные обязанности заказчика по рассматриваемым договорам закреплены в ст. 774 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (далее — ГК РФ) [5].

Согласно указанной статье, заказчик в договорах на выполнение НИОК и ТР обязан:

- передавать исполнителю необходимую для выполнения работы информацию;
- принять результаты выполненных работ и оплатить их.

Договором может быть также предусмотрена обязанность заказчика выдать исполнителю техническое задание и согласовать с ним программу (технико-экономические параметры) или тематику работ.

Рассмотрим каждую из этих обязанностей.

Абзац 2 п. 1 ст. 774 ГК РФ предусматривает обязанность заказчика передавать исполнителю необходимую для выполнения работы информацию.

А. П. Сергеев, комментируя указанную норму, отмечает, что «речь в данном случае идет в первую очередь о той исходной информации, которой заказчик должен снабдить исполнителя перед началом работ. Но и тогда, когда работы уже начались, по смыслу закона заказчик должен сообщать исполнителю любую информацию, которая стала ему известной и которая может повлиять на результат работ» [6, с. 427].

Абзац 3 п. 1 ст. 774 ГК РФ предусматривает обязанность заказчика принять результаты выполненных работ и оплатить их.

Данная норма практически повторяет норму п. 1 ст. 769 ГК РФ, где определяется понятие договоров на выполнение НИОК и ТР. Согласно данному пункту, по договору на выполнение НИР исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования, а по договору на выполнение ОКР и ТР — разработать образец нового изделия, конструкторскую документацию на него или новую технологию, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее.

Вместе с тем, нормы п. 1 ст. 769 ГК РФ уточняются абз. 3 п. 1 ст. 774 ГК РФ — «в первом случае речь идет о работе, а во втором — о результатах работ» [7, с. 53].

«Сдача-приемка работ по договору представляет собой процедуру сдачи исполнителем заказчику и принятия последним результатов выполненных по договору работ. Данная процедура завершается документальным оформлением — подписанием сторонами договора двустороннего акта сдачи-приемки работ (результатов работ) по договору» [8, с. 21].

Данный «акт является основанием для оплаты выполненной работы по договору» [9, с. 830].

«Порядок расчетов избирается самими сторонами и может предусматривать единовременную оплату работ в установленный срок со дня подписания акта сдачи-приемки, оплату отдельных этапов работ, выплату аванса и т. д.» [10, с. 424].

Порядок, сроки и форма оплаты работ предусматриваются в договоре [11, с. 829–830].

В соответствии со п. 2 ст. 774 ГК РФ, договором может быть предусмотрена обязанность заказчика выдать исполнителю техническое задание и согласовать с ним программу (техничко-экономические параметры) или тематику работ.

Исходя из этого, В. А. Рассудовский отмечает, что «по общему правилу техническое задание разрабатывает исполнитель и согласовывает его с заказчиком. В то же время п. 2 комментируемой статьи допускает случаи, когда выдача технического задания и согласование его вместе с программой или тематикой работ составляет обязанность заказчика» [12, с. 460].

«Техническое задание, программа и тематика работ обычно согласовываются до заключения договора либо одновременно с его подписанием» [13, с. 413].

На практике, техническое задание оформляется приложением к рассматриваемым договорам [14, с. 1071] и «в тексте договора указывается, что техническое является неотъемлемой частью договора» [15, с. 113].

Возвращаясь к обязанностям по оплате, важно отметить, что у заказчика также могут возникнуть таковые и в случае обнаружения невозможности достижения результатов НИР и невозможности или нецелесообразности продолжения ОКР и ТР.

Так, согласно ст. 775 ГК РФ, если в ходе НИР обнаруживается невозможность достижения результатов вследствие обстоятельств, не зависящих от исполнителя, заказчик обязан оплатить стоимость работ, проведенных до выявления невозможности получить предусмотренные договором на выполнение НИР результаты, но не свыше соответствующей части цены работ, указанной в договоре.

В соответствии со ст. 776 ГК РФ, если в ходе выполнения ОКР и ТР обнаруживается возникшая не по вине

исполнителя невозможность или нецелесообразность продолжения работ, заказчик обязан оплатить понесенные исполнителем затраты.

Здесь необходимо отметить, еще один важный момент, который может повлиять на рассматриваемые обстоятельства и последствия. Так, согласно ст. 773 ГК РФ, исполнитель в договорах на выполнение НИОК и ТР обязан незамедлительно информировать заказчика об обнаруженной невозможности получить ожидаемые результаты или о нецелесообразности продолжения работы.

Таким образом, обязанность заказчика по оплате может возникнуть при наличии следующих обстоятельств:

1) для договоров на выполнение НИР — невозможность достижения результатов НИР; для договоров на выполнение ОКР и ТР — невозможность или нецелесообразность продолжения ОКР и ТР;

2) отсутствие вины исполнителя;

3) незамедлительное информирование исполнителем заказчика об обнаруженной невозможности получить ожидаемые результаты или о нецелесообразности продолжения работы.

При данных обстоятельствах, по договорам на выполнение НИР, заказчик обязан оплатить стоимость работ, проведенных до выявления невозможности получить предусмотренные договором на выполнение НИР результаты, но не свыше соответствующей части цены работ, указанной в договоре, а по договорам на выполнение ОКР и ТР, заказчик обязан оплатить понесенные исполнителем затраты [16, с. 342].

Наряду с обязанностями заказчика по договорам на выполнение НИОК и ТР, закрепленными в ст. 774 ГК РФ, у него имеются и другие обязанности. Так, в соответствии со ст. 771 ГК РФ, как на заказчика, так и на исполнителя, возлагается обязанность по обеспечению конфиденциальности сведений, касающихся предмета договора, хода его исполнения и полученных результатов. Объем сведений, признаваемых конфиденциальными, определяется в договоре. Каждая из сторон обязуется публиковать полученные при выполнении работы сведения, признанные конфиденциальными, только с согласия другой стороны.

Однако, указанные нормы ст. 771 ГК РФ, являются диспозитивными. Закрепленная в них обязанность, будет иметь место, если иное не предусмотрено договором. Таким образом, «сторонам договора предоставляется право отказаться от обязательств по конфиденциальности, указав это в договоре» [17, с. 72].

Литература:

1. Галкин, А. Ю. Права и обязанности сторон по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 11 (54). с. 13–15.
2. Галкин, А. Ю. Особенности предмета договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Креативность образовательной и предпринимательской деятель-

- ности / Материалы международного форума «Проблемы улучшения восприимчивости экономикой инновационных преобразований» г. Ростов-на-Дону 23–27 апреля 2012 г. / Под ред. Паршина А. В., Харченко В. Н., Голуб Л. В. — Ростов н/Д.: Изд-во АкадемЛит, 2012. с. 236–242.
3. Галкин, А. Ю. Элементы договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 10 (53). с. 8–9.
  4. Галкин, А. Ю. Понятия и правовая природа договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2014. № 3 (82). с. 53–55.
  5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
  6. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 2. — 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 848 с.
  7. Галкин, А. Ю. Предмет договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. № 2 (13). 2012. с. 52–55.
  8. Галкин, А. Ю. Порядок сдачи-приемки работ по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2015. № 2 (19). с. 21–25.
  9. Галкин, А. Ю. Цена как элемент договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 9 (89). с. 828–830.
  10. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 2. — 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 848 с.
  11. Галкин, А. Ю. Цена как элемент договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 9 (89). с. 828–830.
  12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / Под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. — М.: Юрайт-Издат, 2005. — 1045 с.
  13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный). Изд. 5-е, испр. и доп. С использованием судебно-арбитражной практики / Рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук, профессор О. Н. Садилов. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2006. — 987 с.
  14. Галкин, А. Ю. Форма договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). с. 1069–1072.
  15. Галкин, А. Ю. Техническое задание в договорах на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Актуальные проблемы права: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). — М.: Буки-Веди, 2015. с. 111–113.
  16. Галкин, А. Ю. Последствия невозможности достижения результатов научно-исследовательских работ и последствия невозможности продолжения опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 14 (94). с. 340–342.
  17. Галкин, А. Ю. Условия о конфиденциальности сведений по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции 30 сентября 2015 г.: в 10 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. — Белгород: ИП Ткачева Е. П., 2015. № 6, часть VII. с. 71–73.

Превентивная роль правовых норм о прикосновенности к преступлению в истории уголовного права России

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет

Изучение прошлого необходимо для понимания настоящего и прояснения будущего. Известно, что прошлое толкует пас. Оно же является твердым основанием

для предвидения грядущих действий и событий. В этом аспекте одним из необходимых методов научного исследования является исторический подход. Историко-правовой

анализ есть способ понимания действующих юридических норм и институтов, а также проектирования законодательных положений, усовершенствования правового материала.

Прикосновенность к преступлению как общественно-опасное поведение находит свое отражение в положениях отечественного законодательства на протяжении чуть ли не всей истории его развития.

Исторический анализ позволяет сделать ряд выводов, в необходимых случаях подкрепляя их дополнительной аргументацией.

Прикосновенность к преступлению имеет давнюю и богатую историю. Компоненты этого института видны в древнем, средневековом праве и в отечественном законодательстве советского периода.

В истории уголовного права России прикосновенность идет «рука об руку» с институтом соучастия, часто поглощаясь последним. Здесь мы оказываемся в области конкурирующих моделей уголовной политики. Нормы о прикосновенности выступают в виде своеобразного «буфера» между репрессивным и либеральным подходами российского государства к противодействию преступности. Если в уголовной политике приоритет отдается репрессии, то в законодательной и правоприменительной практике расширяются основания и усиливается ответственность за прикосновенность, вплоть до трансформации отдельных ее видов в соучастие в преступлении, что влечет за собой равную наказуемость соучастников и прикосновенных лиц. Такой подход в истории уголовного права объяснялся тем, что применение суровых наказаний как к преступникам, так и к лицам, способствующим им или иначе связанным с совершением ими преступлений, признавалось наиболее эффективным способом предупреждения преступности.

Напротив, при либеральной политике отдельные виды прикосновенности декриминализируются, и проводится линия на четкое отграничение прикосновенности от соучастия в преступлении.

Прикосновенность к преступлению нельзя считать полярной по своей юридической природе институту соучастия в преступлении. Это смежные, тесно примыкающие друг к другу, и, как свидетельствует история уголовного права России, нередко взаимопроникающие юридические конструкции. Вместе с тем, прикосновенность и соучастие в преступлении следует различать по ряду оснований.

Так, основанием криминализации соучастия в преступлении является необходимость установления и усиления ответственности за совместное нарушение уголовно-правового запрета несколькими лицами, в том числе выполняющими разную роль. Институт соучастия расширяет, прежде всего, основания уголовной ответственности в целях обеспечения более надежной правовой охраны социально-значимых интересов и ценностей.

Правовые нормы о прикосновенности исторически возникают как средство предупреждения определенных категорий преступных посягательств. Предупреди-

тельное значение данных норм в системе уголовно-правовых предписаний обусловлено тем, что деяния прикосновенных лиц создают условия для совершения и (или) продолжения другими лицами тех или иных форм преступного поведения. По этой причине установление самостоятельной ответственности за прикосновенность к соответствующему криминальному поведению способствует его предупреждению, ибо нейтрализует условия для его осуществления, которые создаются деятельностью прикосновенных лиц.

Помимо оснований криминализации соучастие и прикосновенность различаются по кругу преступных деяний, в отношении которых устанавливается их наказуемость. Поскольку основанием криминализации соучастия выступает необходимость усиления уголовной ответственности за совместное совершение преступления, соучастие возможно в отношении любого преступного посягательства, описанного в Особенной части уголовного закона. Прикосновенность к преступлению, напротив, возможна при совершении не любых, а только определенных категорий преступных посягательств. Это обстоятельство обусловлено необходимостью первоочередного решения задачи предупреждения наиболее опасных и (или) распространенных в данный исторический период преступлений.

Соучастие как совместная преступная деятельность нескольких лиц предполагает наличие заранее данного обещания соучастников помочь исполнителю преступления в его совершении. Наличие такой предварительной договоренности порождает особую субъективную связь соучастников, укрепляющую намерение исполнителя совершить преступное посягательство. Прикосновенность к преступлению, связанная с сокрытием совершенного преступления от правосудия либо с не оказанием противодействия его совершению, напротив, не может быть заранее обещанной исполнителю основного преступления; противное трансформирует ее в соучастие.

Наличие при соучастии заранее данного исполнителю обещания помочь в совершении преступления порождает причинную связь между данным обещанием и нарушением уголовно-правового запрета. Прикосновенность к преступлению, не оказывающая никакого влияния на сознание и волю исполнителя основного преступления, не может служить причиной преступного результата.

Признак наличия или отсутствия причинной связи традиционно рассматривается в теории уголовного права в качестве основного критерия разграничения рассматриваемых смежных явлений.

Институт соучастия находит отражение в нормативных предписаниях как Общей, так и Особенной части уголовного закона. В Общей части УК определены принципы и условия ответственности за совершение преступления в соучастии, а также названы формы соучастия. В нормах Особенной части УК повышенная общественная опасность организованной преступной деятельности выражается двумя способами. Во-первых, организованные формы преступной деятельности в ряде случаев названы

в качестве самостоятельных преступных деяний (ст.ст. 208–210, 212, 239, 279). Во-вторых, совершение преступления в составе группы лиц является квалифицирующим признаком значительного числа преступлений, предусмотренных Особой частью УК [1].

Ответственность за прикосновенность к преступлению устанавливается в нормах уголовного закона иначе. В Общей части УК нормы о прикосновенности могут не содержаться вообще (Уголовное Уложение 1903 г., УК РФ 1996 г.). В положениях Особой части прикосновенность рассматривается в качестве самостоятельных составов преступных посягательств. Примеров формулирования нормативных предписаний об ответственности за прикосновенность в качестве квалифицирующего обстоятельства совершения преступлений действующее уголовное законодательство не знает. Данный способ законодательного закрепления норм об ответственности за прикосновенность в системе уголовного закона избран

неслучайно и основывается на различиях в юридической природе соучастия и прикосновенности.

В заключение следует отметить, что проблема прикосновенности — это не дискуссия о прошлом уголовного права России. Это предмет как исторической, так и современной уголовно-правовой мысли.

Социальная потребность в воссоздании системы предупреждения преступлений и иных правонарушений, эффективном противодействии посягательствам террористической, коррупционной, организованной направленности, иным опасным или распространенным преступлениям посредством формулирования нормативных предписаний уголовного закона, а также научная потребность в дальнейшем развитии юридической категории «прикосновенность к преступлению» как одного из правовых средств предупреждения преступности и смежных с ней социально негативных явлений, определили актуальность, научное и прикладное значение темы.

Литература:

1. Водько, Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. — М.: Юриспруденция, 2010. — с. 28.

Анализ объективных и субъективных признаков прикосновенности к преступлению

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет

Рассмотрение объективных признаков уголовно-противоправной прикосновенности к преступлению целесообразно начать с определения объекта посягательства. Решение вопроса об объекте прикосновенности зависит от того, какой взгляд на юридическую природу анализируемого социально-правового явления представляется наиболее предпочтительным. В отечественной литературе сложились три подхода к определению понятия объекта преступной прикосновенности [1].

Признание прикосновенности разновидностью соучастия в преступлении позволяет утверждать, что ее объект совпадает с объектом основного преступления. Данный подход представляется спорным. Деяние прикосновенного лица не посягает на объект основного преступления, так как не находится с ним в причинной связи. К примеру, заранее не обещанное укрывательство убийства не посягает на жизнь другого человека, так как имеет место уже после его совершения.

Согласно другому подходу прикосновенность есть самостоятельное преступное посягательство, наказуемое в пределах положений Особой части УК. При этом среди ученых, придерживающихся данной позиции, нет

единства мнений по вопросу о том, каким именно правоохраняемым объектам причиняют вред деяния прикосновенных лиц. Угроза совершения другими лицами новых преступлений является основанием криминализации прикосновенности к преступлению. С учетом этого объектом прикосновенности являются основы общественной безопасности или общественную безопасность (в зависимости от прикосновенности к какой группе преступлений идет речь). Однако это суждение представляется спорным.

Создавая норму об укрывательстве, законодатель преследовал цель защитить не общественную безопасность как таковую, а то, что способствует предотвращению оставления преступника в опасном для общества состоянии. Кроме того, само по себе создание угрозы нарушения уголовно-правового запрета не может рассматриваться как посягательство на интересы общественной безопасности. В противном случае следовало бы признать, что на интересы общественной безопасности посягают и так называемые «усеченные» составы преступлений, предусматривающие ответственность за создание угрозы причинения вреда правоохраняемым интересам (к примеру, состав разбоя), что не соответствует действительности.

Некоторые представители рассматриваемого подхода считают, что прикосновенность направлена против интересов правосудия, поскольку деяния прикосновенных лиц препятствуют привлечению преступников к ответственности. Отчасти эта позиция верна. Прикосновенность к преступлению действительно в той или иной степени способствует сокрытию преступления и (или) преступника от правосудия. Вместе с тем, причинение ущерба интересам правосудия не является необходимым признаком всех видов прикосновенности к преступлению. Кроме того, такой подход не стыкуется и с действующим уголовным законодательством, ибо в случае признания объектом прикосновенности интересов правосудия нормативные положения обо всех ее разновидностях были бы помещены законодателем в главу 31 «Преступления против правосудия» УК. Однако этого законодатель не сделал. Следовательно, в соответствии с УК РФ интересы правосудия могут признаваться объектом только отдельных видов прикосновенности, а не рассматриваемого деяния в целом [2].

В соответствии с третьим подходом, прикосновенность к преступлению имеет двойственный характер. С одной стороны, она строго отграничивается от соучастия, а с другой — признается «производным» противоправным посягательством, связанным с основным преступлением, совершенным другими лицами. В этой связи считается, что прикосновенность имеет многообъектный характер. С одной стороны, она выступает как посягательство на объект основного преступления, а с другой — представляет собой противодействие работе органов правосудия. Однако, как уже подчеркивалось ранее, причинение ущерба объекту основного преступления является результатом действия его исполнителя, а интересы правосудия — объект не всех видов прикосновенности. Поэтому было бы неверно утверждать, что прикосновенное лицо всякий раз одновременно посягает как на объект основного преступления, так и на интересы правосудия.

На наш взгляд, вопрос об объекте уголовно-наказуемой прикосновенности необходимо решать с учетом функциональной (целевой) направленности норм об ответственности за анализируемое негативное поведение. Как уже отмечалось выше, основная цель данных правовых норм состоит в предупреждении совершения преступных посягательств другими лицами. Состыковывая проблему предупреждения преступлений вообще с положением о родовом объекте прикосновенности, заметим, что в настоящее время предупреждение преступлений является функцией публичной власти.

Таким образом, в настоящее время предупреждение преступлений является одной из функций публичной власти, реализация которой обеспечивается деятельностью соответствующих государственных и муниципальных органов власти. Следовательно, противоправное поведение, препятствующее решению задачи предупреждения преступлений, посягает на установленный порядок функционирования органов власти. С учетом сказанного

более правильным является определение родового объекта прикосновенности как интересов государственной власти. Названные интересы являются предметом уголовно-правовой охраны нормативных положений, предусмотренных разделом X «Преступления против государственной власти» УК РФ. В этой связи представляется обоснованным и целесообразным поместить в названный раздел УК нормативные предписания об ответственности за преступную прикосновенность [3].

Видовым объектом прикосновенности в зависимости от конкретных ее разновидностей могут признаваться интересы службы в органах государственной власти, военной службы, а также интересы правосудия.

Вопрос о непосредственном объекте уголовно-противоправной прикосновенности решается применительно к отдельным ее разновидностям. Вместе с тем, в данном аспекте нельзя не отметить, что прикосновенность к преступлению представляет собой многообъектное преступное посягательство. В теории уголовного права многообъектными преступлениями называют такие деяния, которые характеризуются наличием наряду с основным непосредственным объектом посягательства также дополнительного и (или) факультативного непосредственного объекта. Дополнительный объект — это конкретное общественное отношение, причинение вреда или угроза причинения вреда которому является обязательным условием уголовной ответственности. Под факультативным объектом понимается конкретное общественное отношение, которому может быть причинен вред в результате совершения преступления [4].

Деяния прикосновенных лиц, причиняющие ущерб нормальной деятельности органов государственной власти в части решения задачи предупреждения преступлений, одновременно создают условия для подготовки и совершения либо сокрытия преступных посягательств других лиц. Поэтому помимо причинения ущерба интересам государственной власти деяния прикосновенных могут причинять ущерб общественным отношениям, связанным с обеспечением общественной безопасности. Следовательно, дополнительным объектом прикосновенности выступают интересы общественной безопасности в части защиты личности, общества и государства от криминальных угроз. Кроме того, некоторые виды прикосновенности, связанные с противоправным, оборотом имущественных ценностей, представляют угрозу для сложившейся системы экономических отношений, в связи с чем дополнительным объектом таких видов прикосновенности выступают общественные отношения, связанные с осуществлением легальной предпринимательской и иной экономической деятельности.

Предмет преступления является факультативным признаком состава преступной прикосновенности. В качестве ее предмета в отдельных случаях могут выступать средства и орудия совершения преступления, следы преступления, денежные средства или имущество, приобретенные преступным путем и др.

Определение родового понятия прикосновенности предполагает рассмотрение признаков, характеризующих ее объективную сторону. Прикосновенность к преступлению с объективной стороны состоит в сокрытии от правосудия преступления и совершившего его лица либо в непредотвращении преступного деяния, совершаемого или совершенного другими лицами. Следовательно, прикосновенность может быть осуществлена как путем действия, так и путем бездействия. При этом во всех случаях совершения прикосновенности путем бездействия необходимо выяснять два момента. Во-первых, обязано ли было лицо действовать определенным образом и, во-вторых, могло ли оно, находясь в той или иной конкретной обстановке, реально выполнить возложенные на него обязанности. По отношению ко времени совершения основного преступления прикосновенность может иметь место на всех стадиях преступной деятельности до момента окончания основного преступления, а также после его совершения. С учетом конструкции состава преступления прикосновенность независимо от ее видов традиционно рассматривается в качестве преступного деяния с формальным составом. Анализируемое деяние признается оконченным в момент совершения виновным прикосновенного действия или бездействия независимо от момента наступления вреда общественным отношениям.

Исследование родового понятия прикосновенности к преступлению едва ли возможно без раскрытия ее субъективных признаков. Субъективная сторона преступления представляет собой отражение в сознании субъекта объективных признаков совершаемого деяния и характеризует отношение субъекта к ним. Полагаем, что прикосновенность может характеризоваться только прямым умыслом. Как известно, прямой умысел отличается от косвенного, прежде всего, содержанием волевого отношения лица к последствиям своего деяния. При косвенном умысле виновное лицо не желает, но сознательно допускает наступление общественно опасных последствий или относится к ним безразлично. Это означает, что косвенный умысел может иметь место только при совер-

шении преступлений с материальным составом, где последствия выступают в качестве обязательного признака объективной стороны. Сторонники косвенного умысла при прикосновенности пытаются распространить психическое отношение прикосновенного лица не только на само деяние, но и на те вредные последствия, которые могут наступить в результате его совершения. Однако общественно опасные последствия лежат за пределами состава прикосновенности. Поскольку состав прикосновенности не включает последствия совершенного деяния, содержание умысла виновного исчерпывается его желанием оказать лицу, совершившему основное преступление, содействие в сокрытии от правосудия, либо не противодействовать совершению основного посягательства.

Субъектом прикосновенности является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста и совершившее деяние, создающее условия для совершения преступления другими лицами. Подробнее юридическая характеристика лиц, прикосновенных к преступлению, будет изложена при рассмотрении отдельных разновидностей рассматриваемого противоправного деяния.

Резюмируя изложенное попытаемся дать определение родовому понятию прикосновенности к преступлению. На наш взгляд, в родовом понятии прикосновенности к преступлению должны быть указаны сущностные признаки, позволяющие, с одной стороны, относить к ней те или иные социально негативные деяния, а с другой — ограничивать прикосновенность от соучастия в преступлении и иных смежных форм поведения. Отсюда, родовое понятие прикосновенности к преступлению целесообразно определить так: прикосновенность к преступлению в уголовном праве России — это умышленные общественно опасные деяния (действие или бездействие) не принимавших участия в совершении основного преступления лиц, которые посягают на интересы государственной власти и связаны с сокрытием основного преступления от правосудия либо с непринятием мер по его предупреждению.

Литература:

1. Михаль, О. А. Соотношение прикосновенности к преступлению с классификацией преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 3. — с. 20.
2. Власов, Ю. А. Прикосновенность к преступлению: соотношение с классификацией преступлений. — Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-т, 2012. — с. 102.
3. Свинаярева, Е. А. Прикосновенность к преступлению // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2. — с. 137.
4. Леванова, М. Р. Прикосновенность к преступлению: сравнительно-правовой аспект. — Иваново: Изд-во Ивановского государственного ун-та, 2015. — с. 47.

Момент вступления защитника в уголовное дело

Долгополов Роман Геннадьевич, магистрант;

Мельников Игорь Сергеевич, магистрант

Южный федеральный университет

Данная статья посвящена вопросам законодательной регламентации моментов, с которых защитник имеет возможность вступить в уголовное дело. В рамках статьи анализируются отдельные моменты, с наступлением которых законодатель связывает возникновение права лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления воспользоваться квалифицированной помощью адвоката-защитника.

Ключевые слова: Уголовный процесс, досудебное производство, защитник, участие защитника в уголовном процессе.

Исследование проблем участия защитника на досудебных стадиях уголовного судопроизводства необходимо начать, прежде всего, с рассмотрения вопросов, касающихся момента, с которого в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством защитник имеет право участвовать в уголовном деле, так как именно с моментом вступления защитника в уголовное дело законодательство связывает возникновение прав и обязанностей защитника, закрепленных в УПК РФ. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи возникает у конкретного лица с того момента, когда уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются его свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения. Таким образом, моменты, с которых защитник может вступить в уголовное дело связаны с процессуальными действиями властных органов, направленными на реальное ограничение прав конкретного лица.

Определение момента, с которого защитник обладает правом участвовать в уголовном деле, имеет важное практическое значение. Это обусловлено тем, что именно с момента начала своего участия в деле защитник приобретает весь комплекс прав, предусмотренных УПК РФ, но не ограниченных перечисленными в ч. 1 ст. 53 УПК РФ, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи.

Исходя из общего правила, которое содержится в ч.3 Ст. 49 УПК РФ, защитник участвует в уголовном деле с одного из следующих моментов:

1) вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2–5 настоящей части;

2) возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;

3) фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях:

а) предусмотренных статьями 91 и 92 настоящего Кодекса;

б) применения к нему в соответствии со статьей 100 настоящего Кодекса меры пресечения в виде заключения под стражу;

3.1) вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 настоящего Кодекса;

4) объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;

5) начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления;

6) начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса.

Исходя из буквального смысла положений, отраженных в нормах Конституции РФ, а именно в статьях 2, 45 и 48 право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса. Таким образом, возникновение права на защиту нельзя ставить в зависимость от того будет ли лицо признано задержанным или подозреваемым. В соответствии с позицией Конституционного суда РФ право на защиту предоставляется и в случаях, когда органами, осуществляющими проверку сообщения о преступлении в порядке, установленном УПК РФ или же органами, непосредственно осуществляющими уголовное преследование, в отношении этого лица будут приняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность.

Следует отметить, что норма уголовно-процессуального законодательства, определяющая моменты вступления защитника в уголовное дело, претерпела множество изменений, в результате чего был значительно расширен перечень тех моментов, с которых защитник имеет право вступить в уголовное дело. Уголовно-про-

цессуальный Кодекс РСФСР 1960 г. содержал норму, согласно которой защитник участвовал в уголовном деле с момента предъявления обвинения или с момента объявления ему протокола задержания или постановления о применении меры пресечения. При этом ранее согласно УПК защитник именно “допускался” к уголовному делу, что подчеркивало возможность реализации права на защиту только лишь по решению должностного лица, разрешающего защитнику участвовать в деле. С принятием нового УПК перечень тех моментов, с которых защитник получал право вступить в уголовное дело, был расширен и в последствии дополнялся. В 2007 году на основании Федерального закона от 06.06.2007 N 90-ФЗ данный перечень был дополнен пунктом 3.1, а в 2013 году на основании Федерального закона от 04.03.2013 N 23-ФЗ пунктом 6. Исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что на сегодняшний день законодатель придерживается курса, направленного на возможность максимально раннего вступления защитника в уголовное дело, важность чего признается большинством современных процессуалистов.

Проанализировав исчерпывающий перечень, содержащийся в ч.3 ст. 49 можно прийти к выводу о том, что право на получение квалифицированной юридической помощи лицо приобретает в тот момент, когда ограничение его прав становится реальным. То есть в тот момент, когда в отношении лица органами государственной власти осуществляются конкретные действия, направленные на ограничение его прав.

Итак, первым юридическим фактом, с которым УПК РФ связывает возможность появления в уголовном деле защитника, является момент вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, то есть момент окончательного оформления соответствующего процессуального документа и приобщения его к материалам уголовного дела. Принципиальное значение имеет тот факт, что защитник участвует в уголовном деле именно с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, а не с момента фактического предъявления обвинения. На практике между двумя этими юридическими фактами может существовать достаточно значительная разница во времени. Если защитник участвует в уголовном деле с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, то в таком случае должностным лицом, осуществляющим уголовное преследование, в обязательном порядке должны быть приняты меры по своевременному уведомлению защитника о дне, месте и времени предъявления обвинения. Соблюдение положения о своевременном уведомлении защитника о дне, месте и времени предъявления обвинения, в первую очередь, необходимо для того, чтобы защитник имел возможность заблаговременно встретиться со своим подзащитным, с целью согласования позиции и выработки совместно с подзащитным определенной тактики защиты. Если защитник не будет надлежащим образом уведомлен о дне, месте и времени

предъявления обвинения своему подзащитному, адвокат не сможет присутствовать при проведении данного процессуального действия, что приведет к нарушению права обвиняемого на защиту. При этом в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством на должностном лице, осуществляющем уголовное преследование, лежит обязанность в соответствии с ч.2 ст. 172 УПК РФ разъяснить лицу, которому будет предъявлено обвинение его право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном статьей 50 УПК РФ.

В качестве второго юридического факта, с наступлением которого в уголовном деле может появиться такой участник уголовного судопроизводства как защитник, УПК РФ выделяет момент возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Согласно действующему законодательству дела публичного или частно-публичного обвинения возбуждаются следователем путем вынесения соответствующего постановления на основании достаточных сведений, указывающих на наличие события преступления. Дела же частного обвинения возбуждаются путем подачи заявления мировому судье самим потерпевшим, или же, в случае смерти потерпевшего, его близким родственником. В отношении дел частного обвинения моментом возбуждения уголовного дела, а соответственно и моментом, с которого защитник участвует в уголовном деле, является момент подачи заявления потерпевшим мировому судье, что порождает право на защиту лица, в отношении которого подается такое заявление. Говоря же о делах публичного обвинения, следует отметить, что моментом возбуждения уголовного дела будет являться момент подписания постановления о возбуждении уголовного дела соответствующим должностным лицом, а именно следователем или дознавателем, а не момент получения согласия прокурора. В первую очередь указание данных о конкретном лице в постановлении о возбуждении уголовного дела будет являться выражением позиции органов государственной власти в отношении конкретного лица, а как следствие это процессуальное действие повлечет и возникновение права на защиту лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело.

Норма, предполагающая участие защитника с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, с учетом обязанностей следователя и дознавателя, установленных УПК РФ, подразумевает возможность реального обеспечения права на защиту лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело именно на данном этапе уголовного судопроизводства. В связи с чем, следует сделать вывод о том, что уже в уведомлении о возбуждении дела, которое в силу ч.4 ст. 146 в день возбуждения уголовного дела направляется подозреваемому, ему должно быть разъяснено право на приглашение или назначение защитника. Иное следует квалифицировать как нарушение права подозреваемого на защиту.

Третьим юридическим фактом, позволяющим адвокату участвовать в уголовном деле, является фактическое задержание лица, подозреваемого в совершение преступления. Однако следует отметить, что законодатель устанавливает возможность допуска защитника к уголовному делу лишь в случаях, прямо предусмотренных статьями 91 и 92 УПК РФ или случаях применения к задержанному лицу в соответствии со статьей 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу. Благодаря данным оговоркам, на практике момент, с которого защитник вступает в уголовное дело, может наступать позднее физического лишения свободы передвижения задержанного лица. В связи с чем, следует отличать фактическое задержание от процессуального. В юридической литературе справедливо отмечается, что «... между фактическим и юридическим задержанием может оставаться временной интервал, измеряемый часами, который в настоящее время представляет собой абсолютно «правовую пустоту». Зачастую этот интервал исчисляется днями и «... именно в этот период времени, как показывает практика, многие незаконно задержанные дают следствию самооговаривающие показания».

Так как права задержанному лицу разъясняются уже при доставлении в соответствующие органы, о праве пригласить защитника задержанное лицо узнает лишь при составлении протокола задержания, в котором делается отметка о том, что задержанному лицу были разъяснены его права. Таким образом, к фактической реализации своего права на защиту задержанное лицо может приступить лишь после составления такого процессуального документа как протокол задержания, то есть после процессуального задержания лица. Следует отметить, что протокол задержания должен быть составлен в срок не более 3 часов с момента доставления задержанного лица в орган дознания или к следователю. Как справедливо отмечает А. А. Васяев: "Лицо, в производстве которого находится уголовное дело, обязано в соответствии с требованиями УПК РФ, а именно в соответствии с ч.1 и ч.3 ст. 50 пригласить адвоката-защитника, которого выбрал подозреваемый (обвиняемый) или его близкие родственники после их уведомления о задержании подозреваемого в порядке ст. 96 УПК РФ". Не соблюдение данного правила повлечет нарушение прав задержанного лица, а следовательно, все доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, впоследствии могут быть признаны в качестве недопустимых.

Пункт 3.1, введенный в 2007 году на основании Федерального закона от 06.06.2007 N 90-ФЗ, закрепляет возможность участия защитника с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ. То есть при фактическом уведомлении лица, посредством составления и последующего вручения соответствующего процессуального документа, закрепляющего статус лица, вовлеченного в сферу уголовного расследования, как подозреваемого. Как отмечает Малышева О. А.: "Данная

новелла корреспондирует с тенденцией расширения процессуальных гарантий лица, вовлекаемого в уголовное судопроизводство при производстве дознания, что одновременно усиливает гарантии обеспечения законности при производстве дознания, а также повышения его качества". Однако, следует отметить, что законодателем должным образом не был урегулирован вопрос касательно участия адвоката-защитника непосредственно в момент вручения уведомления о подозрении в преступлении. Данные процессуальные действия дознавателя значительным образом затрагивают права лица, которому вручается соответствующее уведомление, в связи с чем, следует сделать вывод о необходимости присутствия защитника при вручении уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ.

Следующим юридическим фактом, с которым УПК РФ связывает возможность вступления в уголовное дело защитника, выделяется объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы. Пункт 4 ч.3 ст. 49 УПК РФ составляет особый интерес, в связи с тем, что он расходится с положениями, закрепленными в ст. 438 УПК РФ, согласно которой в производстве о применении принудительных мер медицинского характера участие защитника является обязательным с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле. Расходятся данные положения в том, что ст. 438 УПК РФ определяет более ранний момент участия защитника в уголовном деле, нежели тот, что содержится в п.4 ч.3 ст. 49 УПК РФ. Очевидно, что между вынесением постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы и фактическим объявлением лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы существует определенный промежуток времени. А. П. Рыжаков отметил, что "содержание ст. 438 УПК РФ вносит уточнение в перечень ч. 3 ст. 49 УПК РФ...". И с этим нельзя не согласиться. Исходя из самого факта назначения судебно-психиатрической экспертизы в отношении конкретного лица, можно сделать вывод о том, что лицо в силу своего психического состояния не способно самостоятельно реализовать свое право на защиту, что является основанием обязательного участия защитника в уголовном деле. И возможность вступления защитника в уголовное дело на более раннем этапе в данном случае представляется дополнительной гарантией права на защиту.

Пунктом пятой части третьей ст. 49 УПК РФ определяется, что защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления. В качестве таких мер и действий можно выделить применение мер пресечения, связанных с заключением под стражу, в порядке, предусмотренном

статьями 108, 109 УПК, до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК, на основании чего лицо становится подозреваемым в совершении определенного преступления (пункт 3 части первой статьи 46 УПК), т.е. участником уголовного судопроизводства, в отношении которого начато уголовное преследование. При этом моментом, с которым законодатель связывает возникновение права лица на получение квалифицированной юридической помощи, будет являться момент начала осуществления соответствующих процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица. Таким образом, в данной норме законодатель не закрепил четко зафиксированного момента, с которого защитник может участвовать в уголовном деле, определив лишь то, что меры процессуального принуждения и иные процессуальные действия должны затрагивать права и свободы именно подозреваемого.

Новеллой отечественного уголовно-процессуального законодательства является положение п.6 ч.3 ст. 49, введенного Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ, подразумевающего возможность иметь защитника на стадии возбуждения уголовного дела. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что в соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции и на основании п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления про-

цессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица. Основной особенностью данного положения можно назвать тот факт, что в УПК РФ в разделе, посвященном участникам уголовного судопроизводства, не содержится упоминаний о лицах, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении. В связи с этим становится затруднительно определить круг прав и обязанностей таких лиц. Еще одной особенностью является то, что проверка сообщения о преступлении может проводиться и не в отношении конкретного лица, в связи с чем, напрашивается вывод, что законодатель наделяет правом иметь защитника лишь лиц, которые бесспорно совершили преступления. Таким образом, п.6 ч.3 ст. 49 УПК РФ закрепил возможность появления защитника в уголовном судопроизводстве еще на стадии возбуждения уголовного дела. Отметим, что по ранее действующему законодательству наиболее ранним моментом, с которого защитник мог участвовать в уголовном деле был момент возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица.

Исходя из сказанного, следует сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство, посвященное регламентации момента вступления защитника в уголовное дело, несовершенно и нуждается в определенных изменениях с целью устранения существующих противоречий, создающих проблемы правильного применения рассматриваемой нормы в практической деятельности.

Литература:

1. Васяев, А. А. «Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: Монография // Волтерс Клувер, 2010
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Смирнова А. В. 2012
3. Малышева, О. А. О влиянии современных уголовно-процессуальных новелл на оперативность и качество производства дознания // Российский следователь, 2008, № 9
4. Мельников, В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. с. 366.
5. Рыжаков, А. П. С какого момента должно быть обеспечено участие защитника в уголовном судопроизводстве? // подготовлен для системы Консультант Плюс, 2013

К вопросу о введении налога на роскошь в Российской Федерации

Иванов Василий Михайлович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Конституция Российской Федерации провозглашает, что «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Однако, почему одни люди, живущие за чертой бедности, должны отчислять в бюджет столько же в процентном соотношении, сколько и другие, зарабатывающие миллиарды рублей ежегодно? На мой взгляд,

люди, относящиеся к категории богатых, могут взять на себя дополнительные обязательства по обеспечению социальной функции государства, поступая по справедливости, да и по совести. В ответ на это социальное государство просто обязано ввести обложение налогами наиболее употребляемых предметов роскоши.

Безусловно, многие депутаты стремятся подойти к решению данной проблемы с разных сторон и делают все для

этого возможное, но можно ли будет переломить данную сложную ситуацию в будущем никто гарантировать не может.

Налог на роскошь был впервые использован еще в Древнем Риме. Именно в римском праве впервые возник данный фискальный инструмент. Здесь были введены ограничения на показ своего богатства. Женщинам запрещалось выходить на улицу, если на них было надето более двухсот граммов золотых украшений, также ограничивалось число приглашенных на пиры — не более 100 человек.

В Средние века практика применения данного налога получила широкое распространение. Одной из первых стран, применяющих налог на роскошь, была Великобритания. Первым объектом налогообложения были выездные лошади, гончие собаки и пудра. Данная страна имеет богатую историю применения этого налога и до сих пор использует налог на роскошь в качестве местного налога. Владельцы недвижимости, стоимость которой превышает миллион фунтов, уплачивают государству 5%. Это достаточно серьезная ставка, но еще ощутимее проявляет себя ставка подоходного налога — 50%. Также здесь имеет место и дополнительная нагрузка для британцев, чей доход превышает 150 тысяч фунтов [2].

Налог на роскошь в Европе появился в XVII—XVIII веках; в той или иной форме он сохранился во многих странах, например, во Франции, Великобритании, Хорватии, Италии, Греции и др. Тем не менее единое мнение относительно целесообразности применения специальных налоговых инструментов к потреблению очень богатых людей отсутствует [3].

Так, во Франции взимается налог на богатство или «солидарный налог на состояния» (*Impôt desolidarité sur la fortune*), который существует уже 30 лет. Сейчас его платят около 600 тыс. чел., и в 2011 г. он принес в казну 4,2 млрд. евро [4]. Данный налог взимается с физических лиц, владеющих имуществом стоимостью свыше 1,3 млн. евро (до недавнего времени 800 тыс. евро). В соответствии с новыми правилами, введенными в 2011 г., данный налог взимается в размере 0,25% с имущества стоимостью от 1,3 до 3 млн. евро и 0,5% с имущества дороже 3 млн. евро. Налогом облагаются все движимые и недвижимые активы богатых граждан, принадлежащие им на 1 января налогового года.

В Англии аналогом налога на роскошь является Гербовый сбор на недвижимость, который уплачивается при ее покупке. Ставка налога зависит от стоимости приобретаемого объекта: 1% — для жилья стоимостью 125–250 тыс. ф. ст., 3% — если оно стоит 250–500 тыс. ф. ст., 4% — для объектов дороже 500 тыс. ф. ст.

На Украине под дополнительное налогообложение «на роскошь» попадают квартиры от 120 м² и дома площадью от 250 м², а налог взимается в привязке к минимальным зарплатам — от 1 до 2,7% размера минимальной заработной платы за 1 м² дорогого жилья

В целом можно говорить о том, что в страны Европы ввели налог на роскошь в систему налогообложения как

антикризисную меру. Например, правительство Испании в прошлом году начало взимать дополнительно налоги с граждан, состояние которых оценивается более 700 тысяч евро, налоговая ставка при этом составила 0,2–2,5%. Аналогичная мера имеет место и во Франции, где взимание налога начинается, если состояние налогоплательщика превышает 1,3 миллиона евро. Ставка здесь чуть меньше — и варьируется от 0,55% до 1,8% [5].

Однако налог на роскошь во многих государствах имел непростую историю: зачастую налог отменялся столь же быстро, сколь и вводился. При этом причины подобных действий носили не только экономический характер, но имели и политическую окраску. Наглядным примером являются Соединенные Штаты Америки. Здесь налог был введен в 1900 году, а объектом налогообложения стали яхты, самолеты, дорогие автомобили, часы, ювелирные и меховые изделия. Спустя три года данный налог пришлось отменить, потому что американские граждане перестали приобретать предметы роскоши у себя в стране, предпочитая совершать покупки без дополнительных сборов за границей. Тем не менее, был оставлен налог на автомобили стоимостью более 40 тысяч долларов [6].

Поэтому актуальным остается вопрос об экономической эффективности налога на роскошь. С одной стороны состоятельные люди стремятся уйти от его уплаты, приобретая имущество за рубежом, что приводит к не состоятельности данного налога, а затем и к его отмене. С другой стороны налог на роскошь выполняет социальную функцию, уравнивая различные слои населения. Однако социальную функцию можно выполнить и с помощью прогрессивной шкалы налогообложения доходов, вместо введения налога на роскошь.

В России попытки ввести налог на роскошь начиная с 2001 г. предпринимались неоднократно. Инициаторы подобных законодательных новшеств в большинстве случаев приводят в пример опыт зарубежных стран. Однако введение данного налога откладывалось до неопределенного времени.

На мой взгляд, введение налога на роскошь в России будет способствовать достижению двух важных целей. Во-первых, это интересы казны. Очень выгодно и справедливо получать налог с потребления предметов, указывающих на выдающееся имущественное положение лица. Во-вторых, это морально-нравственные и социальные цели. В высших целях нравственности и общественного благополучия необходимо противодействовать снижению непомерного количества предметов роскоши у узкой прослойки российского общества.

Кроме того, для внедрения в систему налогообложения России нового вида налога — налога на роскошь — предлагается следующее:

1. Необходимо уточнение понятия «роскошные предметы потребления» и «престижное потребление». В связи с чем для целей налогообложения объектов роскоши под «роскошными предметами потребления» следует понимать объекты движимого имущества (автомобили, само-

леты, вертолеты, яхты и другие водные средства, отличные от яхт) стоимостью от 3 млн. руб. и объекты недвижимого имущества стоимостью от 5 млн. руб. (для земельных участков) и от 7,5 млн. руб. (для квартир, коттеджей, загородных домов), приобретаемые для личного потребления физическими лицами. Престижное потребление при этом будет определено как использование роскошных предметов потребления физическими лицами в личных целях.

2. Налог на роскошь предлагается отнести к группе местных налогов, несмотря на то, что стоимость данных объектов имущества в разных регионах и муниципалитетах отличается. Поэтому при определении стоимости объектов движимого и недвижимого имущества исходим из предположения о том, что нельзя сравнивать стоимость жилья в российской столице и небольшом муниципалитете для оценки и расчета налога на роскошь, потому что данное жилье будет иметь разную рыночную стоимость и стоить дороже в крупном городе федерального значения, чем в небольшом городе (по своим геополитическим и общероссийским позициям). То же касается и земельных участков.

Среди основных претензий к законопроекту, высказанных в заключении комитета по бюджету и заключении правительства, выделяется мысль о двойном налогообложении, к которому якобы приведет введение данного на-

лога. Да, у нас в стране успешно собирается и налог на имущество физических лиц, и налог на имущество организаций, и транспортный налог, но мы считаем, что вместо простого следования сухому и бездушному принципу уравниловки мы должны в дальнейшем оптимизировать всю налогооблагаемую базу в соответствии с принципом справедливости.

Таким образом, введение налога на роскошь будет направлена на повышение эффективности налоговой системы России, создание условий для увеличения социального потенциала предметов роскоши и превращения уплаты налога в фактор социального роста путем перераспределения доходов богатых в социальную сферу страны. Однако, построение эффективной системы налогообложения и изменение налогового законодательства путем введения новых налогов — дело крайне сложное. Оно требует глубокого экономического анализа перспектив введения такого налога и возможных последствий.

В заключение я бы хотел привести слова великого государственного деятеля Петра Аркадьевича Столыпина: «бедность — худшее из рабств». Рассматриваемый вопрос — это не борьба с богатыми, это прежде всего борьба именно с бедностью, перераспределение денежных средств в пользу тех, чей социально-имущественный статус низок.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // «Российская газета» (Федеральный выпуск) № 4831, 1993 г.
2. Бочаров, С. Налог на роскошь: на кого России ровняться [Электронный ресурс] // Вести Экономика. — Режим доступа: www.vestifinance.ru/articles/7402
3. Земцова, Ю. Налог роскошество. Красиво жить не запретишь // Финансовая газета. 2012. — № 5. — с. 28
4. Налог на роскошь. Электронный ресурс: <http://rg.ru/2012/02/17/goskosh-site.html>].
5. Зыкова, Т. Налог — не роскошь // «Российская газета» (Федеральный выпуск). — 2012. — № 5710 (37). — с. 1.
6. Проценко, А. Роскошно жить не запретишь // Труд. — 2012. — № 12. — с. 1.

К вопросу об электронном голосовании в Российской Федерации

Иванов Василий Михайлович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В последние годы тема реализации избирательных прав является одной из наиболее востребованных в юридической науке. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации и в основном в сфере конституционного права. Преимущественно исследования затрагивают конституционно-правовые основы проблемы избирательного законодательства формирования нормативно-правовой базы, политико-правовые основы реализации избирательных прав граждан в современной России, вопросы юридической ответственности за нарушения избирательных прав и др. [6]

На этом уровне достаточно актуальным является проблема формирования правовой культуры участников из-

бирательного процесса. Для более тщательного рассмотрения данной проблемы представляется целесообразным внести немного конкретики. В частности, необходимо установить границы понятия «правовая культура», чтобы избежать употребления размытых формулировок. В данной статье термин «правовая культура» рассматривается как понятие, сформулированное С. С. Алексеевым, и определяется как «общее состояние “юридических дел” в обществе, т.е. состояние законодательства, положения и работы суда, всех правоохранительных органов, правосознания всего населения страны, выражающее уровень развития права и правосознания, их место

в жизни общества, усвоение правовых ценностей, их реализацию на практике, осуществление требования верховенства права» [4].

На наш взгляд, в развитии правовой культуры правосознание субъектов избирательных правоотношений играет ведущую роль, так как одной из основных задач правовой культуры является формирование доверия граждан к государству и праву. Достичь этого возможно на основе актов свободного и открытого политического согласия граждан по результатам проведения демократических выборов. Однако, несмотря на то, что Конституцией Российской Федерации [1] гарантируются избирательные права — пользуются ими далеко не все граждане России, что подтверждается низким уровнем явки на выборах. Более того, до сих пор остро стоит вопрос о легитимности выборов, проходящих на территории Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2] правом избирать обладают все граждане Российской Федерации, достигшие восемнадцатилетнего возраста. То есть, молодежи по достижении совершеннолетия предоставляется активное избирательное право. Тем не менее, опыт прошедших в России выборов говорит о недостаточно активном участии данной категории граждан в голосовании. Молодежь во все времена являлась движущей силой, определяющей направление развития государственной политики и общества в целом. Исходя из этого, привлечение молодежи к избирательному процессу является важным фактором в вопросе повышения правовой культуры общества.

На наш взгляд, положительным явлением в плане развития правовой культуры следует считать опыт зарубежных стран в аспекте проведения выборов и увеличения явки избирателей, связанных с привлечением коммуникационных технологий и внедрением электронных систем голосования. Электронное голосование как понятие включает в себя различные способы подачи голоса избирателем с использованием электронных устройств вне избирательного участка. В соответствии с Рекомендацией Комитета Министров Совета Европы государствам-членам «О юридических, оперативных и технических стандартах электронного голосования» [3] основными целями электронного голосования являются предоставление избирателям возможности проголосовать в месте ином, чем избирательный участок в их избирательном округе; расширение доступа к процессу голосования для избирателей-инвалидов или избирателей, имеющих другие трудности для физического присутствия на избирательном участке и использования имеющегося там оборудования. Дистанционное электронное голосование, как показала практика его применения и научные разработки, может в зависимости от используемых при

этом технических средств осуществляться следующими способами:

1. Голосование при помощи мобильного телефона.
2. Голосование при помощи социальной электронной карты через терминалы (информационные киоски), расположенные вне помещения для голосования.
3. Голосование непосредственно через информационно-телекоммуникационную сеть общего пользования Интернет [5].

Так, избирательная комиссия Великобритании акцентирует внимание в аспекте привлечения молодежи к участию в выборах на социальной сети Facebook. С помощью данной социальной сети проводится официальная регистрация граждан для участия в парламентских выборах. В течение нескольких дней на главных страницах профилей пользователей Facebook в Великобритании демонстрируются сообщения с вопросом о том, зарегистрировался ли пользователь на выборах, чтобы выполнить свой гражданский долг. В случаях, когда пользователи захотят зарегистрироваться, их перенаправляют на сайт избирательной комиссии. Регистрация заканчивается через месяц, и без нее британцы не могут принять участие в выборах. С помощью сообщений в Facebook сотрудники избирательной комиссии стремятся привлечь к участию в голосовании молодежь, которая, как правило, проводит много времени в социальных сетях, а избирательному процессу не уделяет должного внимания [7].

Подчеркнем, что в пользу применения данного вида голосования в России можно выдвинуть такие аргументы, как доступность и удобство. Современный среднестатистический житель Российской Федерации является активным пользователем сети Интернет. Что касается молодежи, данный вид голосования, на наш взгляд, получит большое распространение и одобрение с ее стороны. Молодому поколению сегодня интересны новые формы развития общества, инновационные технологии во всех сферах жизни. Поэтому идея о создании поля для голосования в сетевом пространстве будет достаточно эффективна. Можно позаимствовать идеи о создании такой формы у иностранных государств, только с некоторыми изменениями, адаптированными к российскому обществу.

Таким образом, по нашему мнению, принимая во внимание динамику и приоритеты развития современного общества, внедрение электронного голосования решило бы ряд проблем в избирательном процессе, тем самым способствуя повышению правовой культуры граждан. И не смотря на то, что на сегодняшний день законодатели усматривают некоторые трудности для внедрения электронного голосования, переход к такому способу голосования является лишь вопросом времени, в течение которого удастся устранить имеющиеся недостатки в работе системы электронного голосования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). М.: Юрид.лит., 1993

2. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 24.11.2014.)
3. Рекомендации по правовым, организационным, техническим аспектам электронного голосования государствам-членам Совета Европы. Приняты Комитетом министров Совета Европы 30.09.2004 года, R (2004) 11// Сайт ЦИК России: <http://www.cikrf.ru> [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/international/docs/rec_rus.html.
4. Алексеев, С. С. Восхождение к праву: Поиски и решения. — М.: Норма, 2002. — 608 с.
5. Вешняков, А. А. Международно-правовой и зарубежный опыт применения электронных средств голосования при проведении выборов // Международное публичное и частное право. 2006. № 5. С.18–24
6. Навальный, С. В. Правовая культура избирательного процесса в России: Вестник Красноярского государственного аграрного университета. — Красноярск, 2006. — 301 с.
7. Modern Democracy — The Electronic Voting and Participation Magazine [Электронный ресурс]. — // Режим доступа: <http://www.e-voting.cc>

Актуальные проблемы правового положения коренных малочисленных народов Севера

Иванов Василий Михайлович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В современных условиях перед многими коренными малочисленными народами Российской Федерации остро стоит вопрос об их физическом выживании и о дальнейшем существовании как неповторимых этносов. В связи с этим совершенствование законодательной базы РФ по предоставлению гарантий и защите прав и интересов коренных малочисленных народов — актуальная и востребованная задача. И этим проблемам в отечественной правовой науке в последнее время уделяется пристальное внимание [1].

Несмотря на наличие обширных прав для коренных малочисленных народов Севера и их гарантий, закрепленных в законе, анализ действующего законодательства позволяет констатировать, что оно декларативно и имеет множество пробелов. Как следствие, это выражается в отсутствии функционирующего механизма обеспечения и защиты прав коренных малочисленных народов. Тем самым, обладая льготами и гарантиями, они не могут их реализовывать.

Более того, коренные малочисленные народы испытывают трудности к пониманию современной российской правовой системы. Нормативно-правовые акты, которые регулируют природопользование, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов, воспринимаются с трудом. Остро стоит вопрос об информированности о наличии существующих у них прав. Государство должно разработать эффективный механизм, который бы стал гарантом защиты прав коренных малочисленных народов.

В связи с этим следует отметить, что в перечне типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации предусмотрена должность «Упол-

номоченный по правам коренных малочисленных народов». Лицо, замещающее эту государственную должность, занимается защитой прав и интересов коренных малочисленных народов в том или ином субъекте. И согласно Конституции, «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69)» [2]. Наличие данной статьи является широким шагом в сторону демократизации нашего государства и в перенятии зарубежного опыта в области защиты прав коренных малочисленных народов. В целом стоит говорить о готовности Российской Федерации развивать законодательство, направленное на защиту данных этнических групп населения. По сути, данное положение есть проявление общего конституционного принципа (ч. 4 ст. 15) [3]. И в обеспечении этих гарантий далеко не последняя роль принадлежит институту Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов.

Защита интересов коренных народов должна осуществляться не в виде опеки и выдачи социальных гарантий, а в виде создания механизма, благодаря которому права и гарантии коренного населения обеспечивались должным образом.

Следует также заметить, что в Российской Федерации существует федеральный конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [4], но отсутствует специальный федеральный закон об основах деятельности регионального Уполномоченного по правам человека, что также является пробелом в законодательстве и препятствует совершенство-

ванию системы уполномоченных по правам человека федерального и регионального уровней. Принятие указанного закона будет, во-первых, способствовать конструктивному взаимодействию уполномоченных по правам человека федерального и регионального уровней с иными государственными институтами и, во-вторых, позволит устранить пробелы в законодательстве по вопросам правового регулирования в указанной сфере. Если в Конституции закреплён особый правовой статус коренных малочисленных народов, то соответственно также необходимо учреждение на федеральном уровне Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Российской Федерации, который бы возглавлял

систему уполномоченных по правам коренных малочисленных народов.

Таким образом, исходя из вышесказанного можно констатировать, что учреждение Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов во всех субъектах Российской Федерации во главе с Уполномоченным по правам коренных малочисленных народов на федеральном уровне будет началом демократического развития российского государства в области правового регулирования коренного населения. И совершенствование системы Уполномоченных будет способствовать повышению уровня жизни коренных малочисленных народов, а также построению гражданского общества.

Литература:

1. Кряжков, В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.
2. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации: [Принята общенародным голосованием в 1993 г.] // Российская газета. — 1993. — № 248.
3. Кряжков, В. А. Коренные малочисленные народы и международное право // Государство и право. 1999. № 4. с. 97.
4. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (26 февраля 1997 г.).

Охрана труда как важнейший институт трудового права в Российской Федерации

Кислова Ольга Алексеевна, преподаватель
Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина

Ключевые слова: трудовое законодательство, охрана труда

Охрана труда — это институт отрасли трудового права, регулирующий общественные отношения, связанные с обеспечением жизни и здоровья работников, то есть он затрагивает самые важные конституционные права человека.

Согласно ст. 212 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) работодатель обязан обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда; возмещать вред, причиненный работникам в связи с исполнением ими трудовых обязанностей, а также компенсировать моральный вред в порядке и на условиях, которые установлены ТК РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [1].

Императивные требования законодательства возложены на работодателя исключительно для защиты работников в случае возникновения неблагоприятных последствий в процессе работы. За нарушение установленных в трудовом законодательстве требований работодатель может нести уголовную и административную ответственность, а также обязан возместить материальный ущерб пострадавшему работнику или его семье. Несмотря

на строгость последствий в отношении работодателя в случае нарушения возложенных на него обязанностей, большое количество примеров недобросовестности работодателей в сфере охраны труда.

Для эффективности управления, высокой производительности труда и минимизации травматизма необходимо оценивать текущее состояние охраны труда и разрабатывать конкретные меры по улучшению состояния указанной сферы, такие меры должны реализовываться государством — в целом и работодателями — в частности. Необходимо рассматривать охрану труда как приоритетное направление государственной политики Российской Федерации.

Идея необходимости поддержания безопасности производства и охраны здоровья работников была сформулирована еще в ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [2]. Пакт впервые дал расшифровку права каждого человека на благоприятные условия труда, которое было заложено в ч. 1 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека [3], в числе которых было названо право работников на «труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и здоровья».

Пока существуют трудовые правоотношения, вопросы охраны труда всегда будут актуальны, а создание эффективных и благоприятных условий труда всегда будет стоять на первом месте.

На сегодняшний день институт охраны труда испытывает определенные изменения, которые в корне отличаются от привычного правового регулирования и понимания охраны труда. Без адекватного законодательного реагирования и учета отрицательного опыта предшествующих лет нет возможности организовать современное, а главное, безопасное рабочее место, а также эффективно управлять трудовыми ресурсами, да и все государственная политика в области охраны труда будет не достаточно эффективной.

Назрела острая необходимость соединения системы государственного регулирования охраны труда с ее локальным регулированием у конкретного работодателя. Такой подход будет вполне уместен в той ситуации, когда Российская Федерация поставила перед собой важнейшую задачу руководствоваться принципом государственной политики в сфере охраны труда, избрав в качестве главного приоритета жизни и здоровья работников, а не саму трудовую деятельность работника.

Понятие охраны труда в юридической литературе одним из первых сформулировал С.И. Карпун, определив ее как «важнейшую систему деятельности советской власти, направленную на охрану жизни и здоровья работающих от всех вредностей и опасностей, связанных с процессом труда» [4, с. 34].

Большое значение охраны труда обуславливается тем, что условия труда — это профессиональная среда, в которой работник находится достаточно продолжительное время, в этой среде протекает жизнедеятельность работника. Таким образом, уровень работоспособности и комфортности пребывания на рабочем месте напрямую зависит от состояния условий труда, которые и обеспечивают повышение эффективности и производительности.

Основной принцип охраны труда — это сохранение жизни и здоровья работников, который является приоритетом по отношению к результатам деятельности работника.

Институт охраны труда имеет важнейшее значение в трудовых правоотношениях, его социальное значение выражается в усовершенствовании и улучшении условий труда, устремленное на создание безопасности на рабочих местах, уменьшение производственного травматизма и заболеваемости.

Экономическое значение охраны труда характеризуется эффективностью мероприятий по улучшению условий и повышению безопасности труда, вследствие чего происходит экономия денежных выплат за работу в неблагоприятных условиях труда.

Основная цель охраны труда — создание таких условий труда, что бы обеспечить комфортные условия, для сотворения максимальной работоспособности, направленной на повышение производительности труда и свести к минимуму возможность возникновения заболевания и травм работника

Анализируя международные правовые акты, можно заметить, что идея необходимости поддержания безопасности производства и охраны здоровья работников была сформулирована еще в 1966 г. в ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого 16 декабря 1966 года. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 года) [5]. Пакт впервые определил право каждого человека на благоприятные условия труда, которое было закреплено еще в ч. 1 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., включая и право работников на «труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и здоровья».

Кроме того, в международных актах по безопасности и гигиене труда, как правило, термин «охрана труда» не применяется, а вместо него используются иные понятия. Например, в конвенциях, ратифицированных Российской Федерацией, употребляются следующие термины: «здоровье, безопасность и гигиена труда» (Конвенция № 155 о безопасности и гигиене труда) [6]; «гигиена рабочего места» (Конвенция № 162 об охране труда при использовании асбеста) [7]; «безопасность и гигиена труда» (Конвенция № 176 о безопасности и гигиене труда в шахтах) [8]. В Конвенции № 155, например, указано, что термин «здоровье» в отношении труда означает не только отсутствие болезни или недуга; но он также включает и влияющие на здоровье физические и психические элементы, которые имеют непосредственное отношение к безопасности и гигиене труда.

В Конституции Российской Федерации 1993 года понятие «охрана труда» не применяется, вместо него использован термин «безопасность и гигиена труда» (ст. 7, пункт 3) [9]; а Трудовой кодекс Российской Федерации (ст. 209) содержит понятие «охрана труда».

В конвенциях и рекомендациях Международной организации труда (МОТ) не применяется термин «охрана труда», вместо него применяется понятие — «безопасность и здоровье». Вхождение Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО) диктует применение одинаковых понятий, терминов и принципов МОТ, таким образом, необходимо точное соответствие и стандартизация понятий, которые применяются в Российской Федерации понятиям МОТ.

На сегодняшний день законодательно закрепленное в ТК РФ понятие «охрана труда», не имеет возможности раскрыть содержание института охраны труда, что создает определенные трудности при его толковании и применении на практике. В такой ситуации возможно несколько вариантов законодательной конструкции норм Трудового кодекса Российской Федерации по установлению понятия «охрана труда»:

Один из вариантов — это заменить законодательно закрепленное в ТК РФ и других нормативно-правовых актах, составляющих трудовое законодательство РФ, понятие

«охрана труда», а именно, исключить термин «охрана труда», а вместо него применять термин «обеспечение безопасности и гигиены труда», указанный термин будет установлен в соответствии с терминологией МОТ и станет выражением сущности и назначения охраны труда.

Второй возможный вариант — это законодательное закрепление равнозначности в обозначении терминов «охрана труда» и «обеспечение безопасности и гигиена труда», что позволит избежать трудностей в толковании и применении института охраны труда.

Наилучшим является второй вариант, потому что термин «охрана труда» нашел широкое распространение в законодательстве Российской Федерации, а также в научной и учебной литературе, поэтому отождествление этих терминов безболезненно скажется на трудовых правоотношениях в изучаемой сфере, не нужно будет приводить в соответствие с новой терминологией всю нормативно-правовую базу, регулиующую охрану труда.

Термин «обеспечение безопасности и гигиена труда» позволит рассматривать охрану труда как комплексную систему взаимосвязанных процедур, которые бы гаран-

тировали охрану работников от воздействия негативных производственных и профессиональных факторов.

Необходимо отметить, что правовое регулирование правоотношений в сфере охраны труда усугубляется пробелами действующего законодательства РФ в изучаемой области, его несоответствием сложившимся экономическим, социальным и трудовым отношениям, а также адаптированным мировым сообществом, международным нормам. Совершенствование законодательства РФ будет, несомненно, способствовать поднятию уровня правопорядка в области охраны труда, а также повышению правовой грамотности работников.

Как вариант разрешения проблемы пробелов в трудовом законодательстве можно рассматривать принятие единого нормативно-правового акта, вобравшего в себя нормы различных документов, регулирующих охрану труда. Такая систематизация будет способствовать эффективности применения норм на практике, а сам документ мог бы отражать государственные нормативные требования охраны труда и пояснять их понятие, содержание, устанавливать их приоритет в применении.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.
3. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Рос. газ. — 1995. — 5 апр. —
4. Каплун, с. И. К здоровому и радостному труду: сб. ст. по охране труда за 1917–1922 гг. / С.И. Каплун. — М.: Вопросы труда, 1923. — 158 с.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. — М., 1976. с. 3–26.
6. Конвенция № 155 Международной организации труда «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» (принята в г. Женеве 22.06.1981 на 67-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001, № 50, ст. 4652.
7. Конвенция № 162 Международной организации труда «Об охране труда при использовании асбеста» (Заключена в г. Женеве 24.06.1986) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2013 г. — № 8., ст. 723.
8. Конвенция № 176 Международной организации труда «О безопасности и гигиене труда на шахтах» (Заключена в г. Женеве 22.06.1995) [Электронный ресурс] // Ссылка: URL: <http://base.consultant.ru/> Режим доступа: свободный. Дата обращения: 26.10.2015.
9. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс] Ссылка: URL: <http://www.pravo.gov.ru>. Режим доступа: свободный. Дата обращения 28.09.2015.

Каталог оперативно-розыскных мероприятий методы их реализации

Козловский Игорь Александрович, магистрант
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Нарастающая в современном обществе криминальная активность и ее всплеск принудила законодателя провести дополнительную законотворческую работу по

расширению перечня оперативно-розыскных мероприятий в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее ОРД).

Результатом данной законотворческой деятельности явилось расширение арсенала оперативно розыскных мероприятий, которые уполномочены проводить оперативно-розыскные органы, в том числе и криминалистические методы проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые за счет интеграции с конспиративными приемами наделяются оперативно-розыскным характером.

Вместе с тем ОРД реализует и разведывательные методы, которых иные виды правоохранительной деятельности не имеют в своем распоряжении.

В каталоге отражено оптимальное сочетание как разведывательных методов, так и криминалистических.

К первой группе относятся методы, основывающиеся на эмпирических методах познания: опрос, обследование различных объектов, наблюдение и т.д.

Ко второй группе — те, применение которых связано с использованием технических устройств для секретного сбора информации, разведывательные методы добывания информации: прослушивание телефонных переговоров, перлюстрация, оперативное внедрение, агентурный метод и др.

Закон предусматривает возможность вмешательства в частную жизнь граждан и, в ряде случаев, на ограничение их прав на неприкосновенность жилища, тайну телефонных и иных переговоров, и пр. охраняемых российским законодательством прав граждан.

Включение данных оперативно-розыскных мероприятий в каталог сопутствует обязательным разрешением проводить их только при учете определенных обстоятельств, стадий оперативно-розыскного процесса. Согласие органов на проведение оперативно-розыскных мероприятий, на которые также возложена обязанность контроля за законностью их осуществления, является обязательным условием их включения в законодательный каталог. В Российской Федерации указанная выше обязанность входит в компетенцию судьи.

В каталог включено оперативно-розыскное мероприятие, которое проводится определенными субъектами, выполняющими под легендой разведывательную работу в преступной среде, правовая основа для их деятельности формулируется в виде таких действий, как оперативное внедрение. [1]

На выполнение конкретной задачи ОРД, предусмотренной ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», направлена совокупность отдельных оперативно-розыскных действий, решений и средств, которые в своем объеме и представляют оперативно-розыскное мероприятие.

Соблюдение законодательно закрепленных прав и свобод человека и гражданина обеспечивается законодательное установления перечня ОРМ, который является исчерпывающим и определяет правомерность действий субъектов ОРД.

ОРМ могут проводиться как самостоятельно, так и в совокупности с другими ОРМ, могут проводиться гласно и негласно. При одновременном проведении не-

скольких оперативно-розыскных мероприятий может сочетаться их гласное и негласное проведение. [2]

Деятельность должностных лиц оперативно-розыскных органов, которой открыто представляют их интересы в ходе проведения ОРМ, именуется гласным проведением ОРМ. Негласное проведение ОРМ означает тайное их осуществление, при котором принадлежность к правоохранительным органам должностных лиц ОРО скрывается. Осуществление негласных ОРМ обусловлено необходимостью получения информации о тщательно скрываемых и маскируемых признаках преступной деятельности, которая не может быть выявлена гласными методами. Следует отметить, что своевременность и быстрота предотвращения и раскрытия заранее планируемых и подготавливаемых противоправных действий, зависит именно от применения ОРМ негласного характера.

Перечень оперативно-розыскных мероприятий объединен общей направленностью на получение информации для ее последующей реализации, так как в результате проведения ОРМ становится возможным решение задач ОРД и достижение целей.

Цели оперативно-розыскных мероприятий перечислены в ст. 1 ФЗ об ОРД: защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Цель проведения ОРМ определяет круг объектов мероприятия, которыми могут быть физические лица как носители информации или как субъекты преступления, а также лица, с согласия которых проводятся ОРМ по их проверке или защите. Категориями этих лиц обусловлены вид, форма, основания и условия проведения конкретных мероприятий.

В статье 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» приведен полный перечень оперативно-розыскных мероприятий, которые могут применяться сотрудниками оперативно-розыскных органов.

1. Опрос.
2. Наведение справок.
3. Сбор образцов для сравнительного исследования.
4. Проверочная закупка.
5. Исследование предметов и документов.
6. Наблюдение.
7. Отождествление личности.
8. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.
9. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.
10. Прослушивание телефонных переговоров.
11. Снятие информации с технических каналов связи.
12. Оперативное внедрение.
13. Контролируемая поставка.
14. Оперативный эксперимент. [3]

Приведенный перечень оперативно-розыскных мероприятий может быть изменен или дополнен только федеральным законом.

Данное решение законодателя гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина от незаконных посягательств и ограничений со стороны любых органов, осу-

ществляющих ОРД, что в настоящее время обеспечивает наивысший уровень защищенности публичных интересов в том числе общества и государства.

Литература:

1. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»/Под ред. В. Г. Самойлова. — М.: Проспект, 2012. — 270 с.
2. Азаров, В. А. Уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность // Государство и право. 2007. № 10. — 178 с.
3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в последней ред. от 29.06.2015 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 2015. 30 июня.

Об актуальности исследования проблем осуществления родительских прав

Лапачи Вероника Дмитриевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Традиционно в центре семейно-правового регулирования находится ребенок, защита прав и интересов которого является приоритетной (п. 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее — СК РФ)). При этом обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи является одним из основополагающих принципов семейного права, охватывающим все его институты.

Важную роль в обеспечении указанного принципа играют другие субъекты семейно-правовых отношений, а именно родители. Такая роль родителей в обеспечении защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи в первую очередь находит свое закрепление в международно-правовых актах. Так, Конвенция о правах ребенка отмечает: «Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы» (п. 1 ст. 18) [1]. Безусловно то, что законодатель не столько противопоставляет права и интересы родителей и детей, сколько устанавливает всего лишь правила осуществления родительских прав (ст. 65 СК РФ). С одной стороны, родители вправе самостоятельно осуществлять процесс воспитания детей, определять систему ценностной ориентации и принципы построения взаимоотношений с детьми. С другой стороны, законом установлены пределы осуществления родительских прав, при нарушении которых включаются механизм защиты прав и интересов несовершеннолетнего ребенка и механизм привлечения виновного родителя к ответственности.

В связи с вышеизложенным следует констатировать, что правовому положению родителей как лиц, от которых в первую очередь зависит благополучие детей, в отечественном законодательстве уделялось и уделяется в настоящее время, на наш взгляд, недостаточное внимание, несмотря на разработку и принятие ряда серьезных документов.

Во-первых, тому свидетельствует положения проекта Концепции совершенствования семейного законодательства [7], разработанной в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [5]. Так, одним из направлений такого процесса является дополнение перечня семейно-правовых принципов, сопровождаемое расширением правовых гарантий осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. Вместе с тем в обозначенном документе отсутствует какое-либо указание на необходимость закрепления в ст. 1 СК РФ принципа гарантированного осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. Тем не менее, именно данный принцип выступает в качестве системообразующего начала всей системы правовых гарантий осуществления семейных прав и исполнения корреспондирующих с ними обязанностей, поскольку, как отмечал В. П. Грибанов, «... предполагает не только предоставление государством прав гражданам, но и обеспечение их реального осуществления...» [11, с. 228].

Во-вторых, в утвержденной распоряжением Правительства РФ 25 августа 2015 г. Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [6], несмотря на то, что в основу государственной семейной политики Российской Федерации положены в том числе такие принципы, как: презумпция добросовестности родителей в осуществлении родительских прав и повышение авторитета родительства в семье и обществе, а также ответственность каждой семьи за воспитание, образование и развитие личности ребенка (детей) и за сохранение его здоровья, какое-либо указание на необходимость закрепления в СК РФ принципа гарантированного осуществления семейных прав и исполнения обязанностей мы также не наблюдаем.

Несмотря на такое положение, актуальность исследования вопросов осуществления родительских прав на современном этапе развития семейного законодательства вызвана все же систематическим внесением изменений и дополнений в нормы семейного законодательства регламентирующие, в том числе и указанный институт. Тому свидетельствует разработка и принятие Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (внесение изменений в п. 3 ст. 65 и п. 2 ст. 66 СК РФ) и Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [4] (ст. 65 СК РФ дополнена п. 4 и внесено изменение в п. 4. Ст. 66 СК РФ).

Также регулирование указанных отношений на современном этапе развития семейного законодательства постоянно находит свое закрепление и в существующей опубликованной правоприменительной практике Верховного Суда РФ [8], а также разрешение в практике иных судов [9].

Что же касается вопросов теоретического осмысления проблем осуществления родительских прав, то следует отметить, что они постоянно находятся в центре внимания

большого количества ученых в области семейного права, в том числе и на монографическом уровне.

При этом одни проведенные исследования, несмотря на безусловно высокий их научный уровень, носят специфический характер, раскрывая порой только отдельные аспекты осуществления родительских прав [10], другие ограничивались обзорным анализом правового регулирования родительских правоотношений, основанных на принципе равенства родительских прав [13]. Некоторые исследования потеряли актуальность, в связи с изменением законодательства [14].

Все это неизбежно оставляет за своими рамками значительную часть вопросов, связанных с применением тех или иных положений исследуемого учения на современном этапе. Тем более, что комплексных исследований института осуществления родительских прав как самостоятельной категории в семейном праве, до настоящего времени было проведено всего лишь одно [21].

Таким образом, потребность в комплексном анализе вопросов осуществления родительских прав на современном этапе развития семейного законодательства, необходимость переосмысления многих положений узкоотраслевого подхода в его понимании, а также недостаточная степень разработанности рассматриваемой проблемы свидетельствуют об ее актуальности.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) (Конвенция подписана от имени СССР 26 января 1990 г., ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 45. — Ст. 955.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: по сост. на 15 июля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 98-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 19. — Ст. 2715.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 167-ФЗ: по сост. на 25 ноября 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 27. — Ст. 3459.
5. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 23. — Ст. 2994.
6. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 35. — Ст. 4811.
7. Концепция совершенствования семейного законодательства (проект) // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 12.10.2015).
8. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10: по сост. на 06 февраля 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1998. — № 7.
9. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 7.
10. Величкова, О. И. Семейно-правовое положение несовершеннолетних родителей по законодательству Российской Федерации / О. И. Величкова: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 26 с.
11. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — М.: Статут, 2001. — 411 с.
12. Громоздина, М. В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации / М. В. Громоздина: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 24 с.

13. Долгов, Ю.Г. Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации / Ю.Г. Долгов: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 178 с.
14. Индынченко, С.П. Личные права и обязанности родителей и детей / С.П. Индынченко: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Киев, 1973. — 23 с.
15. Кумановская, А.Л. Права и обязанности родителей по воспитанию детей в семейном праве Российской Федерации / А.Л. Кумановская: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 169 с.
16. Лапина, К.В. Осуществление родительских прав и исполнение обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы / К.В. Лапина: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2010. — 23 с.
17. Леженин, В.Н. Право родителей на воспитание детей по советскому семейному законодательству (проблемы содержания и осуществление) / В.Н. Леженин: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Харьков, 1989. — 24 с.
18. Лялина, Н.В. Содержание, осуществление и защита прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, в Российской Федерации, в Соединенных Штатах Америки / Н.В. Лялина: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 24 с.
19. Малькевич, М.С. Реализация принципа равенства прав родителей / М.С. Малькевич: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Саратов, 2014. — 18 с.
20. Манаев, К.И. Права и обязанности родителей по воспитанию и содержанию детей по советскому праву / К.И. Манаев: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 1953. — 15 с.
21. Старосельцева, М.М. Осуществление и защита родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации / М.М. Старосельцева: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 26 с.
22. Татаринцева, Е.А. Права и обязанности родителей по семейному праву Российской Федерации и Англии / Е.А. Татаринцева: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 215 с.
23. Червяков, К.К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву / К.К. Червяков: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Саратов, 1971. — 18 с.
24. Шумилова, Т.А. Конституционно-правовое регулирование равенства родительских прав и обязанностей в Российской Федерации / Т.А. Шумилова: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Саратов, 2003. — 25 с.

Современная российская семья как продукт, отражающий сложности и проблемы развития общественных отношений

Лебединская Валерия Петровна, доктор юридических наук, профессор
Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Развитие современного российского общества существенно зависит от прочности семейного союза, стабильности семейных отношений, которые, в свою очередь, находятся под влиянием социальной политики государства, политических, экономических, культурных, образовательных и иных условий, которые дают возможность семье развиваться как социальной общности и двигателю норм морали и права.

Ключевые слова: государство; семья; социальная политика; малообеспеченная семья; брак.

Modern Russian family as the product reflecting difficulties and problems of development of the public relations

Valeriia P. Lebedinskaia, Dr. of law, professor

Development of modern Russian society significantly depends on durability of a matrimony, stability of the family relations which, in turn, are under the influence of social policy of the state, political, economic, cultural, educational and other conditions which give the chance to a family to develop as a social community and the engine of norms of morals and right.

Keywords: state; family; social policy; needy family; marriage.

Семья — это зеркало общества, она изменяется по мере изменения общества, отражая сложности и проблемы определенного этапа развития общественных отношений.

Современная российская семья — продукт длительного исторического развития общественных отношений. Действующее законодательство не содержит единого для всех отраслей права понятия семьи, хотя сам термин «семья» употребляется более чем в ста действующих федеральных законах.

Более того, многозначное понятие семьи имеет свое собственное содержание в различных областях жизни, науки, в том числе и в правовой науке. Например, в гражданском, жилищном, трудовом, в понятие «семья» вкладывается разное содержание. Анализ современного российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что законодатель пытается определить круг членов семьи путем их перечисления, но не путем установления признаков, характеризующих семейную жизнь. В качестве отношений, образующих семью, они выделяют различные стороны семейной жизнедеятельности (совместное проживание, раздельное проживание, трудоспособность, нетрудоспособность и т.д.), что приводит к противоречивым признакам семьи и членов семьи в различных отраслях права.

Отсутствие в Семейном кодексе Российской Федерации общего определения семьи не случайность. Многие специалисты в области семейного права задаются вопросом: а нужно ли оно, это определение? В частности, профессор Б.М. Гонгало. Ведь понятие «семья» имеет социологический, а не правовой характер.

Экономические проблемы, которые сегодня являются насущными и каждодневными для большинства населения нашей страны, привели к резкому росту алкоголизма, наркомании, а это в свою очередь, привело к падению авторитета института семьи, увеличению численности социального сиротства. Резкое имущественное расслоение российских семей, отбросившее подавляющее большинство населения не за черту бедности, а за её грань, привело к крайне отрицательным морально-психологическим последствиям. [1, с.39]

Согласно международным и государственным стандартам, одним из главных показателей качества жизни человека, является обеспечение достойного уровня жизни каждого [2, ст. 22, 23, 25]. Универсальные международные стандарты конкретизируются в региональных международно-правовых актах. В частности, в Европейской социальной хартии закреплено право на защиту от нищеты и социального отторжения. Для его реализации предусматривается: государства принимают меры для облегчения лицам и их семьям, живущим в условиях социального отторжения или нищеты (либо на грани таких условий), доступа к занятости, жилью, профессиональной подготовке, образованию, культуре, а также к социальной и медицинской помощи [3]. А что у нас? А у нас как всегда свои «особенности».

«Особенность» первая. На протяжении последних десятилетий источники материального неблагополучия малообеспеченной семьи, основу которой составляет супружеская пара в трудоспособном возрасте с одним или

двумя детьми, остаются все те же — отсутствие заработка у взрослых вообще или мизерные ее размеры, которые не обеспечивают удовлетворение элементарных потребностей членов такой семьи, особенно детей. Постоянный страх потерять работу или, наоборот, чрезвычайная загруженность родителей на работе, наличие в семье больных детей, детей-инвалидов — все это лишает даже самых добросовестных родителей возможности защитить своего ребенка, обеспечить ему достойное существование. [4, с.30]

«Особенность» вторая. Минимальные пособия по уходу за ребенком и в то же время большие затраты на содержание ребенка в детском садике и прочие неблагоприятные факторы не вызывают у подавляющего большинства семей особого желания обзаводиться потомством. Единовременные финансовые выплаты являются скорее мерой улучшения благосостояния семей, но не стимулом к увеличению числа рождений. С рождением второго ребенка риск бедности для семьи возрастает. У полной семьи с двумя детьми в России он в два раза выше, чем среди всего населения, и это соотношение не меняется за весь период после распада СССР [5].

Далее, оплата труда в современной России вчетверо ниже, чем в развитых странах. Соответственно, среднедушевые доходы 80% российских семей с двумя и более детьми не достигают прожиточного минимума. В стране возникла уникальная категория «новые бедные». Это работающее население, квалифицированные работники, выполняющие сложную работу, которые по своему образовательному уровню и профессионализму нигде в мире бедными не были, а у нас получая «достойную» заработную плату, таковыми становятся. Вот вам и «особенность» № 3.

После рождения первого ребенка большинство российских семей переходит в разряд малообеспеченных, после появления второго — оказывается за чертой бедности, а семьи с тремя и более детьми вообще живут в нищете. И как поётся в одной известной песне: «И что из этого следует? А следует...» Россияне жестко ограничивают число детей в семье. И опять следствие — демографическая проблема. Эту проблему усугубляют и так называемые «семьи свободные от детей», которые утверждают, что дети — помеха всей жизни, карьере, хобби, самосовершенствованию и даже любви. Последнее идет вразрез с многовековой русской мудростью, гласящей: дети — цемент семьи. [6, с.174] «Особенность» № 4.

Конституция РФ гарантирует право малообеспеченным гражданам на социальную поддержку со стороны государства в виде выплат ежемесячных пособий. Нет нужды говорить о важности ежемесячного пособия, например на ребенка, в качестве оказания материальной помощи для воспитания и содержания детей. Размер пособий, выплачиваемых ежемесячно малообеспеченным семьям, имеющим детей, определяется законами и иными нормативными правовыми

актами субъекта Российской Федерации. Таким образом, государство сняло с себя обязанность определять условия возникновения права на данное пособие. Вряд ли оправданно решение таких важных вопросов, как обеспечение семей с детьми ежемесячными пособиями на ребенка, возлагать только на субъекты РФ. Здесь важны не только условия, определяющие право на данное пособие, но и размер пособия. Семья, имеющая ребенка, получает пособие, которого едва хватает на оплату школьных обедов или оплату пребывания ребенка в дошкольном учреждении. При этом начисление коммунальных платежей идет независимо от возраста проживающих, в результате чего получается, что ставки платежей одинаковы как за новорожденного ребенка, так и за взрослого работающего человека. Действующие тарифы оплаты коммунальных услуг значительно превышают величину детского пособия. Современная российская «особенность» № 5.

О неблагополучии российской семьи свидетельствуют и данные о соотношении зарегистрированных и расторгнутых браков. Современные показатели соотношения браков и разводов в России демонстрируют нестабильность брачных отношений: разводами заканчиваются 40% первых браков, 60% — вторых браков, 74% — третьих браков [7]. Расторжение брака супругами, как правило, прекращает семейные отношения и порождает имущественные, прежде всего жилищные проблемы, проблемы осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, ограничивает право ребенка жить и воспитываться в семье своих родителей и многие другие, свидетельствующие о кризисе, переживаемом современной российской семьей [6, с.175].

И еще об одном. Специалисты в области семейного права негативно оценивают фактические брачные отношения, имеющие тенденцию к увеличению, отмечают неустойчивый характер данного социального образования и указывают на необходимость стимулирования заклю-

чения зарегистрированного брака. Несоответствие научных рекомендаций реальным потребностям приводит к тому, что огромный ресурс фактических браков, в которых могут рождаться так необходимые нашей стране дети, оказывается неиспользованным. Вместе с тем в фактических брачных отношениях состоит огромное число женщин репродуктивного возраста, физиологические возможности которых для рождения детей должны быть востребованы и использованы.

В современной России сложилась тенденция все более позднего заключения брака в органах загса, вызванная увеличением социальных ожиданий от статуса, образования, профессии, дохода, имущественного положения будущих супругов, в связи с чем снижается общий период состояния в браке лиц репродуктивного возраста. Данное обстоятельство негативно сказывается на двух показателях: на демографической проблеме нашего государства, и на потере авторитета семьи в нашем государстве.

Наличие потребностей в семье и детях, личных желаний и влечений к устройству брака и семьи — очень важные обстоятельства, показывающие, что существование семьи и общества основано на том, что миллионы людей испытывают потребности в семейном образе жизни и в детях, и лишь благодаря этому происходит воспроизводство населения.

Поддержка института семьи — одна из важных задач, решаемых нашим обществом и государством. Без существенной государственной помощи в решении проблем, с которыми сталкиваются современные российские семьи, институт семьи теряет свой авторитет и значимость у наших современников. Необходимость укрепления семьи выступает основополагающим принципом семейного законодательства России. Необходима четкая государственная идеология по реалиям современной жизни, чтобы граждане России почувствовали реальные результаты государственной политики по сохранению семьи как основы общества. [1, с.41]

Литература:

1. Лебединская, В. П. Положение и проблемы семьи в современной России //Международное научное издание «Современные фундаментальные и прикладные исследования. Учебный центр «Магистр». — № 4 (7). — 2012. — с. 39–41.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 декабря.
3. Умнова, И. А. Современные концепции прав человека в международно-правовом и конституционном измерении // Омбудсмен. — 2012. № 2.
4. Лебединская, В. П. Неблагополучная семья и её ребенок. // Вестник социально-педагогического института. 2013. — № . 1 (6). — С.29–32.
5. Чапурко, Т. М., Яровая С. В. Влияние институционального кризиса семьи на трансформацию политического дискурса в ювальной сфере // Общество и право. — 2010. — № 4.
6. Лебединская, В. П. О кризисе института семьи в современной России //Международное научное издание «Современные фундаментальные и прикладные исследования. Учебный центр «Магистр». — № . Спецвыпуск — 2014. — с. 174–177.
7. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312.

Правовая регламентация деятельности ФМС при обращении к ним за помощью граждан

Макарова Алина Александровна, студент

Государственный университет аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются правовая регламентация деятельности Федеральной миграционной службы при обращении к ним за помощью граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Ключевые слова: административный регламент, деятельность Федеральной миграционной службы, обращения граждан, государственные функции, государственные услуги.

Статья 33 Конституции Российской Федерации защищает законные интересы граждан, провозглашая право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, а также в органы местного самоуправления [1].

В 2006 г. был принят Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в развитие положения 33 статьи Конституции и взамен Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» (в ред. от 4 марта 1980 г.) 2 мая 2006 г. [2].

Данным законодательным актом регулируются правоотношения, связанные с реализацией гражданином Российской Федерации закрепленного за ним Конституцией Российской Федерации права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, кроме того, создается порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений иностранных граждан и лиц без гражданства; на правоотношения, связанные с рассмотрением указанных органами, должностными лицами обращений объединений граждан, в том числе юридических лиц; а также на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами.

Основной целью данного Федерального закона, по нашему мнению, стала защита прав, свобод и законных интересов заявителей, поскольку в нем определены права граждан при рассмотрении обращений, гарантии безопасности гражданина в связи с его обращением, обязательность принятия обращения к рассмотрению, контроль за соблюдением порядка рассмотрения обращений, а также ответственность лиц, виновных в его нарушении.

Сегодня можно говорить о том, что система рассмотрения обращений граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления Россий-

ской Федерации существует и реально действует. Специальные структурные подразделения по работе с обращениями граждан имеются в различных государственных органах и органах местного самоуправления, например, Администрации Президента Российской Федерации, в Правительстве Российской Федерации, в федеральных министерствах и ведомствах и в их территориальных подразделениях.

Так, работа с обращениями граждан занимает особое место в деятельности Федеральной миграционной службы Российской Федерации (ФМС России). Обращения граждан — источник информации о качестве предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций, а также канал получения информации о положении дел на местах, о нуждах граждан и их отношении к деятельности миграционной службы как органа исполнительной власти.

Говоря о правовой регламентации порядка рассмотрения обращений граждан, стоит отметить, что ФМС России во исполнение Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» 8 июня 2009 г. был утвержден Административный регламент Федеральной миграционной службы по исполнению государственной функции по рассмотрению обращений граждан. В Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» указывается, что разработка должностных регламентов государственных гражданских служащих должна происходить на основе административных регламентов [3], но при этом определение указанного понятия не приводится. В Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. дано определение административного регламента в ст. 2: «нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги» [4].

В юридической науке административный регламент понимается как действия или совокупность действий (решений) исполнительного органа государственной власти и должностных лиц, производимых с определенной целью при осуществлении их полномочий. Административный

регламент, по мнению П.И. Кононова, может рассматриваться в качестве правовой формы административно-публичной деятельности наряду с такими административно-правовыми актами, как указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, приказы, правила, инструкции и иные нормативные правовые акты [5, с. 342–343]. При этом правильной представляется позиция П.Г. Лахно и В.Ю. Синюгина, которые указывают на то, что основное отличие административных регламентов от иных документов заключается в наличии в регламентах сроков и последовательности действий (административных процедур) федерального органа исполнительной власти, органа исполнительной власти субъекта РФ, порядок взаимодействия их структурных подразделений и должностных лиц, а также их взаимодействие с другими органами и организациями при исполнении возложенных на них функций и предоставлении государственных услуг [6, с. 10].

Административным регламентом Федеральной миграционной службы по исполнению государственной функции по рассмотрению обращений граждан определялись сроки, последовательность действий (административных процедур) и порядок взаимодействия Федеральной миграционной службы, территориальных органов ФМС России, в том числе их структурных подразделений, а также должностных лиц ФМС России и территориальных органов при исполнении государственной функции по рассмотрению обращений граждан.

Обратим внимание, что в указанном Приказе ФМС России выполнение административных процедур по рассмотрению обращений граждан было определено именно как «функция». Однако Постановлением Правительства от 16 мая 2011 г. № 373 (ред. от 23 января 2014 г.) «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» [7] были утверждены Правила разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций, в которых определено, что государственная функция — это осуществление государственного контроля (надзора), а в Правилах разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг государственная услуга обозначается как осуществляемая по запросу физического или юридического лица либо их уполномоченных представителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации полномочий в соответствии с требованиями Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 21 июля 2014 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». [8] В свою очередь, Федеральный закон № 210-ФЗ, трактуя понятие «государственные услуги», увязывает его с понятием «государственные функции», то есть государственная услуга — это деятельность по реализации функций при осуществлении отдельных государственных полномочий, ко-

торая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги.

В дальнейшем процедура рассмотрения обращений граждан стала считаться государственной услугой и практически во всех органах исполнительной власти были приняты административные регламенты по предоставлению такой услуги, в том числе и в Федеральной миграционной службе Российской Федерации.

Как и подобает нормативным правовым актам подобного рода, Административный регламент, утвержденный Приказом ФМС России от 1 июня 2012 г. № 196 [9], определял стандарт и порядок предоставления государственной услуги, ее наименование, сроки предоставления, перечень оснований для приостановления или отказа в предоставлении государственной услуги, максимальный срок ожидания в очереди при подаче обращения и личном приеме, срок и порядок регистрации обращения, требования к помещениям, формы контроля за предоставлением государственной услуги, досудебный (внесудебный) порядок обжалования действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу, а также их должностных лиц и др.

В последующем работу с обращениями граждан предопределило Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2012 г. № 1254 «О внесении изменения в пункт 1 Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг» [10], которое фактически исключило рассмотрение обращений граждан из числа государственных услуг, что повлекло за собой массовую отмену административных регламентов федеральными органами исполнительной власти.

Сегодня сотрудники ФМС России осуществляют деятельность по рассмотрению обращений граждан в соответствии с Приказом ФМС России от 21 марта 2014 г. № 208 «Об организации работы с обращениями граждан и организаций в Федеральной миграционной службе и ее территориальных органах» [11], которым утверждено Положение об организации работы с обращениями граждан и организаций в Федеральной миграционной службе и ее территориальных органах.

Рассмотрение обращений в системе ФМС России включает в себя следующие этапы: прием и первичную обработку обращений, регистрацию обращений, принятие организационных решений о порядке рассмотрения обращений, рассмотрение обращений по существу и принятие по ним решений, подготовку и направление ответов на обращения, хранение обращений и материалов по их рассмотрению, личный прием граждан, анализ рассмотрения обращений, контроль за рассмотрением обращений.

Стоит отметить, что указанный нормативный правовой акт принят в целях совершенствования организации работы с обращениями граждан и организаций в Феде-

ральной миграционной службе и ее территориальных органах и в соответствии с пунктом 7.21 Положения о Федеральной миграционной службе [12].

Пункт 7.21 обозначен в перечне полномочий Положения о Федеральной миграционной службе и определен следующим образом: «организует прием граждан, обеспечивает своевременное и полное рассмотрение устных и письменных обращений граждан, принятие по ним соответствующих решений и направление ответов в установленный законодательством Российской Федерации срок в установленной сфере деятельности». Следовательно, работа с предложениями, заявлениями и жалобами граждан — это обязанность сотрудников ФМС России, что в полной мере соответствует ст. 9, ст. 10, ст. 12 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Именно такая «обязательность» рассмотрения обращений граждан и отличает ее, на наш взгляд, от предоставления государственных услуг, которые по усмотрению органов государственной власти могут быть оказаны или нет. Например, в предоставлении государственной услуги по оформлению и выдаче паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, ФМС России может быть отказано по нескольким основаниям (документы не соответствуют предъявляемым к ним требованиям; временное ограничение права гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации и др.). К тому же, за оказание государственных услуг взимается государственная пошлина, а рассмотрение обращений граждан осуществля-

ется бесплатно. Поэтому считаем совершенно справедливым, что рассмотрение обращений граждан является обязанностью органов государственной власти.

До сих пор окончательно не решена проблема закрепления в административных регламентах положений, указывающих на персональную ответственность должностных лиц и обеспечение взаимосвязи с должностными регламентами. На необходимость решения данной проблемы неоднократно обращали внимание специалисты.

С данной проблемой неразрывно связан вопрос взаимосвязи административных регламентов и должностных регламентов. Такая связь должна быть обеспечена посредством закрепления в должностных регламентах функциональных ролей должностных лиц, т.е. перечня функций служащего, осуществляемых в рамках отдельной должности.

Таким образом, анализ применения административных регламентов позволяет выделить проблемы, нерешенность которых снижает эффективность административных регламентов как основного правового инструмента регулирования административных процедур предоставления государственных (муниципальных) услуг и исполнения государственных контрольно-надзорных функций (функций муниципального контроля).

Решение указанных проблем должно быть осуществлено на федеральном уровне посредством детализации отдельных требований к административным регламентам.

Полагаем, что такой подход позволит оптимизировать процедуру и порядок рассмотрения обращений граждан в системе ФМС России, а также совершенствовать организацию работы с обращениями в территориальных органах ФМС России.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с поправками) // «Российская газета», № 237 от 25.12.1993 г.
2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 03.11.2015) // «Российская газета», № 95 от 05.05.2006 г.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // «Российская газета» № 162 от 31.07.2004 г.
4. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // «Российская газета» № 168 от 30.07.2010 г.
5. Административное право России: учебник / под ред. П. И. Кононова, В. Я. Кикотя, И. Ш. Киляшанова. М., 2009. с. 342–343.
6. Лахно, П. Г. Теория и методология административно-правового управления реформированием / П. Г. Лахно, В. Ю. Синюгин // Предпринимат. право. 2008. № 4.
7. О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг: Постановление Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373 // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 мая 2011 г. № 22 ст. 3169.
8. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // «Российская газета», № 168, 30.07.2010.
9. Административный регламент, утвержденный Приказом ФМС России от 1 июня 2012 г. № 196: Приказ Федеральной миграционной службы от 1 июня 2012 г. № 196 // «Российская газета» от 1 августа 2012 г. № 174.
10. О внесении изменения в пункт 1 Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг: Приказ Минюста России от 08.05.2014 № 95 // «Российская газета», № 117, 27.05.2014.

11. Об организации работы с обращениями граждан и организаций в Федеральной миграционной службе и ее территориальных органах: Приказ ФМС России от 21.03.2014 № 208// «Российская газета», № 181, 13.08.2014.
12. Положение о Федеральной миграционной службе, утвержденное Постановлением правительства Российской Федерации от 13.07.2012 г. № 711 «О вопросах Федеральной миграционной службы»// «Российская газета», № 165, 20.07.2012 г.

Проблемы взаимодействия Федеральной миграционной службы с органами внутренних дел

Макарова Алина Александровна, студент,
Государственный университет аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург)

В статье описываются основы взаимодействия Федеральной миграционной службы и органов внутренних дел. Раскрываются формы такого взаимодействия. Особое внимание авторов обращено на особенности одной из форм межведомственного взаимодействия — депортации и административного выдворения за пределы РФ иностранных граждан и лиц без гражданства.

Ключевые слова: Федеральная миграционная служба, органы внутренних дел, депортация, административное выдворение, государственная миграционная политика.

Проблемы реализации гражданами прав, свобод и законных интересов, закрепленных законами и подзаконными актами, а тем более способность их восстановить, защитить в случае нарушений, допущенных юридическими либо физическими лицами во многом порождены слабым знанием действующего законодательства, отсутствием у большинства населения навыков обращения в соответствующие компетентные инстанции, в правоохранительные и судебные, в том числе.

Государственная миграционная политика на данном этапе должна решать следующие задачи:

- обеспечивать интересы Российской Федерации при заключении и реализации международных договоров в сфере миграции, включая регулирование процесса добровольного переселения соотечественников в Российской Федерации и защиту их прав и свобод;
- совершенствовать миграционное законодательство в сфере въезда, выезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, особенно в части касающейся их трудовой деятельности;
- развивать международное сотрудничество Российской Федерации в сфере разработки и внедрения системы раннего предупреждения и предотвращения комплексных чрезвычайных ситуаций, следствием которых является экстренная массовая вынужденная миграция населения;
- приводить миграционное законодательство субъектов РФ в соответствие с федеральными нормативными правовыми актами;
- совершенствовать законодательство в области медицинского, социального и пенсионного страхования трудящихся мигрантов и членов их семей, правового регулирования расселения на территории страны;

- легализовать нелегальных трудовых мигрантов;
- заключать международные договоры о приеме, возврате и транзитном проезде лиц, нелегально находящихся на территории Российской Федерации и территориях иностранных государств (о реадмиссии);
- упорядочить процедуру административного выдворения и депортации нелегальных мигрантов из РФ на законодательном и организационном уровне;
- совершенствовать контроль реализации законодательства РФ в сфере миграции.

Особенность правового статуса ФМС России заключается в том, что полноценное функционирование данной службы невозможно без взаимодействия с органами внутренних дел, так как именно этот орган исполнительной власти обладает необходимыми полномочиями для защиты прав, свобод и законных интересов граждан и неграждан.

Взаимодействие органов ФМС России с органами внутренних дел основывается на сотрудничестве ФМС и МВД России. Порядок взаимодействия определяется Регламентом взаимодействия МВД России с федеральными органами исполнительной власти, иными специальными нормативными правовыми актами и выражается в следующих формах:

- совместной разработке и согласовании законопроектов и иных нормативных правовых актов;
- участии в работе правительственных, межведомственных и согласительных комиссий, рабочих групп, конференций и т.п.;
- взаимном информационном обмене данными, без которых невозможно нормальное функционирование службы (использование информационных баз, учетов);
- проведении совместных мероприятий по противодействию незаконной миграции (операции, рейды, проверки и т.п.);

– выявлении и пресечении фактов использования поддельных документов;

– совместной деятельности по пресечению оказания незаконных услуг в миграционной сфере и принятию к виновным лицам мер воздействия в установленном порядке;

– осуществлении депортации и административного выдворения за пределы РФ и иностранных граждан и лиц без гражданства;

– обеспечении общественного порядка и безопасности при сопровождении иностранных граждан и лиц без гражданства, ищущих убежище на территории РФ, в места временного содержания при постах иммиграционного контроля и центры временного размещения иммигрантов;

– взаимодействию в розыске лиц, скрывающихся от следствия, суда, исполнения наказания, обязательств, а также без вести пропавших;

– оказании содействия в области материально-технического обеспечения деятельности, в использовании необходимых сил и средств;

– обмене опыта для повышения квалификации кадров.

В рамках установленной законодательством РФ компетенции сотрудники Федеральной миграционной службы России принимают участие в мероприятиях по выявлению преступлений и административных правонарушений в области миграции на основании мотивированного запроса, подписанного руководителем подразделения системы МВД.

Указанные мероприятия осуществляются при принятии решения ФМС России о проведении проверки с участием сотрудников органов внутренних дел по мотивированному запросу. Основаниями для направления последнего могут стать:

– информация, указывающая на возможные нарушения гражданами и (или) должностными лицами законодательства Российской Федерации о регистрационном учете граждан по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ и обоснованность ее проверки с участием сотрудников органов внутренних дел;

– содействие сотрудникам ФМС России, которые проводят проверку, в случаях реального или возможного воспрепятствования их законной деятельности либо в целях повышения эффективности и получения наиболее полных и объективных результатов при проведении проверки, а также обеспечения мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья сотрудников при исполнении ими должностных обязанностей.

По нашему мнению, депортация и административное выдворение за пределы РФ иностранных граждан и лиц без гражданства является одной из основных форм взаимодействия данных ведомств.

Материалы дела об административном правонарушении могут быть оформлены как сотрудником органов внутренних дел, так и сотрудником территориального органа ФМС России. В любом случае, в соответствии со

статьей 23.67 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, такие оформленные дела незамедлительно передаются в соответствующий территориальный орган ФМС России по подведомственности для рассмотрения дела об административном правонарушении и принятия решения по существу [1].

Решить вопрос об административном выдворении иностранного гражданина может только суд (ч. 2 ст. 28.8 КР-ФобАП) [1]. Однако и в этом случае, необходимо сотрудничество между ведомствами, так как личное присутствие в судебном заседании иностранного гражданина или лица без гражданства обеспечивается силами и средствами не только территориального органа ФМС России, но и соответствующего органа внутренних дел. Вступившее в законную силу постановление суда об административном выдворении исполняется Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации. Сведения об исполнении решения суда о выдворении передается в территориальный орган ФМС для закрытия границы иностранному гражданину сроком на 5 лет, в соответствии с ч. 2 ст. 27 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [2].

На постоянной основе проводится взаимодействие с органами МВД, особое внимание уделено ОГИБДД, по вопросу принятия решения о неразрешении въезда. В соответствии с п. 4 ст. 26 ФЗ-114 иностранного гражданина или лица без гражданства, который неоднократно (два и более раза) в течение трех лет привлекались к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации за совершение административного правонарушения на территории Российской Федерации, закрывается въезд в РФ в течение трех лет со дня вступления в силу последнего постановления о привлечении к административной ответственности [2]. В соответствии с пп. 11 ч. 1 ст. 27 ФЗ-114 иностранный гражданин или лицо без гражданства, которое неоднократно (два и более раза) в течение одного года привлекались к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с посягательством на общественный порядок и общественную безопасность либо с нарушением режима пребывания (проживания) иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации или порядка осуществления ими трудовой деятельности на территории Российской Федерации, въезд закрывается на срок 5 лет со дня вступления в силу последнего постановления о привлечении к административной ответственности [2]. В 2015 году в адрес ОУФМС в Калининском районе из УМВД поступило более 550 материалов, принято 493 решения о неразрешении въезда в РФ.

Таким образом, в рамках взаимодействия, сотрудниками ОУФМС России в Калининском районе СПб за 2015 год проведено 94 совместных проверочных мероприятий, по результатам которых выявлено порядка 300 иностранных граждан с нарушениями режима пребывания и осуществления трудовой миграции в РФ.

По результатам проверочных мероприятий в Калининском районе выявлено два адреса массовой фиктивной регистрации граждан РФ в жилом помещении, а именно в одной квартире было зарегистрировано 49 человек, в другой — 21 гражданин РФ. Фактически указанные граждане в квартире не проживали, в связи с чем можно говорить о фиктивной постановке на регистрационный учет. 21.12.2013 Федеральным законом № 376-ФЗ внесены изменения в ст. 7 Закона от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ», что позволяет снимать граждан РФ с регистрационного учета на основании решения ФМС России [3]. В настоящий момент все граждане сняты с регистрационного учета, материалы переданы в ОВД для принятия решения о возбуждении уголовных дел в рамках ст. 322.2 Уголовного кодекса РФ Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации [4].

Необходимо отметить, что совместные функции ФМС и ОВД по контролю и надзору за соблюдением гражданами и должностными лицами правил регистрации и снятия граждан с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ закреплены в соответствующем Административном регламенте.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) // «Российская газета», N 256, 31.12.2001.
2. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15.08.1996 N 114-ФЗ (ред. от 21.12.2009) // «Российская газета», N 159, 22.08.1996.
3. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Закон РФ от 25.06.1993 N 5242-1 (ред. от 29.06.2015) // «Российская газета», N 152, 10.08.1993.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) // «Российская газета», N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.

Институт мировых судей в дореволюционной России

Михайлова Наталья Сергеевна, магистрант

Научный руководитель: Гамалей Артем Александрович, кандидат юридических наук
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия

Институт мировых судей в современной России существует чуть более чем 15 лет. Впервые в современной России институт мировых судей был упомянут в Федеральном Конституционном законе «О судебной си-

В целом, административный регламент — это основной документ, содержащий необходимую информацию, необходимую для граждан и должностных лиц (сроки, перечень документов, основания для отказа, административные процедуры, ответственность и порядок обжалования действий (бездействия) должностных лиц и др.). Он также служит основой для перевода государственных функций и услуг в электронный вид. Совместное сотрудничество ОВД и ФМС России также должно быть организовано в рамках межведомственного информационного взаимодействия.

Интеграция в один банк данных позволит в рамках одного запроса получить информацию из всех подсистем Объединенных информационных баз данных, в том числе о паспортных данных, которая используется для уточнения необходимых сведений при проведении различных розыскных и следственных мероприятий. Такие проекты успешно реализуются во многих регионах Российской Федерации и значительно облегчают совместную деятельность данных органов исполнительной власти. Однако данные системы нуждаются в совершенствовании во избежание технических и других накладок.

Однозначно, что общей основной задачей как для сотрудников органов внутренних дел, так и для сотрудников ФМС России является противодействие противоправным деяниям в сфере миграции, важнейшим фактором в эффективной борьбе с которыми, на наш взгляд, станет развитие информационных технологий.

стеме РФ» 1996 г. [1], в котором указывалось: «мировой судья в пределах своей компетенции рассматривает гражданские, административные и уголовные дела в качестве суда первой инстанции. Полномочия и порядок деятель-

ности мирового судьи устанавливаются федеральным законом и законом субъекта РФ».

17 декабря 1998 г. Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации» [2] введен институт мировых судей.

Однако нельзя говорить о том, что он является абсолютно новым для российской системы правосудия. Это будет неверным утверждением. Корни российского мирового правосудия уходят в дореволюционную эпоху. Несмотря на тот факт, что статей по вопросу исторического развития мирового правосудия в России было написано немало, данная тема до сих пор остается актуальной.

Судебная реформа Александра II коренным образом изменила всю систему российского правосудия.

В ходе реформы был создан сословный суд, т.е. единый суд для всех сословий (кроме крестьянского суда по мельчайшим делам), где гарантировалось равенство всех сословий перед законом, состязательность и гласность судебного процесса.

Кроме того, впервые в России появился институт адвокатуры, присяжных заседателей и иные институты.

Одним из важнейших преобразований системы правосудия в период правления Александра II стало учреждение выборных мировых судей.

Одной из причин создания института мировых судей явилась необходимость отделения суда от полиции. Также необходимость создания такого рода института была связана и с тем фактом, что судебная система России до реформ Александра II носила сословный характер, процветала коррупция и превышение чиновниками своих должностных полномочий.

20 ноября 1864 года были утверждены новые судебные Уставы, вошедшие в заключительный XVI том Свода Законов Российской Империи. Согласно этим уставам, создавались две судебные системы: местные (волостные, мировые суды, мировые судьи и их съезды) и общие (окружные, создаваемые для нескольких уездов, затем судебные палаты по уголовным и гражданским делам, которые распространяли свою деятельность на несколько губерний, кассационные (по уголовным и гражданским делам) департаменты Сената).

Избрание мировых судей происходило через уездное земское собрание и городскую думу. Под юрисдикцией мировых судей находились дела о мелких преступлениях, наказанием за которые обычно было кратковременным арестом, не более трёх месяцев либо заключением в рабочий дом на срок до одного года или штрафом на сумму не больше трёхсот рублей. В гражданско-правовой сфере на них ложилась ответственность на рассмотрение дел, связанных с возмещением за ущерб на сумму не свыше пятисот рублей, исков за оскорбление и обиду, дел об установлении прав на владение и по личным обязательствам и договорам на сумму не более трёхсот рублей.

Создание мирового суда было, в определенной степени, настоящей ломкой привычного уклада отношений, мыслей, привычек, сложившихся в условиях старого по-

рядка, сословного, закрытого, заволакиченного суда. Доступный, скорый и справедливый суд ожидался давно. И тем острее воспринималась новизна принципов Судебных уставов; по-иному построенная работа новых учреждений вызывала неподдельный интерес.

Дореволюционный историк Г.А. Джаншиева справедливо отметил, что «... Назначением мирового института было внесение в сферу повседневных гражданских отношений первых элементов благоустроенного общества — *сознания гражданами своих прав и обязанностей*. Если новый гласный суд называют — и справедливо называют — школою гражданского воспитания, то мировые учреждения с тысячами камер, разбросанных по самым отдаленным захолустьям нашего обширного отечества, являлись первой и самой важною ступенью этой школы» [3].

Мировая юстиция в период судебных реформ Александра II стала эффективным судебным институтом, поскольку мировой суд был максимально приближен к населению, являлся обособленной замкнутой системой, которая функционировала на принципах выборности, сословности, независимости и несменяемости судей в пределах выборного срока, гласности и состязательности.

В лице мировых судей законодатель создал суд, рассматривающий маловажные дела и отвечающий таким требованиям, как доступность, разветвленность, быстрота, единоличное рассмотрение дел. Высшей целью этих судов являлось примирение сторон.

Мировой суд в Российской империи существовал 25 лет, однако Законом от 12 июня 1889 г. «О земских участковых начальниках» в большей части мировые суды были упразднены, они сохранились лишь в столицах и в нескольких крупных городах.

В 1912 г. был принят закон о преобразовании местного суда, уничтоживший судебную власть земских начальников, заменивший их, а равно и городских судей мировыми судьями, выбираемыми земскими собраниями, даже с некоторым расширением пределов их полномочий. Мировая юстиция возродилась, но ненадолго.

Мировой суд был окончательно упразднен вместе со всей царской системой суда Декретом о суде от 24 ноября 1917 года.

Однако спустя 80 лет Федеральным законом от 17 декабря 1998 г. «О мировых судьях в Российской Федерации» данный институт был возрожден. При этом несмотря на метаморфозы произошедшие в российском государстве за эти годы, можно с полной уверенностью утверждать, что деятельность современных мировых судов (судей) во многом основана на тех правовых началах, которые были присущи мировому правосудию в дореволюционной России. Мировые судьи субъектов Российской Федерации являются судьями общей юрисдикции и входят в единую судебную систему Российской Федерации. Они являются носителями судебной власти. Мировые судьи независимы при осуществлении правосудия и подчиня-

ются только Конституции Российской Федерации, Федеральным законам, конституции (уставу) и законам соответствующего субъекта Федерации. В своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны.

Таким образом, мировая юстиция существует в нашей стране больше пятнадцать лет и за это время успела себя проявить как эффективный инструмент обеспечения судебной защиты прав граждан России.

Литература:

1. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 1.
2. О мировых судьях в Российской Федерации: федеральный закон от 17.12.1998 N 188-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 51. — Ст. 6270
3. Джаншиев, Г. А. Эпоха Великих реформ [Текст] / Г. А. Джаншиев. — М.: Территория будущего, 2008. — 496 с.

Условия применения особого порядка судебного разбирательства

Присяжная Дарья Николаевна, магистрант
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Особый порядок судебного разбирательства допускается по уголовным делам частного, частно-публичного и публичного обвинения.

Особый порядок уголовного судопроизводства состоит в том, что при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без судебного разбирательства. Это упрощенная форма принятия судебного решения.

Применение данной процессуальной формы возможно лишь при определенных условиях:

1. Наказание за преступление, по которому предъявлено обвинение, не должно превышать десяти лет лишения свободы. При этом преступления могут быть умышленные и неосторожные, независимо от того, в какой форме они расследовались. Данные преступления должны относиться к категории небольшой, средней тяжести или к тяжким. Для постановления приговора без проведения судебного разбирательства правового значения не имеют:

- данные, характеризующие обвиняемого;
- наличие или отсутствие прежней судимости;
- совершено ли преступление единолично или в соучастии;
- подвергался ли обвиняемый ранее уголовному преследованию;
- освобождался ли он ранее от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям или нет;
- страдает ли наркоманией или алкоголизмом;
- имеет ли постоянное место жительства и работы;
- является ли гражданином России, иностранный гражданин либо лицо без гражданства.

2. Обвиняемый должен быть полностью согласен с предъявленным ему обвинением, полностью призна-

вать свою вину, осознавать фактические обстоятельства содеянного, форму вины, мотивы совершения преступления, юридическую оценку содеянного, характер и размер вреда, причиненного преступлением. Обвиняемый не может быть несовершеннолетним или лицом, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте. Частичное признание обвиняемым своей вины не может служить основанием для принятия судом решения о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Судья вправе постановить по делу приговор без проведения судебного разбирательства лишь в том случае, если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Приговор при рассмотрении дела в особом порядке может быть только обвинительным. Если судья сомневается в виновности подсудимого, несмотря на признания им вины, дело откладывается и затем рассматривается в общем порядке. При наличии оснований в этом случае может быть постановлен оправдательный приговор.

3. Обвиняемый должен заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства самостоятельно. При этом обвиняемый должен осознавать характер и последствия заявленного им ходатайства, которое должно быть подано добровольно и после консультации с защитником. Суд должен удостовериться, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства. Обвиняемый должен четко себе представить, в чем состоит специфика особого порядка судебного разбирательства и с какими право-

выми последствиями сопряжено распоряжение им своими процессуальными правами:

— обвиняемый добровольно отказывается от исследования доказательств своей вины в совершенном преступлении в ходе судебного разбирательства, и суд свой приговор будет основывать на тех доказательствах, которые имеются в материалах уголовного дела;

— обвиняемый и его защитник не могут обжаловать вынесенный приговор в кассационном или апелляционном порядке в связи с несоответствием изложенных в нем выводов фактическим обстоятельствам уголовного дела, т.к. эти обстоятельства не были предметом исследования в ходе судебного разбирательства;

— в случае постановления обвинительного приговора суд назначает обвиняемому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей нормой УК РФ;

— в случае постановления обвинительного приговора суд освобождает его от уплаты процессуальных издержек.

Чтобы исключить необдуманное решение обвиняемого при принятии решения о применении особого порядка судебного разбирательства, он обязан проконсультироваться со своим защитником по поводу заявления такого ходатайства, согласовать с ним данное решение и было ли у него достаточно времени для консультации и согласования вопроса о заявлении данного ходатайства по рассмотрению уголовного дела в особом порядке. Соблюдение данного условия судья обязан установить, спросив об этом обвиняемого и его защитника о том, было ли ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства заявлено при ознакомлении с материалами уголовного дела в присутствии защитника. Если ходатайство было заявлено в присутствии защитника, то судья устанавливает другие условия проведения судебного заседания в особом порядке. Если же судья установит, что обвиняемый заявил ходатайство в отсутствие защитника, то должен потребовать от обвиняемого повторить суду свое ходатайство в присутствии своего защитника.

Заявленное обвиняемым ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства должно быть не только осознанным, но и добровольным без влияния и угроз посторонних лиц.

Ходатайство должно быть заявлено обвиняемым в момент ознакомления с материалами уголовного дела, о чем делается соответствующая запись в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела или на предварительном слушании, когда оно является обязательным. А по делам частного обвинения ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства может быть заявлено лицом после вручения ему мировым судьей копии заявления потерпевшего. В этом случае судья обязан разъяснить подсудимому процессуальный порядок и правовые последствия такого ходатайства.

4. Государственный и частный обвинители, законный представитель частного обвинителя по уголовным делам

частного обвинения, потерпевший должны быть согласны на проведение судебного разбирательства в особом порядке. Частным обвинителем может быть как лицо, непосредственно пострадавшее от преступления, так и его близкий родственник в случае смерти потерпевшего. Дела возбуждаются по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. По данным делам обвиняемый вправе заявить ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства. При наличии такого ходатайства мировой судья обязан уведомить об этом частного обвинителя и сообщить ему о месте проведения предварительного слушания. Если частный обвинитель возражает против заявленного подсудимым ходатайства, то мировой судья выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства подсудимого о постановлении приговора по его делу без проведения судебного разбирательства, а дело рассматривается в общем порядке.

Согласие участников уголовного судопроизводства о рассмотрении дела в особом порядке должно быть оформлено в письменном виде.

Потерпевший должен быть согласен с ходатайством обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. Данное обстоятельство не является обязательным по всем уголовным делам, а только по тем, по которым то или иное лицо признано потерпевшим. Поэтому если по делу есть потерпевший, то без его согласия суд не вправе применить особый порядок судебного разбирательства.

Если мировой судья при подготовке дела к судебному разбирательству имеет возможность выяснить мнение частного обвинителя по рассмотрению уголовного дела при наличии ходатайства обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, то судьи общих судов выясняют мнение потерпевшего только в судебном заседании. Законодатель не предусмотрел процедуру выяснения мнения потерпевшего на стадии ознакомления с материалами дела совместно с обвиняемым. Если обвиняемый имеет право заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства лишь после ознакомления с материалами уголовного дела, то потерпевший знакомится с материалами уголовного дела до обвиняемого, поэтому у следователя или дознавателя нет возможности выяснить позицию потерпевшего по поводу рассмотрения уголовного дела в особом порядке.

Согласие или возражение потерпевшего с ходатайством обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке может быть высказано как в письменной, так и в устной форме. Письменное заявление потерпевшего приобщается к материалам уголовного дела, а устное заявление о своей позиции потерпевшего относительно рассматриваемого ходатайства обвиняемого отражается в протоколе.

При отсутствии данных условий производство в особом порядке невозможно. Лишь совокупность всех условий дает право судье назначить рассмотрение дела в особом порядке и вынести приговор без проведения судебного

разбирательства в общем порядке. Если хотя бы одно из перечисленных условий не соблюдено, суд принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке.

Литература:

1. Манова, Н. С. Уголовный процесс Учебник. — М.: Дашков и К, 2014.
2. Рустамов, Х. Ц. Уголовный процесс. Формы / Х. Ц. Рустамов. — М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2014. — с. 82–83.

Препятствия рассмотрения уголовного дела в особом порядке при досудебном соглашении о сотрудничестве

Присяжная Дарья Николаевна, магистрант
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве вызывает немало трудностей в правоприменительной практике. Это обусловлено пробелами в законодательном регулировании особенностей производства отдельных процессуальных действий в уголовных делах. Одной из актуальных проблем, возникающих в судебной практике, является проблема разграничения оснований возвращения уголовного дела в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве прокурору и нарушений уголовно-процессуального закона, устранимых посредством рассмотрения уголовного дела в общем порядке судебного разбирательства.

Судьи стремятся не тратить время при наличии возможности вынести постановление о его возвращении прокурору. Прокуроры отстаивают позицию о возможности устранения выявленных нарушений при рассмотрении уголовного дела в общем порядке, поскольку каждый случай возвращения уголовного дела прокурору влечет необходимость проведения служебной проверки.

Выделим основания для принятия решения о рассмотрении уголовного дела в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве в общем порядке судебного разбирательства: 1) обвиняемый отказался от досудебного соглашения о сотрудничестве и заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в составе трех судей либо коллегией присяжных заседателей; 2) в ходе судебного заседания государственный обвинитель не подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; 3) установление факта добровольности заключения обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве; 4) установление факта предоставления подсудимым заведомо ложных сведений или умышленного сокрытия иных существенных обстоятельств совер-

шения преступления; 5) установление факта содействия обвиняемого следствию лишь путем сообщения сведений о собственном участии в преступной деятельности; 6) подсудимым не соблюдены условия и не выполнены обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве; 7) подсудимый не в полной мере признает свою вину; 8) подсудимый отказался от заключенного с ним досудебного соглашения.

В случае выявления несоблюдения условий на предварительном слушании, суд возвращает уголовное дело прокурору. При установлении несоблюдения условий в ходе судебного процесса принимается решение о прекращении особого судопроизводства и назначении судебного разбирательства в общем порядке.

Основаниями для возвращения уголовного дела в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве прокурору являются: 1) расследование уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в форме дознания; 2) поступление в суд с представлением прокурора о рассмотрении в порядке гл. 40.1 УПК РФ уголовного дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого; 3) поступление уголовного дела в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве в одном производстве с остальными соучастниками преступления при отсутствии сведений о расторжении соглашения о сотрудничестве; 4) отсутствие в материалах уголовного дела ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; 5) отсутствие в материалах уголовного дела постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве; 6) отсутствие в материалах уголовного дела постановления прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; 7) отсутствие в материалах уголовного дела до-

судебного соглашения о сотрудничестве; 8) невручение обвиняемому и его защитнику копии представления прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения; 9) нарушение порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, в том числе влекущее за собой нарушение права обвиняемого на защиту; 10) отсутствие представления прокурора о рассмотрении уголовного дела в порядке особого производства при наличии в уголовном деле не расторгнутого досудебного соглашения о сотрудничестве (за исключением случая приобщения представления прокурора государственным обвинителем в ходе судебного заседания).

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве должен применяться лишь при невозможности раскрытия и расследования преступления без активного сотрудничества одного из причастных к нему лиц в условиях полной безальтернативности установления подлежащих доказыванию обстоятельств другим способом. Тем не менее, в следственной практике встречаются факты явно необоснованного заключения прокурорами досудебных соглашений о сотрудничестве при наличии доказательств виновности всех соучастников преступления. Фактически в таких случаях досудебные соглашения заключаются с уже разоблачившими соучастников преступления обвиняемыми в качестве своего рода благодарности за активное сотрудничество с правоохранительными органами.

Прокурор является центральной фигурой досудебного соглашения, полномочным принимать решение об удовлетворении ходатайства обвиняемого и следователя о заключении досудебного соглашения. Решение о заключении досудебного соглашения с желающим сотрудничать со следствием обвиняемым зависит лишь от волеизъявления прокурора.

Отсутствие согласия потерпевшего на рассмотрение уголовного дела в порядке гл. 40.1 УПК РФ при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не является основанием для возвращения уголовного дела прокурору либо перехода на общий порядок судебного разбирательства. Глава 40.1 УПК РФ УПК РФ не предусматривает участие потерпевшего в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и не ставят в зависимость от его волеизъявления саму возможность

использования данного соглашения по уголовному делу и назначения более мягкого наказания лицам, содействовавшим следствию.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, кроме обвинительного приговора, судебные решения. Содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, а само уголовное дело прекращено, если для этого не требуется исследования доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются.

Отказ обвиняемого от выполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве, его расторжение либо признание недействительным влечет необходимость возвращения уголовного дела прокурору для соединения с основным уголовным делом. В такой ситуации переход на рассмотрение уголовного дела в общем порядке нецелесообразен, поскольку заключение соглашения о сотрудничестве предусматривает иной, порядок проведения предварительного следствия.

Повсюду обнаруживается явное затягивание рассмотрения уголовного дела в отношении субъектов досудебного соглашения до рассмотрения основного дела в общем порядке судебного разбирательства. Причина скрывается в том, что суд, рассматривающий уголовное дело в общем порядке, не принимает без дополнительной проверки в качестве бесспорных обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, постановленным без исследования доказательств.

Большинство уголовных дел, выделенных в отдельное производство направляется в суд для рассмотрения по существу до основного уголовного дела. Описание преступного деяния, в котором обвиняется подсудимый совместно с соучастниками, уголовное дело в отношении которых выделено в отдельное производство, требует определенной корректировки по сравнению с обвинительным заключением, поэтому судьи не торопятся с вынесением приговора до рассмотрения другим составом суда основного дела в общем порядке судебного разбирательства.

Таким образом, в случае принятия решения о прекращении особого порядка судебного разбирательства суд выносит об этом постановление и рассматривает дело в общем порядке.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Федеральный закон // Росс. газ. 2001. 22 декабря. № 249.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. — 2006. — 20 декабря.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 апреля 2012 г. N 11-О12—18.
4. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 декабря 2011 г. N 9-О11—63.
5. Божьев, В. П. Уголовный процесс Учебник. — М.: Юрайт, 2014
6. Особый порядок судебного разбирательства требует особого внимания/ А. Медведский // Власть судебная. — 2013. — № 1.

7. Манова, Н. С. Уголовный процесс Учебник. — М.: Дашков и К, 2014.
8. Петрухин, И.Л. Особый порядок судебного разбирательства / И.Л. Петрухин // Российская юстиция. — 2013. — № 7.
9. Рустамов, Х.Ц. Уголовный процесс. Формы / Х.Ц. Рустамов. — М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2014. — с. 82–83.
10. Шанкина, Л.Т. Особый порядок судебного разбирательства / Л.Т. Шанкина // Российская юстиция. — 2012. — № 3.

Обращение граждан: необходимость или право?

Сафиуллова Эльмира Дамировна, магистрант
Российская таможенная академия

В последнее время в граждане направляют в органы государственной власти, органы местного самоуправления десятки тысяч жалоб на действия и бездействие должностных лиц. В своих жалобах граждане просят восстановить их нарушенные права, провести проверку служебной деятельности того или иного должностного лица, а также привлечь к ответственности виновных должностных лиц. Выступая в личном качестве как частное лицо, по собственной инициативе, каждый гражданин вправе оценивать деятельность органа исполнительной власти, любого должностного лица или государственного служащего с точки зрения ее законности и результативности. Исходя из этого, в данной статье рассматриваются права граждан, порядок и сроки рассмотрения обращения. Даются определения обращения гражданина, заявления, жалобы и должностного лица. Делается вывод, что обращение гражданина в органы исполнительной власти является действенной возможностью для разрешения вопросов, связанных деятельностью этого органа, в том числе и в борьбе с коррупцией.

В связи с тем, что наше государство демократическое, где Конституция РФ закрепляет соблюдение и защита прав и свобод человека и возможность обжалования, в связи с тем, что государство борется с коррупцией, эта тема является актуальной.

Право на защиту жизни, здоровья, свободы, собственности и других благ является важнейшим, естественным, неотъемлемым правом гражданина РФ. Государство легализует это право, т.е. формулирует, уточняет объемы, закрепляет процедуры его реализации, устанавливает обязанность государственных органов, должностных лиц, служащих принимать в определенные сроки меры по защите прав и свобод граждан, и оно становится регулируемым законом, юридическим правом.

Правоотношения, по рассмотрению жалоб, регулируются в соответствии с ФЗ N 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Также, в соответствии со ст. 3.ч.1 указанного Федерального Закона, правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан, регулируются Конституцией Российской Федерации, международными договорами Российской

Федерации, федеральными конституционными законами и иными федеральными законами.

Граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам (ст. 2 ч.1)

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные термины:

1) обращение гражданина (далее — обращение) — направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления;

2) предложение — рекомендация гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества;

3) заявление — просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц;

4) жалоба — просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц;

5) должностное лицо — лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяй-

ственные функции в государственном органе или органе местного самоуправления.

В соответствии со ст. 5, ФЗ № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», при рассмотрении обращения государственным органом, органом местного самоуправления или должностным лицом гражданин имеет право:

1) представлять дополнительные документы и материалы либо обращаться с просьбой об их истребовании, в том числе в электронной форме;

2) знакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения обращения, если это не затрагивает права, свободы и законные интересы других лиц и если в указанных документах и материалах не содержатся сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну;

3) получать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов, за исключением случаев, указанных в статье 11 настоящего Федерального закона, уведомление о переадресации письменного обращения в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов;

4) обращаться с жалобой на принятое по обращению решение или на действие (бездействие) в связи с рассмотрением обращения в административном и (или) судебном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации;

5) обращаться с заявлением о прекращении рассмотрения обращения.

В соответствии со ст. 7 ч.1 указанного Федерального закона, гражданин в своем письменном обращении в обязательном порядке указывает либо наименование государственного органа или органа местного самоуправ-

ления, в которые направляет письменное обращение, либо фамилию, имя, отчество соответствующего должностного лица, либо должность соответствующего лица, а также свои фамилию, имя, отчество (последнее — при наличии), почтовый адрес, по которому должны быть направлены ответ, уведомление о переадресации обращения, излагает суть предложения, заявления или жалобы, ставит личную подпись и дату.

В случае необходимости в подтверждение своих доводов гражданин прилагает к письменному обращению документы и материалы либо их копии (ст. 7.ч.2.)

Обращение, поступившее в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в форме электронного документа, подлежит рассмотрению в порядке, установленном настоящим Федеральным законом. В обращении гражданин в обязательном порядке указывает свои фамилию, имя, отчество (последнее — при наличии), адрес электронной почты, если ответ должен быть направлен в форме электронного документа, и почтовый адрес, если ответ должен быть направлен в письменной форме. Гражданин вправе приложить к такому обращению необходимые документы и материалы в электронной форме либо направить указанные документы и материалы или их копии в письменной форме (ст. 7 ч.2.)

Таким образом, очевидно, что обращение, письменное или устное, гражданина в органы исполнительной власти является действенной возможностью для разрешения вопросов, связанных с деятельностью этого органа, в том числе и в борьбе с коррупцией; также анализ обращений, проводимый органами исполнительной власти России дает возможность оценить деятельность структурных подразделений Службы с позиции рядовых граждан, чьи интересы затронуты деятельностью тех или иных органов.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации»(принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // <http://www.consultant.ru> — Консультант Плюс.
2. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»

Понятие, сущность и природа коррупции как политико-правового феномена

Спиридонов Денис Анатольевич, магистрант
Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Для Российской Федерации проблема коррупции и борьбы с ней является особо актуальной. Системный кризис, по целому ряду показателей отброшивший страну на десятилетия назад, не мог не сказаться на масштабах коррупции. Многочисленные исследования

показывают, что в той или иной степени коррупцией поражены все системы социального управления, причем не только в «публичной», но и в негосударственной сфере.

Исключительную опасность для безопасности российского общества и государства представляет тесная связь

коррупции с организованной преступностью, обеспечивающая последней благоприятные условия существования и многократно повышая ее жизнестойкость. Масштаб угрозы, которую представляет коррупция для развития человечества, обусловил степень озабоченности российского общества и государства данной проблемой. Это нашло выражение в многочисленных антикоррупционных инициативах, в разработке законопроектов о борьбе с коррупцией.

В настоящее время широко обсуждаются важнейшие аспекты стратегии и борьбы с коррупцией, представляющей реальную угрозу нормальному функционированию государственного механизма. Эта проблема является составной частью и общей проблемы обеспечения безопасности человечества, без решения которой невозможно построение правового государства. В этом залог эффективного функционирования общества и самого государства.

Проблема коррупции для современной России является одной из наиболее значимых, препятствующих решению важнейших экономических и политических задач, подрывающих авторитет власти в глазах народа, мешающих эффективному развитию международных торговых-экономических и иных связей, способствующих росту и укреплению позиций организованной преступности. [1, с. 34]

Сегодня необходимо осознать исторические истоки коррупции в Российской Империи в условиях смены общественно-экономической формации, в советском государстве в период становления социалистического режима и в Российской Федерации на этапе реформ конца XX в.

Соответственно, обращение к отечественной истории и использование предшествующего опыта актуализируют настоящую работу, посвященную теоретико-историческому изучению формирования и развития правовой политики в сфере противодействия коррупции в России.

Вполне закономерно, что категория «антикоррупционная правовая политика» приобретает сегодня исключительную значимость для юридической науки и практики, требует серьезной теоретической разработки и осмысления.

Необходимость в дальнейшей разработке общего понятия коррупции не исчезает, а актуализируется. Она обусловлена, в частности, тем, что не только в международных документах, но и в национальных правовых системах существуют различные подходы к ее определению. Одновременно следует признать, что уже достигнутый уровень познания в данной области позволяет укрепить методологическую основу правовой антикоррупционной политики, тем самым, создав условия эффективности ее реализации.

Предлагается следующее определение: коррупция в общественно-социальном значении (в широком смысле) представляет собой сложное социальное явление дисфункции процессов социального управления, разложение власти на основе девиантного поведения, обусловленного корыстной мотивацией. Коррупция может пониматься

(в узком смысле) и как противоправное использование субъектами власти и управления своего служебного положения вопреки интересам службы в корыстных целях, а также противоправное предоставление таким лицам материальных или иных преимуществ иными лицами за действия (бездействие), совершаемые в их пользу с использованием своего служебного положения. [2, с. 65]

Учитывая, что антикоррупционная правовая политика представляет собой многозначное понятие в зависимости от контекста, антикоррупционную правовую политику государства в сфере действия права, как политику в правовом пространстве (в правовом поле) борьбы с коррупцией или как стратегию деятельности государства в сфере правового регулирования противодействия коррупции.

Процесс развития государственности в России сопровождался увеличением численности чиновников на протяжении периода конца XV—XVII вв., характеризовался их низким профессиональным уровнем, плохим материальным обеспечением, недостаточной организацией контроля и неэффективностью мер ответственности. Это являлось бесспорной предпосылкой наличия в его среде коррупционных правонарушений, на борьбу с которыми были направлены принимаемые антикоррупционные правовые акты. К ним относятся Судебники 1497 г. и 1550 г., с изданием которых сделан первый, но довольно решительный шаг на пути развития законодательства о коррупционных правонарушениях. Самым же значимым нормативным правовым актом, обобщившим весь предшествующий опыт борьбы с коррупционными правонарушениями, явилось Соборное Уложение 1649 г. В дальнейшем, Петром I были предприняты попытки системного подхода к борьбе с коррупцией, выразившиеся в установлении различных форм контроля за деятельностью государственного аппарата и законодательном оформлении идеи об охране общества и государства от коррупционных злоупотреблений чиновников (Указы Петра I от 25 августа 1713 г., от 24 декабря 1714 г., 25 января 1715 г., 5 февраля 1724 г. и др.).

В XIX в., несмотря на проведенные реформы в области государственной власти и управления, в самом государственном механизме не произошло принципиальных изменений. При количественном росте чиновничье-бюрократического аппарата коррупционные злоупотребления должностных лиц продолжали существовать и в начале XX в. они достигли своей кульминации.

Вместе с тем история XIX в. показала, что использование только уголовно-правовых, административных, дисциплинарных мер воздействия на чиновно — бюрократический аппарат явно недостаточно для искоренения, или по меньшей мере, сдерживания роста коррупционных отношений в российском государстве. Необходимо признать, что ввиду не принятия решительных и эффективных мер для достаточного материального обеспечения государственных служащих, поднятия престижа государ-

ственной службы в обществе, восстановления доверия с его стороны, обеспечения, наконец, действенного контроля государственного аппарата, в начале XX в. Российская Империя пришла к социальному взрыву, новому витку глубочайшего экономического и политического кризиса. [3, с. 78]

История борьбы советской власти с коррупцией характеризуется рядом специфических особенностей. Во-первых, коррупция и как понятие, и как явление в официальных нормативных документах и практической деятельности не признавалась. Вместо этого определения в УК 1922 г., 1926 г., 1960 г. использовались термины «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и др. Во-вторых, причины возникновения этого явления связывались с пережитками буржуазного общества. При этом в советский период проблемы коррупции нельзя отрывать от проблем теневой экономики, которая является сложным, противоречивым, социально-экономическим процессом.

Проблема безудержного разрастания коррупции в органах власти и управления становится объектом более пристального внимания как в советском государстве, так и в других странах, прежде всего с конца 80-х — начала 90-х годов. К этому времени она приобрела характер, требующий особого отношения государственных, общественных, международных структур.

Проблема беспрецедентного разрастания масштабов коррупции в начале XXI в. представляет собой серьезную угрозу функционированию публичной власти, верховенству закона, демократии и правам человека, затрудняет

экономическое развитие страны. Коррупция в современной России носит системный характер и оказывает влияние на практически все стороны жизни общества и тем самым превращается в проблему, угрожающую национальной безопасности государства.

В целях стабилизации общественно-политической ситуации в стране, предупреждения угроз национальной безопасности России со стороны коррупции необходимо стало разработать и осуществить комплексную программу противодействия коррупции с включением политических, экономических, социальных и правоохранных аспектов, принять меры для создания согласованной стратегии, отвечающей требованиям времени. Это обуславливает новый этап в развитии правовой политики в сфере противодействия коррупции.

Учитывая, что коррупция без постоянного противодействия ей имеет свойство расширяться и мимикрировать, необходимо, чтобы со временем была выделена антикоррупционная функция государства как одна из его базовых задач. Таким образом, речь идет как о создании системы государственно-правовых механизмов противодействия коррупции, позволяющих уменьшить ее масштабы в краткосрочном плане, так и о выработке и проведении антикоррупционной политики как постоянно действующей организационной функции государства.

Главным звеном в реализации антикоррупционной политики должна стать административная реформа, т.к. нереструктурированность государственного аппарата остается системным фактором, препятствующим модернизации страны.

Литература:

1. Максимов, С. В., Мацкевич И. М., Эминов В. Е. Коррупционная преступность и борьба с ней: Учебное пособие. — М.: Юрист, 2001. — 128 с.
2. Нигматуллин, Р. В. Борьба с преступностью в курсе современного международного права: Учебное пособие. — Уфа: УЮИ МВД России, 2012. — 92 с.
3. Максимов, С. В., Эминов В. Е. Концепция борьбы с организованной преступностью в России: Монография. — М.: Норма, Инфра-М, 2015. — 80 с.

К вопросу о свидетельском иммунитете священнослужителей

Сушкова Ольга Владимировна, магистрант
Тюменский государственный университет

К числу лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, уголовно-процессуальный закон относит священнослужителей, которые не могут быть допрошены об обстоятельствах, ставших им известными из исповеди.

Умы ученых занимают в основном три проблемы, связанные со свидетельским иммунитетом священнослужителей, которые в большей или меньшей степени освещены в научных трудах, а именно:

1) обоснованность наделения священнослужителей свидетельским иммунитетом в условиях светскости российского государства;

2) кто понимается под священнослужителем и как следует толковать понятие тайны исповеди;

3) каков объем свидетельского иммунитета священнослужителей.

Рассмотрим каждый аспект более подробно.

Ст. 14 Конституции РФ [1] определяется Россию как светское государство. Тем не менее, некоторые религиозные аспекты в разное время учитывались законодателем и правоприменительной практикой в качестве обстоятельств, порождающих возникновение, изменение или прекращение правоотношений (например, см. п. 7 ст. 169 СК РФ [2]).

Относительно обоснованности введения свидетельского иммунитета для служителей церкви в науке уголовно-процессуального права России сложилось по существу две основные точки зрения. Сторонники первой придерживаются мнения о необоснованности наделяния священнослужителей правом не давать свидетельские показания. По мнению некоторых ученых, российское государство не должно вмешиваться в дела церкви и устанавливать запретительные нормы уголовно-процессуального характера, касающиеся возможности допроса священнослужителя [3; с. 21]. Противники этой концепции отстаивают необходимость защиты тайны исповеди посредством предоставления священнослужителям свидетельского иммунитета.

По справедливому замечанию К.П. Федякина, «церковь (религия) хоть и отделена от нашего государства, однако уважение исторически сложившихся религиозных традиций заставило законодателя пойти на такой шаг» [4; с. 33]. Действительно, церковь имеет многовековую историю своего развития и строит свою жизнь в строгом соответствии с нормами церковного права.

В последнее время влияние церкви, религиозности и религиозных норм и ценностей на жизнь общества заметно увеличилось. Это, по мнению И.В. Смольковой, объясняется в известной мере принципиально новым подходом к религии как важнейшей интегрирующей силе и фактору духовно-нравственного возрождения [5; с. 170].

Мы соглашаемся с Н.Ю. Волосовой в том, что государство имеет право вторгаться в дела церкви, однако это вторжение не должно нарушать религиозных предписаний, сложившихся веками. Эти предписания не только уважаются людьми верующими, ведь религиозные обряды имеют значение и священную ценность для них. Именно поэтому запрет на допрос священнослужителя следует рассматривать в качестве необходимого условия уважительного отношения к религиозным чувствам верующих [6; с. 58].

Сторонники свидетельского иммунитета священнослужителя аргументируют свое мнение также богатым зарубежным опытом. В некоторых государствах институт тайны исповеди невозможно нарушить обязанностью давать свидетельские показания.

Примечательна в этом смысле и позиция Русской Православной Церкви. Основы социальной концепции РПЦ содержат следующие указания: «... в случае, если при исповеди священнослужитель узнает о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении против личности либо общественной безопасности... даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди» [7; с. 15].

Не меньше дискуссий вызывает и проблема определения понятия священнослужителя. Этот вопрос находится во взаимосвязи с проблемой толкования понятия тайны исповеди.

Как указывают Д. Татьянин и Л. Закирова, тайна исповеди в христианстве является собой покаяние в грехах перед священником как представителем Бога, который, будучи только свидетелем от имени Иисуса Христа специальными разрешительными словами отпускает грехи всем искренне раскаявшимся [8; с. 140]. По мнению вышеназванных авторов, институт тайны исповеди присущ исключительно христианству, в других религиях он называется иначе, что, учитывая чрезмерно формализованную природу правового регулирования общественных отношений в уголовном процессе, не позволяет расширительно толковать понятие исповеди и включать в него акты покаяния, существующие в других религиях. В каком-то смысле такое положение вещей свидетельствует о дискриминации священнослужителей других религий, которые в случае попадания в сферу уголовного судопроизводства, будут вынуждены под страхом уголовной ответственности дать показания. Любопытно, что при этом ч. 2 ст. 14 Конституции РФ и ч. 1 ст. 4 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» закрепляют равенство религиозных объединений перед законом [9].

«Частная исповедь, — пишет К. Андреев, — с необходимостью хранить полученные во время нее сведения является древнейшим видом религиозной тайны и в разной форме присутствует в различных авраамических религиях». Авраамические религии являются монотеистическими, происходящими из древней традиции. К таким религиям относятся иудаизм, христианство и ислам, в двух последних тайна исповеди именуется соответственно «виддуй» и «тауба» [7; с. 12].

По мнению Н.Ю. Волосовой, христианское таинство исповеди совершается только в католических и православных церквях, то есть свойственна только христианским религиям [6; с. 56].

По замечанию И.В. Смольковой, протестантская церковь отвергла традиционное христианское представление о таинствах и осудила исповедь. Тем не менее, протестантские богословы и проповедники считают важным средством освобождения от греха и личное покаяние, которое является своеобразным самоотчетом перед Богом [5; с. 121].

Как видно из анализа литературы по вопросу свидетельского иммунитета священнослужителей, проблеме тайны исповеди не избавлена от плюрализма мнений. Несмотря на это, все ученые сходятся в том, что институт тайной исповеди присущ не только православию и католицизму, но и иным религиозным течениям.

Выше уже было сказано, что одним из проблемных является вопрос об объеме свидетельского иммунитета священнослужителя.

Интересно, что закон по-разному позволяет истолковывать объем свидетельского иммунитета в отношении

служителей церкви. Так, из формулировки п. 7 ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [9] следует относительный характер иммунитета («7. Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди»). УПК РФ обозначил иммунитет священнослужителя как абсолютный («... не подлежит допросу в качестве свидетеля... священнослужитель...»)[10].

Мы полагаем данная проблема должна решаться по правилам о коллизии правовых норм, то есть в пользу специального закона. Специальным законом, регулирующим правовое положение священнослужителя в уголовно-процессуальных отношениях, является УПК РФ, следовательно, свидетельский иммунитет такого лица следует рассматривать как абсолютный. Это означает, что лицо ни при каких обстоятельствах не может раскрыть тайну исповеди, а в случае, если священнослужитель пожелает это сделать, он не может быть допрошен в качестве свидетеля.

В то же время А.В. Пчелинцев допускает возможность раскрытия тайны исповеди, но такой случай, по его мнению, является исключительным и распространяется на те ситуации, когда священнослужителю становится известно из исповеди о факте готовящегося тяжкого или особо тяжкого преступления. «Моральный долг священнослужителя, — считает ученый, — о предотвращении готовящегося преступления ни в коем случае не может

быть превращен в его юридическую обязанность. Следовательно, данное требование должно быть зафиксировано не в нормах светского права, а во внутренних установлениях самих религиозных организаций... Таким образом, не абсолютный, а относительный характер тайны исповеди будет наиболее полно соответствовать принципу социальной ответственности, когда речь идет о таких фундаментальных ценностях, как жизнь и безопасность человека» [11; с. 38].

Вышеназванная точка зрения обоснованно подвергается критике, поскольку для принятия решения о раскрытии тайны исповеди священнослужитель должен определить категорию готовящегося преступления, что может быть затруднительно с учетом отсутствия у священнослужителя юридического образования.

Таким образом, краткий анализ институтов свидетельского иммунитета священнослужителя и тайны исповеди показал, что в теории уголовно-процессуального права существует несколько проблем определения характера и объема свидетельского иммунитета священнослужителя, а на практике могут возникнуть трудности с толкованием понятия тайны исповеди.

Полагаем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство требует корректировки. Считаем необходимым дополнить ст. 5 УПК РФ нормой дефинитивного содержания, в которой тайну исповеди следует истолковывать как акт покаяния, свойственный не только христианству, но и другим мировым религиям.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 21 июля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: по сост. на 13 июля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
3. Бандурин, С.Г., Громов Н.А. О проблемах свидетельского иммунитета / С.Г. Бандурин, Н.А. Громов // Следователь. — 2004. — № 7. — с. 18–23.
4. Федякин, К.П. Теоретические и практические проблемы свидетельского иммунитета в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.П. Федякин. — Саратов, 2007. — 170 с.
5. Смолькова, И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дисс. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.09 / И.В. Смолькова. — Иркутск, 1998. — 404 с.
6. Волосова, Н.Ю. Особенности правового регулирования участия священнослужителя в уголовно-процессуальных отношениях / Н.Ю. Волосова // Закон и право. — 2008. — № 4. — с. 56–58.
7. Андреев, К. Трансформация института тайной (частной) исповеди во внутренних установлениях религиозных организаций / К. Андреев // Религия и право. — 2014. — № 3. — с. 12–16.
8. Татьяна, Д., Закирова Л. Проблемы тайны исповеди в уголовном процессе / Д. Татьяна, Л. Закирова // Вестник ОГУ. — 2011. — № 3. — с. 140–142.
9. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 39. — Ст. 4465.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: по сост. на 13 июля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.
11. Пчелинцев, А. Правовое измерение тайны исповеди / А. Пчелинцев // Религия и право. — 2011. — № 3. — с. 37–38.

Определение доходов иностранных организаций от деятельности в Российской Федерации в целях исчисления налога на прибыль организаций

Филиппова Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

В целях налогообложения российское законодательство подразделяет всех налогоплательщиков на две группы — физические лица и организации. Причем последнюю группу составляют как российские, так и иностранные организации. Поэтому справедливо утверждение, что порядок исчисления и уплаты налогов и сборов, установленных на территории Российской Федерации, одинаков как для российских, так и для иностранных организаций. Исключение составляет порядок налогообложения налогом на прибыль организаций. В целях его взимания законодательство Российской Федерации о налогах и сборах содержит ряд специальных правовых норм, устанавливающих существенные особенности налогообложения прибыли иностранных организаций на территории Российской Федерации. Следует отметить, что данное положение не препятствует реализации конституционного принципа равенства при налогообложении иностранных организаций. В соответствии с Конституцией РФ принцип равенства требует учета фактической способности к уплате налога, исходя из правовых принципов справедливости и соразмерности. Принцип равенства в отношении обязанности платить законно установленные налоги и сборы (ч. 2 ст. 6 и ст. 57 Конституции РФ) предполагает, что равенство должно достигаться посредством справедливого перераспределения доходов и дифференциации налогов и сборов [2; 287]. Кроме того, иностранные организации обладают теми же правами на защиту своих законных интересов, в том числе и по спорам, возникающим из налоговых правоотношений, что и российские юридические лица [3].

В Российской Федерации иностранные организации образуют две группы налогоплательщиков — иностранные организации, осуществляющие свою деятельность в Российской Федерации через постоянное представительство и иностранные организации, получающие доходы от источников в Российской Федерации [1]. В отношении каждой группы предусмотрены специальные нормы, устанавливающие порядок исчисления и уплаты налога на прибыль организаций.

Для иностранных организаций, осуществляющих деятельность в Российской Федерации через постоянное представительство, объекты налогообложения перечислены в пункте 1 статьи 307 Налогового кодекса Российской Федерации. Ими признаются:

1) доходы, полученные иностранной организацией в результате осуществления деятельности на территории Российской Федерации через ее постоянное представительство, уменьшенные на величину произведенных этим постоянным представительством расходов;

2) доходы иностранной организации от владения, пользования и (или) распоряжения имуществом постоянного представительства этой организации в Российской Федерации за вычетом расходов, связанных с получением таких доходов;

3) другие доходы от источников в Российской Федерации, относящиеся к постоянному представительству.

Специалисты, осуществляя толкование пункта 1 статьи 307 Налогового кодекса Российской Федерации, разъясняют, что прибыль иностранной организации от деятельности в Российской Федерации через постоянное представительство определяется как разность между всеми относящимися к постоянному представительству доходами и всеми произведенными этим постоянным представительством расходами, исчисленными в соответствии с положениями Главы 25 Налогового кодекса Российской Федерации.

Требует уточнения понятие «имущество постоянного представительства», Субъектом вещных прав по гражданскому законодательству выступает юридическое лицо, а не его подразделение. Исходя из определения, рассмотренного в первой главе настоящего исследования, постоянное представительство представляет собой подразделение головной иностранной организации, которое не может быть признано самостоятельным юридическим лицом, поскольку выполняет частично или в полном объеме функции иностранного юридического лица. Таким образом, постоянное представительство иностранной организации не может выступать собственником имущества на территории Российской Федерации. В данном случае под имуществом постоянного представительства следует понимать имущество иностранной организации, владение, пользование и (или) распоряжение которым осуществляет постоянное представительство от имени этой иностранной организации.

Представляется, что подпункт 2 пункта 1 статьи 307 Налогового кодекса Российской Федерации необходимо изложить в следующей редакции: «доходы иностранной организации, от имущества, владение, пользование и (или) распоряжение которым от ее имени осуществляет постоянное представительство, за вычетом расходов, связанных с получением таких доходов».

Получая доходы от источников в Российской Федерации, иностранные организации могут не образовывать на территории Российской Федерации постоянного представительства, но признаваться налогоплательщиком по налогу на прибыль организаций.

Под доходами от источников в Российской Федерации понимаются доходы, полученные иностранной

организацией и не связанные с ее предпринимательской деятельностью в Российской Федерации. Для указанных иностранных организаций объектом налогообложения признается прибыль, определяемая как доходы, полученные от источников в Российской Федерации. Для иностранных организаций, получающих доходы от источников в Российской Федерации, налоговая база определяется отдельно по каждому виду таких доходов.

Статья 309 Налогового кодекса Российской Федерации к доходам от источников относит:

1) дивиденды, выплачиваемые иностранной организации — акционеру (участнику) российских организаций;

2) доходы, получаемые в результате распределения в пользу иностранных организаций прибыли или имущества организаций, иных лиц или их объединений;

3) процентный доход от долговых обязательств любого вида, включая облигации с правом на участие в прибылях и конвертируемые облигации, в том числе;

4) доходы от использования в Российской Федерации прав на объекты интеллектуальной собственности;

5) доходы от реализации акций (долей) российских организаций, более 50 процентов активов которых состоит из недвижимого имущества, находящегося на территории Российской Федерации, а также финансовых инструментов, производных от таких акций (долей), за исключением акций, признаваемых обращающимися на организованном рынке ценных бумаг;

6) доходы от реализации недвижимого имущества, находящегося на территории Российской Федерации;

7) доходы от сдачи в аренду или субаренду имущества, используемого на территории Российской Федерации, в том числе доходы от лизинговых операций;

8) доходы от международных перевозок (в том числе демереджи и прочие платежи, возникающие при перевозках);

9) штрафы и пени за нарушение российскими лицами, государственными органами и (или) исполнительными органами местного самоуправления договорных обязательств;

10) иные аналогичные доходы.

Перечень доходов иностранной организации от источников в Российской Федерации является открытым, что позволяет включать в этот объект налогообложения все доходы, полученные иностранной организацией без образования на территории России постоянного представительства.

Объединение указанных доходов в отдельную категорию, а также необходимость квалификации иных не закрепленных в статье 309 Налогового кодекса Российской Федерации доходов в качестве доходов от источников в Российской Федерации влечет необходимость определить их признаки.

Отнесение доходов иностранной организации к той или иной группе имеет большое значение, поскольку оказы-

вает влияние на величину налоговых платежей. Ведь доходы, получаемые иностранной организацией от ее деятельности через постоянное представительство, могут быть уменьшены на величину произведенных расходов, а уменьшение доходов от источников на величину расходов предусмотрено только для доходов от реализации акций (долей) российских организаций и от реализации недвижимого имущества, находящегося на территории Российской Федерации.

Из определения, закрепленного в Налоговом кодексе Российской Федерации, следует, что основным признаком, которым обладают доходы от источников, является отсутствие их связи с предпринимательской деятельностью. Иными словами это доходы от деятельности, не направленной на систематическое получение прибыли, следовательно, не влекущей образования постоянного представительства. Это обстоятельство не исключает возможности получения доходов от источников уже созданным на территории Российской Федерации постоянным представительством иностранной коммерческой организации.

Поэтому деятельность, приносящая доходы от источников в России, может осуществляться постоянным представительством или непосредственно иностранной организацией без создания каких-либо специальных подразделений на территории России.

Доход от источников в Российской Федерации может быть получен иностранной организацией от российских физических лиц, юридических лиц или их объединений, от Российской Федерации и муниципальных образований в лице органов государственной власти или органов местного самоуправления.

В зависимости от видов источников доходы могут быть разделены на следующие группы:

В зависимости от объекта дохода:

1) доходы от участия в российских организациях;

2) доходы по долговым обязательствам государства, муниципальных образований или российских организаций;

3) доходы от использования имущества иностранной организации и объектов интеллектуальной собственности на территории Российской Федерации;

4) доходы в виде платежей за нарушение договорных обязательств.

В зависимости от плательщика:

1) доходы от физических лиц;

2) доходы от юридических лиц;

3) доходы от органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Применение выявленных признаков доходов иностранной организации от источников в России и представленной классификации позволит выработать единую позицию налоговых органов и налогоплательщиков — иностранных организаций при квалификации доходов и определении налоговой базы по объекту в виде доходов от источников в России.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 (ред. от 23.11.2015) № 117-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2000, № 32, ст. 3340
2. Аксенова, А. А. Налоговые вычеты по НДФЛ, как инструмент реализации конституционного принципа равенства // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2010. № 3. с. 287
3. Федорова, И. А. Защита отдельных прав налогоплательщиков: тенденции и совершенствование законодательства // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. 451 с.

Правовая социализация населения как ключевое направление деятельности юридических клиник

Хадисов Сайхан Вахаевич, студент
Чеченский государственный университет

В статье рассматриваются важнейшие направления деятельности юридических клиник, анализируется роль юридических клиник в повышении правосознания населения и оказания различного спектра юридических услуг.

Ключевые слова: правовая социализация, юридическая клиника, юридические услуги.

Основой возникновения и необходимым условием дальнейшего существования гражданского общества является развитое правовое сознание у населения.

Гражданское общество представляет собой совокупность экономических, социальных, культурных связей, посредством которых люди удовлетворяют свои частные интересы и, по мнению М. Н. Марченко, характеризуется высоким уровнем материальной обеспеченности всех без исключения членов общества и неразрывно связанным с этим высоким уровнем их общей и правовой культуры, а также соответствующим им уровнем правового сознания. [3, с. 14]. Существующие социальные институты, которые в совокупности и образуют гражданское общество, являются различными формами объективизации правового сознания общества, его институциональным отражением и проявлением вовне. Уровень развития и возможности эффективного функционирования данных институтов прямо пропорциональны уровню развития правосознания общества в целом. Таким образом, гражданское общество и социально-экономические, социально-культурные и социально-политические институты, через которые оно выражает и проявляет себя, являются не статичными, раз и навсегда устоявшимися, не изменяющимися социальными формами существования общества с раз и навсегда определенным содержанием, а динамичными категориями, которые возникают, изменяются, исчезают в зависимости от существующих на данный момент потребностей общества и стоящих перед ним задач.

Глобализация и изменения, происходящие в современном мире, требуют оперативного реагирования на них, и развитое правовое сознание общества является ключевым

фактором для формирования способности институтов гражданского общества отвечать вызовам современности и эффективно справляться со своей основной задачей — удовлетворением интересов общества во всех сферах его жизнедеятельности.

Проблемы повышения правовой культуры, правового сознания общества являются одними из самых острых и актуальных в современной России.

Переходный период, в котором находится государство, характеризуется и определяется не количественными характеристиками в экономической, политической, социально-культурной сферах, а качественными, немаловажное значение среди которых имеет уровень развитости правового сознания общества.

Правовое сознание, являясь частью более широкого по своему содержанию общественного сознания, представляет собой совокупность правовых взглядов, идей, представлений, теорий, оценок, через которые выражается отношение отдельной личности, социальных групп, всего общества в целом, к праву, действующему в данный период времени и к желаемому праву, к правовому поведению и различного рода правовым явлениям. [5, с. 23].

Правосознание предполагает осмысление и оценку права, осознание необходимости создания развитой системы законодательства, восприятие процесса и результата реализации права. [4, с. 276].

Смена социально-политического строя и экономического уклада и создание новой, демократической России ставят власть и общество перед необходимостью воспитания нового человека, обладающего высокой гражданской активностью, участвующего в социально-политической жизни общества, активно пользующегося своими

правами и выполняющего установленные законом обязанности.

В субъектах Российской Федерации, устроенных по национально — территориальному признаку, процессы, связанные с установлением права как формы регулирования общественных отношений, протекают относительно сложно, что связано с традиционным укладом жизни общества в них, низким уровнем правового сознания населения, а также отсутствием соответствующей традиции и практики использования права как инструмента для регулирования различного рода общественных отношений и возникающих в связи с ними споров.

Однако традиционные институты общества для рассмотрения любого рода разногласий и споров, опирающиеся в своей деятельности на нормы морали, нравственности и религии, не в состоянии эффективно регулировать общественные отношения, в связи с чем люди все чаще прибегают к правовым способам разрешения споров и отстаивания своих интересов. Это предполагает организацию эффективной и слаженной работы механизма, ориентированного на правовую социализацию отдельной личности и общества в целом, разъяснения предоставляемых правом возможностей, выраженных в субъективных правах граждан и корреспондирующих им обязанностей.

«Правовую социализацию можно определить как процесс приобщения индивида к социально-правовой среде, включающей познание правовых принципов и норм, формирование позитивно-оценочного отношения к ним, овладения навыками правового поведения и общения, освоение социально-правовых ролей и соответствующих им прав и обязанностей, формирование правовых установок и ценностно-правовых ориентаций, в результате чего индивид приобретает систему личностных свойств и качеств, необходимых для адекватного функционирования в сфере правового регулирования» [2, с. 84–85].

Правовая социализация проходит в социокультурной среде, на качественное изменение которой оказывает прямое или опосредованное влияние множество духовных и материальных факторов, образующих постоянно меняющиеся многоуровневые полисистемы, непосредственно определяющие тенденции развития правовой культуры общества. [1, с. 63].

Отдельная личность приобретает правовой опыт и приобщается к праву в точках непосредственного со-

прикосновения с ним. Однако, для решения задач правовой социализации общества в целом требуется наличие специализированных структур и институтов, обеспечивающих постоянное, систематическое и масштабное проведение различного рода мероприятий в форме конкурсов, тематических игр, встреч, акций, оказания юридических услуг на безвозмездной основе и т.п. Необходимо существование и функционирование организаций, обслуживающих гражданское общество и удовлетворяющих потребности людей, связанных с правом.

Юридические клиники являются важным звеном в структуре организаций негосударственного сектора, деятельность которых направлена на правовое просвещение населения и оказания юридических услуг.

Юридическая клиника — участник негосударственной системы бесплатной юридической помощи. Юридические клиники создаются на базе высших учебных заведений с целью правовой помощи и правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи. Юридическая клиника создается в качестве юридического лица, если такое право предоставлено образовательной организации высшего образования ее учредителем, или структурного подразделения образовательной организации высшего образования. [6].

Созданные при юридических факультетах высших учебных заведений, юридические клиники имеют одну особенность, отличающую их от иных, участвующих в правовой социализации населения, организаций, которая заключается в выполнении ими двойной задачи: во-первых, оказание юридических услуг и правовой помощи населению, во-вторых, получение студентами юридического факультета профессиональных практических навыков юридической работы и навыков соблюдения норм профессиональной этики, а также опыта непосредственного применения норм права к различным правовым ситуациям.

С этой точки зрения, роль общественных организаций в целом и юридических клиник, в частности, в процессе правового просвещения общества, правовой социализации населения представляется важной и необходимой, способной достичь прогрессивных результатов при должной организации их деятельности и эффективном ее осуществлении.

Литература:

1. Гуляихин, В. Н., Широ С. В. Концептуальные подходы к теории и практике правовой социализации человека // Право и образование. 2012. № 8. с. 59–67.
2. Давитнидзе, И. Л., Жеругов Р. Т. Правовая социализация как фактор формирования жизнеспособного поколения // Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: Науч. сессия Ин-та молодежи, 28 февр. 1996 г. / Ин-т молодежи. М., 1996. с. 84–85.
3. Марченко, М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2008. с. 126–134.
4. Основы права. Учебник под ред., д.юр.н. В. В. Лазарева, изд., 2. — М.: Юристъ, 2001. — 448 с.
5. Фарбер, И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. — М.: Юридическая литература, 1963. — 205 с.
6. Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Становление и развитие института смягчения наказания в отечественном уголовном законодательстве с конца XVI до начала XX века

Ходжалиев Салех Айсевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

Институт обстоятельств, смягчающих наказание окончательно сформировался только к началу XVII века. Так, в документе Разбойного приказа «Об убивственных делах» 1629 года, подготовленном за подписью дьяка Никиты Постникова встречается описание следующего случая. 24 июня в Белевском уезде убили Павла Лодыженского его люди — Оношка да Безсонка, да крестьянин Исачка, и с пыток они говорили, что «убили его за то, что он имал жен их детей на постелю сильно». И государь тех убийц «пожаловал, велел им смерти в живот не дать, сослав в Сибирь на пашню с женами» [1].

Утверждение идеи виновной ответственности было сопряжено и с появлением в законодательстве определенных суждений о возрасте и вменяемости как условиях ответственности и оснований для смягчения наказания (освобождения от него). Еще в Кормчей книге устанавливалось правило о ненаказуемости убийства, совершенного «седми лет отроком или бесным» [2]. В XVII веке это правило сохранялось, однако, скорее всего, применялось по принципу *ad hoc*. Свидетельством чему могут выступать приведенные в литературе примеры, с одной стороны, о наказуемости малолетних («Ивашко Жучков лет восьми или девяти сидит в тюрьме и, в тюрьме сидя, кляплет напрасно»), с другой стороны, о ненаказуемости преступлений, совершенных «по простоте ума» («а что поп Клементий величание пел не так, и мы того ему Клементию, для простоты его, в вину ставити не велели»).

Таким образом, Уложение 1649 года, восприняв и последовательно воплощая идею ответственности в зависимости от наличия, характера и степени вины, пожалуй, впервые в истории русского уголовного права дает более или менее совершенную, отвечающую уровню развития юриспруденции, систему оснований для смягчения ответственности и уголовного наказания, в основе которой лежали представления о субъективных причинах совершения преступления, степени реализации преступного намерения и личности виновного. Именно личность и субъективные факторы преступления стали той основой, которая служила становлению и развитию начал смягчения наказания в уголовном праве.

Дальнейшая эволюция законодательных правил смягчения наказания связана с Артикулами Воинскими Петра I, изданными в 1715 году [3]. Действуя параллельно с Соборным Уложением и будучи предназначенным изначально для регулирования военно-правовых и военно-уголовных отношений, этот акт имел гораздо большее значение, нежели ведомственная инструкция. Дальнейшему развитию института смягчения наказания во многом способствовало общее смягчение нравов русского обще-

ства, проникновение на его почву идей просвещения и гуманизма, зарождение научных представлений о природе преступления и наказания. Большое влияние на законодательную и правоприменительную практику при этом оказал идейный документ Екатерины II, ее Наказ, данный Комиссии о составлении проекта нового Уложения [4]. Составленный на основе произведений Монтескье и Беккариа, он в концентрированном виде представлял важнейшие научные и идеологические установки относительно содержания уголовного права в целом, и конструирования института назначения наказания, в особенности.

Наказ в известной мере опережал условия российской действительности и был лишь декларативным документом. Но он заложил определенную идейную основу, сформулировал идеалы, к которым можно и необходимо было стремиться. Дальнейшее развитие российского уголовного права, как свидетельствует история, было во многом предопределено содержанием этого документа. Вольно или невольно, прямо или косвенно, последовательно или с отступлениями, но идеи гуманизации уголовного права и особенно уголовного наказания утвердились на российской почве, проникали в законодательство и в практику его применения.

Уложение 1845 года стремилось к тому, чтобы максимально регламентировать, формализовать деятельность суда по смягчению наказания. В рамках настоящей работы нет возможности детально излагать содержание соответствующих предписаний. Достаточным будет понять некоторые основные, принципиальные положения.

Во-первых, смягчение наказания судом было возможно только и исключительно в пределах санкции, установленной законом. Статья 147 гласила: «Суд не может определить иного наказания, кроме того, которое в законе за судимое им преступление именно предназначено. Но в некоторых случаях самим законом ему предоставляется право, по соображении сопровождавших преступление, более или менее увеличивающих или уменьшающих вину подсудимого обстоятельств, увеличивать или уменьшать меру следующего ему наказания, только не выходя из пределов, также законами для сего постановляемых» [5].

Во-вторых, в основу деятельности суда по смягчению наказания была положена весьма обширная, детализированная лестница наказаний, подразделяющая их на разряды (уголовные и исправительные), роды и степени. При этом общее правило, зафиксированное в ст. 135 Уложения, определяло, что «в случаях, уменьшающих вину подсудимого обстоятельств, суду предоставляется уменьшить меру следующего виновному наказания в пределах

назначенной законом степени или понижать оное одною или двумя степенями». Иными словами, общий принцип заключался в снижении размера, но не в изменении вида наказания. Только в том случае, когда понижение степени наказания было невозможным в силу конструкции санкции, суд наделялся правом перейти к более мягкому виду наказания, определенному санкцией соответствующей статьи Уложения.

В-третьих, законодатель использовал два подхода к формулированию правил смягчения наказания судом. Для некоторых специальных случаев (покушение, соучастие) закон строго предписывал степень снижения наказания, в то время как для иных ситуаций (при наличии в деле смягчающих обстоятельств, указанных в ст. 134) объем снижения наказания определен не был, а необходимость смягчения формулировалась лишь в общем виде. [6]

В-четвертых, смягчение наказания судом было возможно как на основании материально-правовых предписаний, так и в силу положений процессуального закона. Согласно ст. 828 Устава уголовного судопроизводства присяжным заседателям было предоставлено право признать преступника заслуживающим снисхождения без указания оснований такого признания. По такому вердикту присяжных суд был обязан уменьшить наказание на одну или на две степени [7].

Уголовное Уложение от 22 марта 1903 года, как известно, не было введено в действие полностью. Но нормы, касающиеся назначения наказания, действовали.

Оценивая долгий путь развития анализируемых уголовно-правовых норм, представляется возможным определить некоторые принципиальные моменты, составляющие основные вехи, этапы и направления их эволюции:

Литература:

1. Шепелин, И. В. Заявление о преступлении исторический очерк исследования вопроса от Русской Правды до наших дней //Евразийский юридический журнал. 2013. № 11 (66). — с. 105.
2. Развитие русского права в XV — первой половине XVII века /Под ред. В. С. Нерсесянц. — М.: Юриздат, 1986. — с. 160.
3. Имамов, М. М. Виды наказаний и принципы формирования их системы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань: Изд-во КазГУ, 2010. — с. 22.
4. Антология мировой правовой мысли. Россия XI — XIX веков /Под ред. Е. А. Скрипилев. — М.: Критика буржуазной идеологии и ревизионизма, 1999. — с. 128.
5. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. — М.: Юристь, 1994. — С.198.
6. Осипов, П. И. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовой санкции. — Госюриздат, 1976. — С.68.
7. Сергиевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. — СПб.: Печатное Дело, 1910. — с. 70.

1. От идеи гуманизации наказания, отраженной в ментальных установках и правосознании и реализуемой по принципу *ad hoc*, смягчение наказания прошло долгий путь к разветвленной нормативно установленной системе принципов и правил.

2. От фиксации в качестве специальных норм и норм-толкований, расположенных в системе предписаний об ответственности за отдельные преступления, смягчение наказания эволюционировало в сторону обобщенных правил, распространяющихся на все типовые случаи и фиксируемые в общей части уголовного закона.

3. От смешения правовой природы правил смягчения наказания с природой обстоятельств, исключающих ответственность, правил замены наказания и освобождения от него, к более четкому позиционированию предписаний о смягчении наказания в качестве составной части института назначения наказания.

4. От абсолютно определенных предписаний, жестко сковывающих инициативу суда и устанавливающих конкретные основания, критерии и пределы смягчения наказания, законодатель перешел к формулировке общих правил, предоставлявших суду гораздо более широкие рамки для усмотрения.

5. От смягчения наказания только на основании данных о личности виновного законодатель перешел к более широкому кругу оснований, ядро которого составили данные о мотивах преступления, содержании и степени вины, степени реализации преступного намерения и степени активности лица в совершении преступления.

В представленном виде система нормативных предписаний относительно смягчения наказания просуществовала в России до октябрьских событий 1917 года, после чего она развивалась в совершенно иных политико-правовых условиях.

Родовое понятие прикосновенности к преступлению в системе современных категорий уголовного права

Ходжалиев Салех Айсевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

В УК 1996 г. впервые поставлена задача не только охраны личности, общества и государства от преступных посягательств, но и предупреждения преступлений (ч. 1 ст. 2). Как представляется, одним из средств такого предупреждения являются уголовно-правовые нормы о прикосновенности к преступлению. Вышесказанное требует обоснования с точки зрения общеметодологических подходов.

В науке уголовного права встречаются и прямо противоположные суждения по рассматриваемому вопросу. При этом нередко утверждается, что каждая уголовно-правовая норма издается для предупреждения преступлений, что уголовно-правовые отношения существуют в форме общепревентивных и частно-превентивных и, соответственно, предмет уголовно-правового регулирования определяют отношения, возникающие в связи с общим и специальным предупреждением преступлений [1].

Нам ближе то воззрение, согласно которому уголовно-правовому регулированию присущи, по меньшей мере, две разновидности целей: «1) цели уголовно-правового регулирования конфликта, возникшего в обществе в результате совершения преступления (покарать преступника, исправить его и т.д.); 2) цели уголовно-правового регулирования «обычных» общественных отношений: «предупредить», «уменьшить», «контролировать» число покушающихся на них преступлений» [2]. Мы солидарны с теми исследователями, которые считают, что предмет уголовно-правового регулирования включает в себя помимо предупредительных отношений также охранительные, регулятивные, а, возможно, и не которые другие уголовно-правовые отношения. Нормы уголовного права направлены как на охрану наиболее важных общественных отношений, так и на предупреждение совершения преступлений не только виновными, но и другими лицами [3].

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что согласно доктрине уголовно-правовое предупреждение преступлений зависит от применения уголовного наказания (санкции уголовно-правовой нормы). Вот что об этом пишет С.Л. Федоров: «Правовая норма должна быть сформулирована таким образом, чтобы предусмотренное ею наказание было способно обеспечить предупреждение преступлений, а в случае совершения преступлений — восстановление социальной справедливости, а также исправление виновного и предупреждение новых преступлений» [4]. Это, безусловно, правильно.

Как известно, в основании уголовного права лежат две идеи — о преступлении и наказании. Несколько

перефразируя известное высказывание можно утверждать: лучше предупредить совершение общественно опасного действия, чем наказывать за преступное причинение вреда. Этим мы хотим сказать, что немало важную роль в деле предупреждения преступлений играет и другая составная часть уголовно-правовой нормы — ее диспозиция, в которой содержатся признаки состава преступления и выражена его конструкция. В особенности это утверждение справедливо применительно к нормам, предусматривающим уголовную ответственность за прикосновенность к преступлению. Последние обладают особой юридической конструкцией, ибо в них описаны в качестве самостоятельных преступных деликтов составы таких деяний, которые обуславливают совершение преступлений другими лицами. Предупредительным потенциалом здесь обладает не санкция правовой нормы (которая, как правило, не предусматривает сурового наказания), а ее диспозиция, запрещающая под угрозой уголовного наказания совершать деяния, связанные с сокрытием чужого преступления или с непротивлением последнему.

Одним из критериев или внешних признаков нормативности является направленность правовой нормы на регулирование какого-либо типа или вида общественных отношений. По характеру целевой направленности выделяются коллизионные нормы (целевая направленность — разрешение возникающих в праве коллизий), восстановительные нормы (целевая направленность — восстановление нарушенных прав), компенсационные нормы (целевая направленность — возмещение, восстановление потерь) и др. С учетом приведенного критерия (целевой направленности) можно выделить такую разновидность правовых норм как «предупредительные» («превентивные») нормы или, как их именуют в криминологии, нормы «с двойной превенцией». Под последними следует понимать общеобязательные правила поведения в виде запретов и позитивных обязываний, которые направлены на нейтрализацию (блокирование) факторов, детерминирующих воспроизводство преступности и способствующих совершению преступлений. В двухзвенной цепи причинения вреда такие юридические конструкции направлены на предупреждение как общественно опасных последствий, так и самого вредоносного деяния. Поэтому они и получили свое название — нормы «с двойной превенцией». С помощью указанных конструкций законодатель криминализирует деяния, которые создают «благоприятную» обстановку (условия) для совершения преступлений.

Вместе с тем, вряд ли правильно считать, что проблематика прикосновенности сводится к вопросу существования в Особенной части УК 1996 г. одной статьи. Ограничения в правовой регламентации прикосновенных к преступлению деяний не означают их исчезновение из реальной жизни; следовательно, сохраняется необходимость отграничения прикосновенности от соучастия, установления ее сути в ряде составов Особенной части УК, не говоря уж об интересе к истории возникновения прикосновенности и тенденциям развития этого явления. Спорным представляется и мнение о нецелесообразности определения понятия прикосновенности к преступлению. Еще в советской доктрине иногда утверждалось, что в уголовном праве нет никакой необходимости и пользоваться этим понятием, поскольку формы прикосновенности есть самостоятельные составы преступлений.

Между тем, понятие прикосновенности к преступлению — не плод воображения, а отражение реально существующих общественно опасных деяний с присущими им признаками. Необходимость уголовно-правовой оценки этих деяний вызвана, прежде всего, потребностями общества в предупреждении наиболее опасных или распространенных преступлений. По мнению специалистов, успех такой деятельности в значительной мере зависит и от противодействия проявлениям прикосновенности» [5].

Родовые и видовые понятия — это не условность, придуманная для удобства классификации. Каждое из них отображает особенное, качественно определенное состояние окружающего мира. Основываясь на сказанном, обратимся к выявлению и раскрытию признаков, составляющих родового понятия прикосновенности к преступлению.

В самом общем юридическом смысле прикосновенность к преступлению можно определить как позитивное, негативное или социально нейтральное явление, включающее в себя такие формы поведения, которые так или иначе связаны с преступлениями, совершаемыми или совершенными другими лицами. При этом указанное поведение получает различную юридическую оценку. Оно может рассматриваться как общественно-полезная деятельность, как случайная причастность к криминальному событию, как аморальное поведение, дисциплинарный

проступок, административное правонарушение или как преступление.

Прикосновенность как общественно полезная деятельность включает в себя такие виды социально позитивного поведения, которые направлены на защиту прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также предупреждения преступлений. Это, к примеру, законная деятельность следователя, прокурора, адвоката, судьи, иных участников уголовного судопроизводства.

Прикосновенность как случайная причастность к криминальному событию имеет место, например, в отношении свидетеля преступления.

Прикосновенность как аморальное поведение представляет собой такие деяния, как одобрение преступлений, совершенных другими лицами, укрывательство супругом или близким родственником лица, совершившего особо тяжкое преступление и пр.

Прикосновенность к преступлению может являться дисциплинарным проступком. К видам прикосновенности, наказуемым в административно-правовом порядке, относятся непринятие должностным лицом мер по обеспечению установленного режима охраны посевов, мест хранения и переработки растений, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (ст. 10.4 КоАП РФ), сокрытие или искажение экологической информации (ст. 8.5 КоАП РФ), непредоставление сведений (информации), наказуемое по ст. 19.7 КоАП РФ.

УК РФ предусматривает ответственность за отдельные виды прикосновенности к преступлению, относящиеся к числу уголовно-наказуемых деяний. К ним следует отнести легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 и 174.1), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175), попустительство преступлениям (ст. ст. 285, 341–344), укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316). Объединение названных деяний в рамках родового понятия уголовно-наказуемой прикосновенности вполне допустимо с учетом объективных и субъективных признаков, составляющих его содержание.

Литература:

1. Николаев, П. М. Сущность и основания назначения наказания по УК РФ // Российский следователь. 2012. № 16. — с. 25.
2. Чучаев, А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. — М.: Проспект, 2010. — с. 109.
3. Кропачев, Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. — СПб.: Нева, 2009. — с. 63.
4. Федоров, С. Л. Понятие охранительной функции в уголовном праве, ее содержание и сущность // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. — № 45. — с. 12.
5. Смирнов, В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. — с. 51.

История возникновения и развития института компенсации морального вреда в российском праве

Хуснутдинова Светлана Азатовна, студент

Научный руководитель: Иванцова Г. А., кандидат юридических наук, доцент
Башкирский государственный университет

Институт компенсации морального вреда имеет свои глубокие исторические корни, несмотря на то, что в законодательстве он закреплен совсем недавно.

Внимание нематериальным благам уделялось еще в Древнем Риме. Законы XII таблиц выделяли причины личного оскорбления: в результате членовредительства, тяжкого телесного повреждения и при любом другом личном оскорблении. Изначально за обиду суд мог назначить конкретное вознаграждение, установленное в нормах римского права.

Таким образом, идея возмещения морального вреда зародилась в римском праве. Убийства, увечье, обиды с давних пор предоставляли потерпевшему право на денежное вознаграждение за моральный вред. Государство приветствовало получение такого вознаграждения от причинителя, которое вытесняло обычай личной расправы с последним со стороны потерпевшего или родственников [7].

Нормы, относящиеся к гражданскому и уголовному праву, связанные с выплатой материального вознаграждения имелись в источниках древнерусского права, а именно в договорах — первых письменных источниках, заключенных с греками князем Олегом в 911 году и князем Игорем в 945 году. Например, статья 4 договора 911 года устанавливала ответственность за убийство и предусматривала, в частности, в случае бегства убийцы, при наличии у него имущества обращение ее в пользу родственников убитого. Закреплялось денежное взыскание за причинение телесных повреждений, а также в результате имущественных преступлений.

Вышеуказанные договоры можно считать родоначальниками действующего на сегодняшний день института компенсации морального вреда [6].

Следующим шагом в развитии института морального вреда в российском праве является принятие Русской правды — первого кодифицированного акта. Данный правовой акт предусматривал целый ряд статей, устанавливающих защиту чести, жизни, здоровья, а также имущественной сферы человека.

В период становления Московского государства продолжается и развитие института компенсации морального вреда. В 1497 году издается Судебник Ивана III, предусматривающий наряду со смертной казнью взыскание головщины из имущества убийцы. В 1550 году принимается Судебник Ивана VI, в котором также есть положение о возможности предъявления гражданского иска за убийство. Вышеуказанные положения Судебника 1497 года и Судебника 1550 года содержали нормы, определя-

ющие денежные суммы в пользу обиженного, при этом ее размер зависел от сословия пострадавшего.

Соборное Уложение 1649 года, принятое А. М. Романовым, становится более совершенным источником компенсации морального вреда, устанавливая точную регламентацию размеров возмещения за «бесчестье» людям различного звания, городским и сельским жителям, служилым и духовным лицам [5].

В период абсолютизма произошли значительные изменения в правовой системе России, в том числе и в развитии института компенсации морального вреда. В начале XIX века под руководством М. М. Сперанского было издано Полное собрание законов и Свод Законов Российской империи. Составители свода расположили действующие на тот момент акты по определенной системе, соответствовавшей отраслям права. Гражданское право было систематизировано в X томе свода законов [5].

В России еще достаточно долгое время господствовала точка зрения, базирующаяся на традиции римского права, то есть компенсация имела место в порядке гражданского судопроизводства, только если она косвенно отражалась на имущественных интересах потерпевшего.

Октябрьская революция 1917 года стала началом советской доктрины развития представлений о возмещении морального вреда. В данный период времени господствовала идея о недопустимости такого возмещения, так как гражданское право послереволюционной России не предусматривало понятие морального вреда и возможности его возмещения [8].

В ст. 1 Гражданского кодекса РСФСР от 1964 года закреплялось, что кодекс «... регулирует имущественные и связанные с ними неимущественные отношения». Это явилось причиной дискуссий о возможности материального возмещения за причиненный моральный вред.

Однако, необходимо отметить, что принятый 27 октября 1960 года Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР впервые в российском праве закрепил термин моральный вред, а именно: «Потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред». Следовательно, уголовное законодательство создавало больше возможностей для материальной компенсации моральных переживаний, чем действовавшее на тот момент гражданское законодательство [6].

Следующим этапом развития компенсации морального вреда связано с принятием Основ гражданского законодательства СССР от 31.05.1991 года, которые раскрыли содержание понятия «моральный вред» как «физиче-

ские и нравственные понятия», а также допускает возмещение морального вреда при наличии вины причинителя вреда [8].

Российские законодатели внесли нормы компенсации морального вреда в специальные законы: Закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г., Закон о защите прав потребителей» от 07.02.1992 г., Закон «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. и другие.

С принятием Гражданского Кодекса Российской Федерации сделан еще один шаг в развитии данного института гражданского права, выделив для регулирования нематериальных благ отдельную главу 8. Однако, в связи с довольно громоздкой системой конкуренции нормативных актов возникла проблема ее применения. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 20.12.1994 г. рассмотрел некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда. Оно

помогало установлению единообразия в вопросе конкуренции актов при компенсации морального вреда.

Обобщая вышеизложенное, можно увидеть постепенные этапы развития института компенсации морального вреда в России. Начиная с зарождения в древнерусском праве, когда государство поощряло взыскания с причинителя неимущественного вреда, так как это бы способствовало вытеснению кровной мести со стороны потерпевшего. Принятия кодифицированных актов и целого ряда источников на защиту чести, жизни, здоровья и имущественной сферы. На современный период компенсация морального вреда достаточно урегулирована нормами права и успешно применяется на практике. Кроме того, необходимо отметить, что возмещение морального вреда зародилось изначально в уголовном законодательстве. Со временем данный институт обязалось взять на себя гражданское право, при этом применяется компенсация морального вреда почти во всех отраслях российского права.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.
4. Постановление № 10 Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1995. — № 3. — с. 9–11.
5. Владимирский — Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — М.: Территория будущего., 2005—800 с.
6. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве. / Под ред. д-ра юрид. наук С. В. Тычинина. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. — 124 с.
7. Покровский, И. А. История римского права. — М.: Харвест., 2002—528 с.
8. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. — М.: Изд. группа ФОРУМ — ИНФРА-М, 1997. — 240 с.

Особое производство в гражданском процессе. Ограничение и лишение дееспособности: российский и зарубежный опыт

Чантурия Кристина Михайловна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Дееспособность представляет собой способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Такое определение дееспособности дает нам Гражданский Кодекс Российской Федерации» (далее ГК РФ) [1, с.44]. Однако дефиниция дееспособности в законах других стран изложена идентичным образом. Нельзя не отметить тот факт, что дееспособность — один из фундаментальных институтов гражданского права, благодаря которому возможно опре-

делить правовое положение физического лица. Именно поэтому лишение или ограничение гражданина дееспособности в разных странах имеет, как общие черты, так и некоторые различия.

Законодатель РФ четко определил случаи, когда гражданин может быть лишен дееспособности, а когда дееспособность ограничивается. В первом случае основанием является неспособность гражданином вследствие психического расстройства понимать значение своих действий или руководить ими, а во втором — пристрастие лица

к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками, наркотическими средствами, что ставит его семью в тяжелое материальное положение. Причем последнее является обязательным условием. К примеру, если у лица присутствуют вышеперечисленные зависимости, а в семейных отношениях он не состоит, либо это не причиняет его семье больших финансовых трудностей, то оно не может быть ограничено в дееспособности согласно указанным основаниям.

Если обратиться к развитию законодательства относительно этого вопроса во Франции, то до 2009 года Гражданский кодекс [2, с. 324] данной страны закреплял подобные основания для ограничения лица дееспособности, в частности, действия, ставящие под угрозу материальное благополучие семьи.

Если говорить об европейских странах в целом, то основанием ограничения или лишения лица дееспособности является непосредственно степень соответствующего психического расстройства, а в ряде стран (Испания, Германия) возможно ограничение дееспособности не только в связи с наличием психического, но и физического заболевания, из-за наличия которого лицо не может самостоятельно руководить собой и своими действиями. Что касается степени соответствующего психического расстройства, то такой тактики в решении признания лица ограниченно дееспособным придерживаются такие страны, как Италия, Болгария, Украина. В Болгарии достаточно наличие мягкой формы заболевания (ст. 5 Закона о лицах и семье) [3, стр. 78], а в Италии же наоборот — хронического психического расстройства (ст. 415 Гражданского Кодекса Италии) [4].

До принятия нового Гражданского кодекса Венгрии 2014 года использовался термин «патологическая склонность», подразумевавший снижение уровня умственной способности лица. Однако этот термин заменен на более широкое понятие, совпадающее с тем, которое дано в ГК РФ — психическое расстройство. Именно его наличие влечет за собой признание гражданина недееспособным.

В таких странах, как Бельгия, Испания, Швейцария, Франция, Австрия судом определяются различные пределы ограничения гражданских прав лица, то есть суд рассматривает каждую ситуацию индивидуально. Права ограничиваются в зависимости от того, насколько высока степень заболевания лица и (или) его неспособность руководить своими действиями, что дает достаточно твердую уверенность в гарантированной защите интересов лица. На мой взгляд, данный подход весьма актуален и мог бы в аналогичной форме, возможно, немного усовершенствованной применяться и в других странах.

Уже отмечалось, что ограничение или лишение дееспособности лица влечет за собой серьезные правовые последствия, поэтому совершенно логичен и обоснован тот факт, что бремя принятия такого решения лежит на суде. В Российской Федерации рассмотрение дел об ограничении или лишении лица дееспособности относится к делам особого производства. Обратиться в суд с заявле-

нием о признании лица ограниченно дееспособным могут члены его семьи, орган опеки и попечительства, медицинская организация, оказывающая лицу психиатрическую помощь (ч. 1 ст. 281 ГПК РФ) [5, стр. 98]. А инициировать признание лица полностью недееспособным могут члены его семьи, близкие родственники — родители, дети, братья, сестры (независимо от совместного с ним проживания), орган опеки и попечительства, медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь, или стационарное учреждение социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами (ч. 2 ст. 281 ГПК). Это *право* граждан Российской Федерации, однако законодательство Испании закрепляет за гражданами *обязанность* обращения в суд с соответствующей инициативой. Например, за лицом наблюдается, хоть и эпизодично, но неадекватное поведение, которое может свидетельствовать о психическом расстройстве лица и привести к причинению имущественных убытков или иного вреда третьим лицам. Если данные убытки или вред будут причинены, а лицо признано недееспособным, то на родственника (ов) ляжет обязанность по возмещению убытков. А в Германии гражданин вправе сам обратиться в суд или иные органы с заявлением об установлении опеки или попечительства над ним. В России же гражданин может самостоятельно обратиться в суд только с заявлением о признании себя вновь дееспособным.

Уже был перечислен исчерпывающий список лиц, посредством обращения с заявлением которых может быть возбуждено дело об ограничении или лишении дееспособности гражданина. Следует обратить внимание, что в этом списке нет прокурора, хоть и согласно части 1 статьи 45 ГПК прокурор вправе подать заявление в суд в защиту прав, свобод и законных интересов лица уже признанного судом недееспособным. Однако Гражданский процессуальный кодекс РСФСР [6, стр. 48] такую возможность прокурору предоставлял, а в ряде европейских стран прокурор и в настоящее время имеет такие полномочия (Франция, Испания, Латвия, Узбекистан и др.).

Итак, пред судом стоят две задачи — это определить медицинский и юридический критерии. Под медицинским понимается наличие психического расстройства, а под юридическим критерием — способность лица понимать значение своих действий и руководить ими. Поэтому большое значение здесь отдается заключению соответствующего специалиста.

Если в России обязательным является установление психического состояния лица, проведение экспертизы и заключение эксперта, то, к примеру, в Эстонии это не является обязательным условием. Законодатель посчитал, что если гражданин сам заявил о назначении ему опеки и в подтверждение предоставил документы, свидетельствующие о наличии таких оснований (медицинские справки), то в последующей экспертизе нет необходимости. Назначение экспертизы в Российской Федерации проходит в рамках подготовки к судебному разбирательству. При наличии достаточных оснований о психическом

расстройстве лица суд назначает судебно-психиатрическую экспертизу, а в случае уклонения лица от прохождения экспертизы суд в судебном заседании с участием прокурора и психиатра может вынести определение о принудительном направлении гражданина на судебно-психиатрическую экспертизу (ст. 283 ГПК).

Еще одной особенностью назначения экспертизы в ряде стран является то, что перед экспертизой не стоит единственная задача — определить одно только наличие психического заболевания лица. Помимо выявления данного факта стоят и такие задачи как выявление сведений, характеризующих объем опеки, ее продолжительность, а также существует ли необходимость в постоянной или временной опеки и т.д. А обусловлено это тем, что законодательство в этих странах закрепляет определенные периоды пересмотра этих решений (Во Франции — 5 лет, в Эстонии — 3 года). В различных странах суд пересматривает такие решения, а срок пересмотра, как правило, указывается в судебном постановлении, что не дает возможности лицу ходатайствовать о признании его дееспособным до определенного срока. В России же таких правил нет. Однако часть 3 статьи 43 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [7] закрепляет положение о том, что «стационарное учреждение социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами, обязано не реже одного раза в год проводить освидетельствования лиц, проживающих в нем, врачебной комиссией с участием врача-психиатра с целью решения вопроса об их дальнейшем содержании в этом учреждении, а также о возможности пересмотра решений об их недееспособности». Хотелось бы подчеркнуть, что распространяется данное положение на лиц, которые проживают в данных стационарах, но о гражданах, продолжающих проживать по своему месту жительства и получающих амбулаторное лечение (а возможно, не получающих его вовсе) в законе ничего не говорится. Соответственно инициатива о признании гражданина вновь дееспособным лежит на нем самом и государство никак не контролирует динамику течения болезни гражданина, признанного дееспособным, что может вызвать злоупотребления со стороны опекуна. Нормы международного права, закрепляя следующие положения, попытались оградить от таких действий недееспособное лицо.

Например, Конвенция о правах инвалидов [8], ратифицированная Российской Федерацией 3 мая 2012 года закрепляет: «Государства-участники обеспечивают, чтобы все меры, связанные с реализацией правоспособности, предусматривали надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Такие гарантии

должны обеспечивать, чтобы меры, связанные с реализацией правоспособности <...> применялись в течение как можно меньшего срока и регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной инстанцией». В соответствии с Принципами защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, утвержденными резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1991 г. № 46/119 [9], «решения, касающиеся дееспособности лица и его потребности в личном представителе, подлежат пересмотру через разумные промежутки времени в соответствии с внутригосударственным законодательством».

В европейских странах гражданин не может обратиться в суд с заявлением о признании его вновь дееспособным до определенного срока, в России таких ограничений нет. Так как лицо может обращаться с таким заявлением неограниченное количество раз, а это занимает время суда на рассмотрение такого заявления, назначение экспертизы, которая, между прочим, оплачивается государством. Как правило, такое заявление гражданина не удовлетворяется в связи с тем, что экспертиза вновь устанавливает наличие болезни. Соответственно, я считаю необходимым внесение определенных изменений или даже правильнее назвать это ограничениями в отношении этого вопроса.

Подводя итог проведенного анализа можно сделать вывод о том, что и в законодательстве европейских стран, и в законодательстве Российской Федерации предусмотрена возможность признания гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным. Такие полномочия во всех рассмотренных мною странах принадлежат суду. Законодательство России не закрепляет пределы и объем опеки над недееспособным гражданином, но в зарубежных странах этот вопрос решается индивидуально применительно к каждому случаю с учетом всех нюансов и обстоятельств.

Процедура ограничения дееспособности либо признания лица недееспособным, осуществляемая судом, как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации имеет сходства относительно круга лиц, которые имеют право обращения в суд с таким заявлением. Однако в некоторых странах прокурор входит в перечень таких лиц, что имело место быть в законодательстве СССР. Также ярким отличием является круг вопросов, ставящихся перед экспертами (в европейских странах он шире) и тот факт, что дела данной категории в европейских странах подлежат пересмотру в установленный законом срок. В том числе каждая страна в отдельности имеет свои особенности и нюансы. Опираясь на опыт зарубежных стран, учитывая специфику российского общества и законодательства, считаю возможным устранить его пробелы и избрать дальнейший прогрессивный путь его развития.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) // СПС «Консультант Плюс»

2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) перевод с французского В. Н. Захватаева, М., 2012.
3. Закон Болгарии о лицах и семье от 23 июля 1949 г., ст. 96 // Гражданское законодательство Народной республики Болгария. — М., Иностр. лит., 1952
4. Гражданский кодекс Италии // http://it.wikisource.org/wiki/Codice_civile
5. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 06.04.2015 с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // СПС «Консультант Плюс»
6. «Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) // СПС «Консультант Плюс»
7. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 N 3185—1 (ред. от 08.03.2015) // СПС «Консультант Плюс»
8. Конвенция о правах инвалидов, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 N61/106 // Система «Гарант»
9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1991 г. № 46/119 // Система «Гарант»

Развитие института смягчения наказания в уголовном законодательстве советского периода

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент
Чеченский государственный университет

Октябрьские события 1917 года прервали процесс эволюционного развития отечественного уголовного права, потребовали кардинального пересмотра всей правовой и судебной системы, создания принципиально нового уголовного законодательства. В силу естественной логики общественной жизни новая власть не могла одномоментно остановить действие нормативных актов дореволюционного времени. Декрет о суде № 1 от 24.11.1917 г. [1] определил, что «суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». «Революционная совесть», «революционное социалистическое правосознание» в первые годы советской власти становятся главными, основными критериями принятия любого правового решения, в том числе и связанного с назначением наказания; критериями, определяющими справедливость правоприменительного акта. В известной мере они могли подменять собой и формальные требования законов. [2].

Декреты советской власти в области уголовного права были достаточно многочисленны и отличались чрезвычайно большим диапазоном санкций. Как отмечалось в литературе: «Такая широкая шкала сроков лишения свободы в смысле низшего и высшего пределов возможного наказания и установление внутри этой шкалы различных довольно дробных сроков лишения свободы показывает, что индивидуализация наказания проводилась в самом уголовном законе. Само описание преступных составов и санкций по ним говорит о том, что индивидуализация наказания всегда являлась следствием учета самим

законодателем тяжести и опасности предусмотренного законом преступления, а в ряде случаев и устанавливаемой в самом законе формы виновности. Законодательная оценка преступного деяния, заключающаяся в указании в самом законе высшего или низшего пределов возможного лишения свободы, облегчала суду, при рассмотрении конкретных обстоятельств дела, дальнейшую индивидуализацию наказания» [3].

Многочисленные уголовно-правовые акты первых лет советской власти представляли собой весьма разобщенный, в определенной мере хаотичный материал. Возникшая потребность в его упорядочении и систематизации была реализована в 1919 году с принятием Руководящих начал по уголовному праву. Специфика первой советской систематизации состояла в том, что она объяла собой лишь нормы Общей части уголовного права. Это, на наш взгляд, объяснимо несколькими причинами: во-первых, характером и направленностью самих Руководящих начал, которые представляли собой не что иное как инструкцию судам; во-вторых, необходимостью четко обозначить концепцию борьбы с преступностью; в-третьих, влиянием весьма распространенных идей о возможности уголовно-правового регулирования без создания Особенной части с исчерпывающим перечнем составов преступлений. Отмеченные особенности в полной мере отразились в первом советском уголовном кодексе — УК РСФСР 1922 года. С изданием УК РСФСР 1922 г. было в основном завершено построение советского социалистического уголовного права, начатое с первых же дней революции. Многочисленные, и подчас весьма важные, позднейшие дополнения и изменения советского уголовного законодательства как общесоюзного, так и союзных

республик можно рассматривать как дальнейшее усовершенствование здания советского уголовного права.

Характеризуя в целом установленные новым законодательством правила назначения уголовного наказания, можно сказать, что изменения, внесенные в эту область новейшими течениями уголовно-юридической мысли, выразились 1) в расширении пределов власти суда при выборе меры наказания или социальной защиты с тем, чтобы и род, и продолжительность ее соотносились с характером преступника; 2) в освобождении кодекса от балласта квалифицированных или привилегированных деликтов, с сохранением только тех из них, которые имеют постоянное симптоматическое значение для степени опасности преступника или же интенсивности преступного настроения; 3) в усилении влияния на репрессию свойства мотивов преступления; 4) в уменьшении объективной важности деликта; 5) в перенесении центра тяжести определений закона, относящихся к выбору меры репрессии, в общую часть с установлением директив суду в этом вопросе, вместо прежней связанности суда санкциями особенной части; 6) в расширении рамок следствия для лучшего ознакомления с прошлым подсудимого; 7) в отнесении окончательного решения вопроса о продолжительности наказания в стадию исполнения приговора для корригирования возможных неточностей или даже ошибок в диагнозе характера преступника в приговоре, основанном на одном следственном материале.

Основы уголовного законодательства 1924 года, как известно, стали ответом на вопросы уголовно-правового регулирования, возникшие в связи с созданием СССР. Они легли в основу принимаемых в дальнейшем уголовных законов союзных республик.

В РСФСР таким законом стал УК 1926 года. Он развил традицию самостоятельного обособления института назначения наказания. Соответствующим проблемам в нем был посвящен Раздел 5 «О порядке применения мер социальной защиты судебно-исправительного характера». Важно обратить внимание на некоторые технические особенности изложения института назначения наказания: УК 1926 года впервые «развел» перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств в самостоятельные статьи закона, но в отличие от ранее действовавших актов отягчающие обстоятельства (ст. 47) разместил перед смягчающими (ст. 48), что в известной степени отражало усиление репрессивных начал советской уголовной политики. Изложение правил смягчения наказания не отличалось последовательностью и компактностью; в частности, после статьи о смягчающих обстоятельствах законодатель поместил предписания относительно назначения наказания при совокупности преступлений и о наказании несовершеннолетних, и только после того изложил статью о назначении наказания ниже низшего предела. Правила назначения наказания за покушение на преступление и за преступление, совершенное в соучастии, по-прежнему не включались в раздел о порядке применения мер социальной защиты

и составляли часть структурной единицы закона, посвященной институту преступления.

Определяя общие начала назначения наказания, статья 37 УК 1960 г. Особенной части Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, в точном соответствии с положениями Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Общей части Кодекса. При назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность. Смягчающие обстоятельства получили в законе новое обозначение. Вместо «обстоятельств, смягчающих вину» или просто «смягчающих обстоятельств», известных прежнему законодательству, УК 1960 г. говорит об «обстоятельствах, смягчающих ответственность». В подобном виде правила смягчения наказания просуществовали в России вплоть до принятия последнего УК РФ 1996 года.

Оценивая советский этап развития института смягчения наказания, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

1. За относительно короткий по историческим меркам период (1917–1922) советское уголовное законодательство повторило путь от создания разрозненных актов о преступлениях и наказаниях к единому кодексу, в котором были сосредоточены все относящиеся к проблеме смягчения наказания нормативные предписания.

2. С первого кодекса законодатель воспринял дореволюционную традицию вычленения в структуре закона самостоятельной главы о назначении наказания. Однако за всю советскую историю уголовного права так и не удалось, с одной стороны, сконцентрировать в соответствующей главе все правила назначения наказания (часть из них располагалась в главе, посвященной регламентации института преступления), а с другой стороны, обособить институт назначения наказания от близких, но все же самостоятельных институтов освобождения от наказания, освобождения от ответственности и др.

3. Особенностью советского уголовного права надо признать более широкие рамки судейского усмотрения при назначении и смягчении наказания. Законодатель отказался от жестких предписаний о мере влияния тех или иных смягчающих факторов на объемы наказания, оставляя решение этого вопроса непосредственно суду. При этом обобщенными критериями индивидуализации наказания признавались особенности личности виновного и общественная опасность совершенного преступления; к середине прошлого века законодателю удалось определить баланс между этими критериями, признав их равноценность.

4. Содержательная характеристика института смягчения наказания в советском уголовном праве включала в себя традиционные для русского права нормы: о смягчающих обстоятельствах, о назначении наказания ниже низшего предела, о назначении наказания за неоконченную

преступную деятельность и преступление, совершенное в соучастии.

5. С принятием УК РФ 1996 года начинается кардинально новый этап в развитии института смягчения наказания, связанный с концентрацией всех относящихся

к нему правил в единый структурный элемент кодекса, более компактным, логичным и последовательным изложением нормативного материала и увеличением его объема за счет новых, ранее не известных законодательству предписаний.

Литература:

1. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 годы /Под ред. И. Т. Голякова. — М.: Госюриздат, 1953. — с. 201.
2. История советской прокуратуры в важнейших документах /Под ред. К.А. Мокичева. — М.: Госюриздат, 1952. — с. 328.
3. Герцензон, А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М. История советского уголовного права. — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — с. 283.

Обстоятельства, смягчающие наказание: проблемы систематизации и особенности учета

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент
Чеченский государственный университет

Обстоятельства, смягчающие уголовное наказание, определены ст. 61 УК РФ и играют важную роль в процессе индивидуализации мер уголовно-правового воздействия. Их учет при назначении наказания позволяет обеспечить его справедливость и адекватность, в связи с чем, не случайно, что этим обстоятельствам в уголовно-правовой литературе уделяется пристальное внимание. Наличие обширной библиографии по теме в известной мере избавляет нас от необходимости анализировать устоявшиеся позиции и хорошо известные аспекты понимания и учета смягчающих обстоятельств. В связи с этим позволим себе заострить внимание лишь на некоторых актуальных проблемах, выявленных в том числе и при исследовании современной практики назначения наказания.

Прежде всего, с точки зрения оптимизации правоприменительной деятельности, важно определить место обстоятельств, смягчающих наказание, в системе критериев его индивидуализации. Статья 60 УК РФ установила, что при назначении наказания суд должен учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Такая синтаксическая конструкция не случайна. Особенности преступления и личность виновного — главные, ключевые критерии назначения справедливого наказания.оборот «в том числе», использованный при описании смягчающих и отягчающих обстоятельств, предполагает, что они не являются самостоятельным критерием индивидуализации, а раскрывают, конкретизируют первые два. Исходя из этого, в науке было сформулировано предложение отказаться от упоминания характера и степени общественной опас-

ности преступления и личности виновного в ч. 3 ст. 60 УК, оставив в ней лишь указание на учет смягчающих и отягчающих обстоятельств. С таким подходом, пожалуй, сложно согласиться, поскольку при его реализации из закона будет устранено принципиально важное указание на генетическую связь смягчающих и отягчающих обстоятельств с особенностями преступления и личности виновного. С точки зрения формальной логики возможно обратное решение — исключение «части» (смягчающих и отягчающих обстоятельств) и ограничение законодательной формулировки «целым» (опасностью преступления и личностью виновного). Но и такой подход весьма уязвим, поскольку, в частности, опасность совершенного преступления определяется, в первую очередь, признаками зафиксированного в законе состава преступления, которые учитываются при квалификации содеянного и не могут повторно влиять на назначаемое наказание. Таким образом, можно констатировать, что самостоятельное упоминание смягчающих и отягчающих обстоятельств с использованием оборота «в том числе» представляется наиболее оптимальным законотворческим приемом.

Признавая справедливость законодательного решения о признании смягчающих обстоятельств частью данных о преступлении и личности виновного, считаем необходимым специально подчеркнуть, что оно предъявляет особые требования к суду в части учета и непосредственной фиксации в приговоре самих смягчающих обстоятельств (что будет справедливо и для обстоятельств отягчающих).

При таком подходе смягчающие обстоятельства возводятся в ранг самостоятельного критерия индивидуали-

зации наказания, что порождает, с одной стороны, опасность «двойного учета» одних и тех же данных как при характеристике особенностей преступления и личности виновного, так и в качестве самостоятельных критериев; а с другой стороны, как ни странно, недооценку данных о личности и совершенном преступлении.

На наш взгляд, из всего обилия существующих в доктрине классификаций наиболее адекватна та, согласно которой все они, следуя закону, подразделяются на две группы: характеризующие совершенное преступление и характеризующие личность виновного. Вместе с тем, она нуждается в определенном уточнении и развитии.

Во-первых, важно отметить, что такая градация в некотором смысле условна. Поведение человека (и преступление здесь не исключение) выражает собой в известной мере и внутренние свойства (черты) этого человека. Справедливо, хотя и несколько категорично, указывает Л. Л. Кругликов, что те смягчающие обстоятельства, которые представляют собой фрагменты преступления, проявились в содеянном, оказывают влияние на степень общественной опасности одновременно и преступления, и личности виновного [1].

Во-вторых, несмотря на отмеченную условность, недопустимо смешивать две рассматриваемые группы смягчающих обстоятельств, поскольку не все обстоятельства, характеризующие личность, служат показателем опасности деяния, и наоборот. Равным образом не всегда характеризуют личность подсудимого такие данные о преступлении, как совершение преступления в результате физического принуждения, аморальность поведения потерпевшего и др.

В-третьих, само понятие «преступление» в контексте анализа характеризующих его смягчающих обстоятельств нуждается в уточнении. На наш взгляд, при назначении наказания суд не может (и не должен) ограничиваться данными, характеризующими преступление как изолированный во времени и пространстве поведенческий акт, границы которого заданы уголовно-правовым учением о моменте начала и окончания преступления. В гораздо большей степени задачам правосудия будет отвечать учет более широкого круга данных, которые характеризуют известный в криминологической науке феномен механизма преступного поведения [2].

В-четвертых, требуется уточнение содержания смягчающих обстоятельств, характеризующих личность виновного. Мы уже отметили, что часть из них характеризует одновременно и механизм преступного поведения. Другая же часть данных о личности, в том числе обстоятельства, зафиксированные в п. п. «б», «в», «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, непосредственно к преступлению не относятся и характеризуют личность вне связи с совершенным криминальным деянием. Это, если так допустимо будет выразиться, данные о личности «в чистом виде». Перечислить их в законе в полном виде объективно невозможно. В данном случае правоприменитель должен ориентироваться на предписания ч. 2 ст. 61 УК РФ, позволяющей

признавать смягчающими и иные, не указанные в законе обстоятельства.

Проанализировав таким образом систему смягчающих наказание обстоятельств, представляется возможным предложить их оптимизированную классификацию, основанную на законодательных предписаниях и учитывающую потребности практики назначения наказания. На наш взгляд, смягчающие обстоятельства подразделяются на две группы: а) характеризующие механизм преступного поведения и отражающие через его призму опасность совершенного преступления и личность виновного; б) характеризующие личность виновного как субъекта исправительного воздействия наказания, значимые в прогностическом плане для определения программы ее исправления.

Такой подход к классификации смягчающих обстоятельств с учетом их места в системе общих начал назначения наказания позволяет, на наш взгляд, оптимизировать формулу мотивировки наказания в приговоре суда, с тем, чтобы учесть все данные и не допустить их «двойного учета».

Подводя итог исследованию вопросов, связанных с пониманием и учетом смягчающих наказание обстоятельств, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

1. Смягчающие обстоятельства выходят за рамки состава преступления в более широкую область социальных признаков деяния и личности виновного, являются составной частью характеристики именно этих критериев назначения наказания; в связи с чем, во-первых, не могут быть признаны смягчающими обстоятельства, которые не относятся к совершенному деянию и личности виновного; а во-вторых, недопустим двойной учет одних и тех же обстоятельств одновременно и как характеризующих деяние или личность, и как имеющих самостоятельное значение смягчающих обстоятельств.

2. Оптимизации практики учета смягчающих обстоятельств будет способствовать их классификация на две группы: а) характеризующие механизм преступного поведения и отражающие через его призму опасность совершенного преступления и личность виновного; б) характеризующие личность виновного как субъекта исправительного воздействия наказания, значимые в прогностическом плане для определения программы ее исправления.

3. В теории и в правоприменительной деятельности следует различать признание обстоятельства смягчающим и учет смягчающего обстоятельства при назначении наказания. В частности: а) мотивировав решение, суд может не признать смягчающим обстоятельством, признанное таковым в ч. 1 ст. 61 УК РФ; б) мотивировав решение, суд может признать смягчающим обстоятельством, не признанное таковым в ч. 1 ст. 61 УК РФ на основании положений ч. 2 данной статьи; в) признанные смягчающими обстоятельства должны в обязательном порядке найти отражение в приговоре и быть положены в основу

решения о мере наказания, поскольку эти обстоятельства включаются в число данных об опасности преступления и личности виновного.

4. Совершенствование правотворческой и правоприменительной деятельности в части учета смягчающих наказание обстоятельств не может и не должно идти по пути

разработки формализованных и математизированных формул. Основной вектор развития закона в данном случае видится в разработке более детальной категоризации преступлений, оптимизации системы наказаний и конкретизации санкций статей Особенной части УК РФ с сокращением параметров их неопределенности.

Литература:

1. Велиев, С. А., Савенков А. В. Индивидуализация уголовного наказания. — М.: Издательская группа URSS, 2010. — с. 60.
2. Кругликов, Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (вопросы теории). — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — с. 35.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 23 (103) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И.Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25